

Д. Я. Айзманъ.

Черные дни

(ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ).

- 1) На чужбинѣ.—2) Рабъ.—3) Земли.—
4) Объ одномъ злодѣяніи.—5) Немно-
жечко въ сторону.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская уд., д. № 34.

1904.

WID-LC

PG

3451

.A4

C4

1904

✓

Friedman

емь :
сказ
проц
тифт
плат
поку
яхъ,
дает
проп
саль
С
рону
тепл
въ в
шен
лось
лили
ских

На чужбинѣ.

РАЗСКАЗЪ.

— Какая огромная разница между положеніемъ здѣшняго крестьянина и русскаго мужика,— сказала однажды Сара, стоя у аптечнаго шкафа и процѣживая какую-то настойку.— Появился здѣсь тифъ, и каждый больной зоветъ къ себѣ доктора, платитъ ему за прїѣздъ десять франковъ и потомъ покупаетъ всѣ нужныя лѣкарства. Въ благодѣніяхъ, въ бесплатной медицинской помощи не нуждается никто. Какія бы дорогія лѣкарства ты ни прописалъ, покупаютъ все. Шампанское прописалъ—покупаютъ шампанское.

Слушая Сару, я смотрѣлъ не на нее, а въ сторону, въ раскрытое окно. Стоялъ ноябрь, сухой, теплый, тихій,—такой, какимъ онъ часто бываетъ въ этомъ краю. Огородъ нашъ былъ уже опустошенъ, садъ стоялъ обнаженный. За садомъ тянулось темное, унылое поле, а дальше громоздились крутые отроги Вогезовъ, гдѣ на гигантскихъ, синеватыхъ соснахъ догорали теперь по-

слѣдніе лучь заходвншаго солнца. Въ лѣсу, въ полѣ и у насъ, въ домѣ царнла такая тишина, что капли настойки, мѣрно падавшія съ лейки въ вепопную склянку, звенѣли отчетливо и гулко.

— Да,—задумчиво и вѣсколько неохотно отвѣтвль я:—покупають и шампанское... И мясной порошокъ по семи франковъ флаконъ покупають...

— Да и какаѧ же это эпидемія,—медленно и тихо продолжала Сара: — двухъ мѣсяцевъ ве длилась, а смертныхъ случаевъ всего три... Въ русской деревнѣ какъ пойдетъ косить — треть населенія увосить... Нищета, врачъ за тридевять земель, дороги ужасныя... У прача часто нѣтъ самыхъ необходимыхъ лѣкарствъ. Я недавно читала: нѣтъ даже хинина, нѣтъ льду... Три мѣсяца врачъ безъ хивна свдить...

Яша, лежавшій на полу, животомъ внизъ, и разставлявшій нѣ кружокъ вагоны своей желѣзной дороги, подвляль вдругъ къ матери голову и озабоченно сиросиль:

— Хивниъ, ma mère, c'est bien du sulfate de quinine?

Яша любиль подсаживаться къ Сарѣ, когда ова приготавлила лѣкарства, и помогать ей. Она предоставляла ему заворачивать въ бумажки порошки и заклеивать кашеткв, и многіе меднкамен-ты были ему хорошо извѣсны.

— Такъ пошли нашъ хивинъ, — продолжалъ по-французски мальчикъ:— у насъ его цѣлая банка. А намъ monsieur Grandière продасть еще, сколько угодно.

Яша привсталъ. Лицо его приняло выражевіе серьезное, важное, такое, какимъ оно часто бываетъ у дѣтей, когда они вдругъ набредутъ на особенно счастливую мысль.

— Хоть тысячу kilos! — убѣжденно заключилъ онъ.

Сара, не торопясь, вытирала полотенцемъ лейку и съ грустною улыбкой смотрѣла на мальчика. Я, по прежнему, хмурился и глядѣлъ въ окно, на сизые стебли артишоковъ и на поле, закутанное холодною, мрачною тѣнью. Разговоръ, поднятый Сарой, былъ мнѣ не по душѣ. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

Сара взяла коробку съ какимъ-то сѣроватымъ порошкомъ и стала осторожно насыпать его на чашку вѣсовъ. Не встрѣтивъ видимаго сочувствія своему плану насчетъ хинна, Яша опустилсѣ на полъ, обхватилъ худыми ручками колѣна, положилъ на нихъ голову и крѣпко о чемъ-то задумался.

— И знаешь, — медленно, не глядя на меня, тихо пощелкивая пальцемъ по коробкѣ съ порошкомъ, проговорила Сара: — всетаки... если вдуматься... очень это странно...

Она остановилась.

— Что такое странно?

Сара посмотрѣла на меня долгимъ, внимательнымъ взглядомъ.

— То странно, что мы—здѣсь.

Она сдѣлала неловкое движеніе, порошокъ изъ коробки посыпался широкою струей, чуткое коромысло вѣсовъ подскочило и жалобно звякнуло тонкимъ звономъ... Ни я, ни Сара больше не говорили, Яша тоже сидѣть молча, задумчивый и хмурый. Сумракъ въ комнатѣ дѣлался все гуще и гуще.

II.

Недѣли двѣ прошло, и мы къ этому разговору не возвращались. Думалъ же я о немъ часто.— „Странно, что мы здѣсь!“.. Во время разгара эпидемии эта мысль нѣсколько разъ приходила и мнѣ. Но долго она у меня не задерживалась и уходила, не нарушая моего покоя. Теперь дѣло обстояло нѣсколько иначе.

„Странно что мы здѣсь!“.. Я нѣзжаю въ деревню. Она отлично вымощена; дома въ ней каменные, просторные, большею частью двухъэтажные съ огромными овинами и хлѣвами. Крыты они, — тѣ, которые постарѣе, — темнымъ плитнякомъ, которые поновѣе — красною марсельскою черепицей; у домовъ — троттуары; окна вездѣ большія, ставни и двери — хорошею столярной работы — выкрашены

масляною краской. Улицы освѣщаются керосиномъ, а иногда ацетиленомъ. И, глядя на все это, я невольно начинаю рисовать себѣ другую картину: вросшія въ землю кривыя, темныя мазанки, гнилыя стропила въ развороченныхъ соломенныхъ крышахъ, смердящая грязь, оконца, величину въ кулакъ и заткнутыя тряпкой... — „Странно, что мы здѣсь!“..

Я вхожу въ домъ. Первая комната—кухня. Полъ выстланъ широкими гладкими плитамъ; съ потолка свѣшиваются окорока, огромные пласты свиного сала. У стѣны—кровать, съ занавѣсками, съ отличными мягкими матрацами, съ подушкамъ и пуховыми одѣялами. Наволочки чистыя, простыни чистыя. Рядомъ съ кроватью буфетъ. Раскроютъ его, и на меня глядятъ, съ верхнихъ полокъ, дюжины тарелокъ, бокаловъ, чашекъ, графиновъ; съ нижнихъ—сложенныя въ столбы салфетки, полотенца, скатерти. Противъ буфета — вперемѣнно часы, въ длинномъ отъ потолка до полу ящикѣ, и часы эти вперемѣнно хорошо ходятъ. Войду нѣ слѣдующую комнату—дубовый столъ, часто навоощенный, часто съ коврикомъ; соломенные стулья, чистыя кровати, орѣховый комодъ, на немъ зеркало, лампа, ящички, назочки... Стѣны оклеены обоями и на нихъ фотографическія карточки въ рамкахъ, иногда гравюры... И опять другая картина встаетъ въ моей памяти: земляной, горбатый, постоянно мокрый полъ, осклизлыя, черныя стѣны, тучи на-

сѣкомыхъ, какіе-то остаткя тулуна, какая-то гнилая солома и на ней полуголыя дѣтн со вадутыми животами и со струпьями на ляцѣ... Тяжелое, томительное смущеніе неожиданно подымается въ моей душѣ, я, къ удивленію моему, мнѣ вачинаеть казаться, что мнѣ хочется назадъ въ Россію.. „А Сара этимн чувствами томится уже давно“, — дѣлалъ я догадку.

Я оглядывался на прошлое, припоминалъ вѣ-которые моменты язъ нашей жизни за послѣдвіе мѣсяцы, и мнѣ начвнало казаться, что, чуть ли не съ первыхъ дней вашего прїѣзда сюда, Сара уже обнаруживала какую-то стравную грусть.

Она работала много—ей я поручилъ завѣдываніе аптекой, ухоль за роженяцами и разныя фельдшерскія обязанности—работала съ большимъ усердіемъ, во время эпидеміи даже самоотвержеино, но, какъ понималъ я это теперь, безъ особенной любви...

Говорила ова мнѣ—и ве разъ,—что чувствуетъ себя удовлетвореивою, и что дѣятельность ея ей нравится, во голосъ ея, при этомъ, звучалъ какъ-то ветвердо, глаза смотрѣли уныло, и впечатлѣвіе у меня получалось такое, что она не нполнѣ искревнн и отъ мевя что-то таить... Теперь мнѣ казалось, что причиву этого увннія я зваю.

Во время эпидеміи Сара ежеднево, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, ѣдила на велосипедѣ въ Лэр-

виль, дѣлала въ оба конца двадцать пять километровъ, и на дорогѣ, кромѣ того, километра полтора подымалась въ гору пѣшкомъ и нела своей нелосипедь.

Тифозныхъ она сажала въ ванны, завертывала въ простыни, переносила ихъ съ мѣста на мѣсто, вообще, хлопотала около нихъ цѣлые дни, иногда оставалась съ ними и ночью, и все это сильно утомляло ее. Къ концу эпидеміи она едва держалась на ногахъ и не походила на себя... Я принялся ее подкрѣплять, прописалъ ей фосфаты, мышьякъ, полусырое мясо, растранія холодною водою. Всѣ мои указанія она исполняла аккуратно, но сколько инбудь замѣтныхъ результатовъ отъ этого не замѣчалось. Она оставалась по-прежнему худою и блѣдною, и настроеніе у ней было угнетенное. Безсонница не прекращалась. Она ложилась рано и засыпала сразу, но черезъ какой-нибудь часъ просыпалась и потомъ съ боку на бокъ ворочалась до утра. Иногда она встанала, зажигала лампу, подсаживалась къ столу читать, читала часъ, другой, ложилась опять, но раньше разсвѣта всетаки не засыпала...

До сихъ поръ я все это объяснялъ переутомленіемъ. Теперь я видѣлъ, что переутомленіе переутомленіемъ, а есть еще и что-то другое...

III.

„Тоска по родинѣ? Nostalgie? Вотъ еще чего не доставало!“—Я пренебрежительно пожималъ плечами.

„Говорять, что всякій валоръ лѣзетъ въ голову отъ бездѣлья. А видно, и чрезмѣрная работа до умныхъ вещей не доводитъ... Заработаешься и начинаешь дурѣть... Ну, однако-же, вичего,—вылѣчимся!. Надо бы только, чтобы не было больше этихъ разговоровъ о Россіи, да сравненій этихъ и параллелей... Ничего, пройдетъ“...

И, обращаясь къ Сарѣ, я говорилъ:

— Зима пролетитъ незамѣтно, а тамъ, какъ только потеплѣетъ, будешь возитъся въ огородъ, будешь сажать картофель, и подкрѣпишься живо... Тогда и повеселѣешь.

Сара не возражала. Но въ глазахъ ея, большихъ и темныхъ, появлялось иногда выраженіе недоумѣнія.—Ты это серьезно?—говорили эти глаза:—ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь, что мнѣ поможетъ картофель?..

Меня выраженіе это смущало, корбило, и даже, когда я о немъ вспоминалъ въ дорогѣ, въ лѣсу или гдѣ-нибудь у больного, мнѣ дѣлалось неприятно. Но я говорилъ себѣ, что все это пустяки, вздоръ, что скоро все само сабою уладится, устроится и войдетъ въ колею...

Но время шло, а улаживаться ничего не улаживалось. Я со своимъ смущеніемъ раздѣлялся совершенно, даже вспоминалъ о немъ не иначе, какъ о „нелѣпномъ сантиментѣ“, но у Сары настроеніе не мѣнялось, и выраженіе унылаго раздумья не сходило съ лица.

— Ты знаешь, — обратилась она какъ-то ко мнѣ:—и въ Мезонселѣ тоже есть школа.

Я поморщился.

— Отчего жъ бы ей тамъ и не быть? — нехотя отозвался я.

— Въ Мезонселѣ нѣтъ и восьмидесяти жителей...—И, немного помолчавъ, Сара прибавила: — нѣтъ того незначительнаго поселка, той ничтожной деревушки, гдѣ не было бы школы.

— Много изъ этихъ школъ выносятся!

— Отчего же? Выносятся всетаки.. Во всякомъ случаѣ грамотѣ научаются.. А видѣлъ ты, какая при здѣшней школѣ библіотека?

Я молчалъ.

— Есть „Pages choisies“ Ренана, есть Луи Бланъ, Мишлэ, есть довольно порядочная „Энциклопедія для земледѣльцевъ“.

— Даже энциклопедія!.. А, однако, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ деревнѣ, я еще ни разу не видѣлъ челонѣка за книгой.

— Ты не видѣлъ! Не случилось, и не видѣлъ!..

А библиотека всетаки есть. Захочетъ кто-нибудь читать,—и найдетъ хорошую книгу.

Оба мы помолчали.

— Порядочные они дикари, эти твои читатели энциклопедіи,—сказаль я, усмѣхаясь:—вонъ въ Ла-фощѣ собирались провести телефонъ, такъ муниципальные совѣтники взбунтовались: отъ телефона говорятъ, передохнетъ въ деревнѣ вся птица...

— Какъ ты думаешь,—перебила меня Сара,—сколько въ нашей деревнѣ подписчиковъ на газету? Тридцать два!... На четыреста жителей—тридцать два газетныхъ подписчика.

— Радость какая! Клерикальный „Petit Champenois“ читають.

— И радикальный „Avant-garde Républicaine“ тоже... Какъ далекъ русскій мужикъ отъ того, чтобы выписывать газету...

— А Богъ съ нимъ, съ русскимъ мужикомъ!

Разговоръ принималъ уже нежелательный оборотъ. Я всталъ, взялъ со стола „Presse Médicale“, потянулся, зѣвнулъ и, усаживаясь опять съ ногами на диванъ, добавилъ:

— Онъ за то не далекъ отъ того, чтобы еврея ребра перебить.

Сара вспыхнула, быстро повернулась ко мнѣ, раскрыла ротъ и, видимо, хотѣла возражать. Но я разгладилъ свою „Presse“ и сталъ вслухъ читать о новомъ способѣ лѣченія раковыхъ опухолей...

IV.

Съ этого дня между мной и Сарой появилось что-то новое: между нами легла какая-то натянутость, какая-то фальшь. Мы говорили о больных, о засѣданіяхъ въ палатѣ депутатовъ, о новой пьесѣ въ „Comédie Française“, и разговоры эти, сами по себѣ вовсе не лишены интереса, тянулись, однако, вяло, безъ оживленія и носили явный отпечатокъ дѣланности и скуки. Иногда они обрывались на срединѣ и замѣнялись продолжительнымъ, неловкимъ молчаніемъ. Я видѣлъ что Сара уходитъ въ себя, замыкается и съ каждымъ днемъ становится все грустнѣе, унылѣе. Глядя на нее, пріникъ и нашъ Яша, даже дѣвочка Марта, служившая у насъ чѣмъ-то въ родѣ горничной и имѣвшая безконечный репертуаръ какихъ-то особенно наивныхъ пѣсенокъ, тоже присмирѣла, не пѣла и даже, казалось мнѣ, посуду била не такъ звонко, какъ прежде... Весь домъ пропитывался, давящею скукой и смутнымъ безпокойствомъ... Больныхъ, какъ на зло, было теперь немного, и мнѣ часто приходилось сидѣть дома. Я брался за книгу, затѣялъ статью для медицинскаго журнала но занятія не шли мнѣ въ голову... Бывало, я сижу въ кабинетѣ и работаю, читаю или принимаю больныхъ, затѣмъ хожу изъ угла въ уголокъ,

напѣваю, насвистываю или вожусь съ Яшей, а сверху, изъ спальни, гдѣ сидить въ это время Сара, не слышно ни шороха, ни звука.

„Хандрить, думаль я, ноеть... Да чего ей? Это, наконецъ, ни съ чѣмъ не ссобразно“!..

И я съ безпокойствомъ думаль о напряженномъ и точно все чего-то выжидающемъ лицѣ Сары, объ ея молчаливости, объ ея уныломъ, тихомъ голосѣ,— и такъ мнѣ отъ всего этого дѣлалось тяжело и досадно, что я вскакиваль съ мѣста, звалъ Воймена, моего кучера, приказываль ему запрягать лошаадь и уѣзжалъ изъ дому безъ всякой надобности.

Чтобы рѣже оставаться дома и чѣмъ-нибудь развлечь себя, я сталъ пріучаться къ охотѣ. Отроду я не держаль въ рукахъ никакого оружія, а теперь пріобрѣль ружье и въ компаніи школьнаго учителя или нотаріуса отправлялся шататься по мокрымъ полямъ или въ лѣсу. Охота меня не занимала, общество учителя, тупого и злобнаго націоналиста, который не переставаль ругательски ругать республику и проклинять министерство, не восхицало, — но всетаки чуть ли не каждый день я бралъ свое ружье и „спасался“. Съ охоты я возвращался усталый, измокшій, раздраженный— и безъ всякой добычи. Зайцы и горныя козы пробѣгали у меня подъ носомъ, я даваль промахъ за промахомъ, часто не стрѣляль и совсѣмъ, а компаньоны мои за это на меня сердились и обижа-

лись. Каждый разъ, когда я, вмѣсто зайца, попадалъ въ землю, они съ жаромъ принимались меня муштровать, объяснять, какъ (надо цѣлиться и когда выпускать зарядъ; я говорилъ: „да, да, теперь понимаю, теперь ужъ попаду“ — и опять попадалъ въ кусты... Кончилось дѣло тѣмъ, что охота мнѣ надоѣла смертельно, и я свое ружье подарилъ учителю.

— Ah, si seulement je pouvais ficher une paire de balles dans la gueule de ce sacré Millerand! — бормоталъ онъ, принимая мой подарокъ и прицѣливаясь на стоявшій въ саду орѣховый кустъ...

— Что-жъ это, разочаровался въ охотѣ? — спросила меня въ тотъ же вечеръ Сара.

— Идіотское занятіе, — угрюмо проворчалъ я. Я хотѣлъ добавитъ, что никогда бы не вздумалъ охотиться, если бы не установилась у насъ дома такая милая жизнь, но удержался...

— Ты этого не читалъ? — спросила, нѣсколько погодя, Сара, протягивая ко мнѣ раскрытую книгу русскаго журнала.

Я бросилъ взглядъ на заглавіе статьи: „Изъ голодныхъ мѣстъ“.

— Кажется... видѣлъ... просматривалъ...

— Просматривалъ? — Выраженіе растерянности легло на лицо Сары. — Ну и что-жъ ты объ этомъ скажешь?

— Ничего... интересно.

— Интересно... больше ничего?..

— Ты не знаешь, гдѣ креозотовыя капсули?— спросилъ я спокойнымъ тономъ.

— Постой, успѣешь,—она положила пальцы на мою протянутую къ аптечному шкафу руку.— Скажи мнѣ, Иосифъ, по правдѣ скажи: тебѣ никогда не приходило въ голову, что мы здѣсь не на мѣстѣ?

— Какъ это „не на мѣстѣ“? — спросилъ я съ замираніемъ сердца.

— Такъ, не на мѣстѣ... Мы здѣсь не на мѣстѣ, никому ненужны. Ты объ этомъ никогда не думалъ?

— Нѣтъ,—сказалъ я отчетливо:—я объ этомъ никогда не думалъ. И не знаю, почему объ этомъ думаешь ты... Поди, спроси монахъ больныхъ, они тебѣ скажутъ, нуженъ я имъ или нѣтъ.

— Твои больные мнѣ скажутъ, что имъ нуженъ докторъ. Но они безъ доктора не будутъ. Брось ты ихъ сегодня,—и черезъ мѣсяць у нихъ будетъ другой врачъ.

— Конечно, будетъ! Я въ этомъ не сомнѣнаюсь. Что я—незамѣнимый, что ли?.. Президентъ умретъ, и то въ двадцать четыре часа другого выберутъ...

— Когда кончалась эпидемія тифа, я сказала тебѣ, что мнѣ кажется страннымъ, зачѣмъ мы здѣсь,—тихо и печально продолжала Сара:—потомъ я объ этомъ много думала, и вижу теперь, что это не странно, а прямо нехорошо.

Я стоялъ посреди кабинета, обѣими руками держался за лацканы пиджака и хмуρο поглядывалъ на Сару.

— Что же тутъ нехорошаго?

— То нехорошо, что мы сидимъ здѣсь, гдѣ легко обойдутся безъ насъ, и не идемъ туда, гдѣ мы могли бы быть нужны.

— Это куда же, напримѣръ?— сильнѣе хмурясь, спросилъ я. И, не давъ Сарѣ отвѣтить, я произнесъ громко, рѣшительно:— Не создавай ты себѣ, пожалуйста, иллюзій, не живи мечтаніями! Я понимаю, о чемъ ты говоришь... Никому ты тамъ не нужна, и никто тебя туда не просить.

— Развѣ надо, чтобы просили?

— Не только не просятъ—бьютъ, презираютъ, гонятъ вонъ! Чего лѣзть?.. Да и не волнуйся,— добавилъ я, понижая голосъ и язвительно усмѣхаясь:— Россія и безъ тебя отлично просуществуетъ.

— Всѣ виды тифа, цынга, дизентерія не переводятся,—уныло и какъ бы про себя говорила Сара:—и не въ голодное время процентъ смертности огромный...

— Такъ что же изъ того? Ты можешь и во Франціи такіе углы найти... Не Аркадія... Поѣзжай къ савоярамъ, въ Овернь,—всего насмотришься.

Сара внимательно смотрѣла мнѣ въ лицо, а я, вложивъ въ карманы руки и широко отводя ими полы пиджака, нервно расхаживалъ по комнатѣ.

— Видишь ли, Иосифъ,—продолжала Сара:—я твои чувства понимаю... Я и сама ихъ отчасти испытывала... „Бьютъ, презираютъ, говять“—все это такъ, конечно, и именно оттого я въ свое время одобряла твое рѣшеніе поселиться здѣсь.. Но теперь я разобралась, отдала себѣ отчетъ, и вижу, что мы ошиблись... страшно ошиблись... и я говорю теперь, что если бы даже мы были здѣсь вужны, очень вужны, в если бы голодъ и тифъ свврѣпствовали здѣсь, а благополучно жилось нѣ русской деревнѣ, меня всетаки тянуло бы къ ней.

— Вотъ какъ!

— Да это же естественно.

— Даже естественно?

— Естественно, разъ люди мнѣ родные.

— Родные?—Я васмѣшливо вадервуль плечами.—Родные!.. Ну, такъ я же вотъ что тебѣ скажу: очевь, очевь я радъ, что съ этими родными раздѣлался. Очень!

Сара, попрежнему не сводя съ меня глазъ, спокойно проговорила:

— Это неправда.

— Какъ неправда?

— Конечно, веправда.

— Ты что же, въ сердцахъ читаешь, что-ли?

Сара привстала.

— Иосифъ!—какъ-то особенно мягко, задушевно сказала она:—зачѣмъ намъ этотъ тонъ? Зачѣмъ.

эти препирательства? Будемъ искренни, откровенны... Меня здѣсь томить, давить, я всегда неспокойна... Мнѣ кажется, что-то подобное испытываетъ мамка, бросившая своего ребенка и выкармливающая чужого... Я чувствую себя виноватой. И тебѣ здѣсь тоже не хорошо. Не можетъ быть, чтобы ты былъ удовлетворенъ... Отчего ты не хочешь это признать?

— Извини меня, Сара,—сухо сказала я,—я долженъ тебѣ признаться, что въ твоемъ характерѣ меня неприятно поражаетъ одна странная черта: у тебя какъ-то совсѣмъ отсутствуетъ сознаніе своего человѣческаго достоинства... Тебя тянетъ въ Россію! Но нельзя же по доброй волѣ подставлять лицо, когда въ него плюютъ... „Вернуться“! Но что насъ тамъ ждетъ! Ты забыла? А ты припомни. Только одно то припомни, что тамъ съ твоимъ сыномъ будетъ. Что изъ него тамъ выйдетъ? Здѣсь онъ будетъ учиться, гдѣ захочетъ, чему захочетъ, его способности будутъ развиваться правильно, безпрепятственно, и, можетъ быть, онъ сдѣлается чѣмъ-нибудь выдающимся. Почему я знаю? Мальчикъ очень способный... А выдающимся не будетъ, будетъ просто полноправнымъ гражданиномъ страны... А тамъ? Гдѣ ты его будешь учить? Куда тамъ Янкелю Йоселеву Израильсону сунуться? Тамъ тебѣ по пшеничной части придется его пустить! Факторомъ сдѣлать, старьевщикомъ!

Я стоялъ противъ Сары, скрестивъ на груди руки, и голосъ мой звучалъ рѣзко, убѣжденно. Я доказывалъ, что беспокоиться о русскихъ людяхъ намъ нѣтъ никакого основанія. Если мы кое-что можемъ сдѣлать, можемъ послужить ближнему, можемъ принести нѣкоторую пользу, то здравый смыслъ и справедливость требуютъ, чтобы служили мы именно Франціи. Здѣсь евреи полноправны. Здѣсь даже съ тѣми евреями, которые пріѣзжаютъ изъ Россіи, обращаются, какъ съ людьми. Лично я никакого гнета, никакихъ стѣсненій здѣсь не встрѣчалъ, и за все это мы должны питать къ Франціи глубокую признательность... Лишнимъ я считать себя не могу. Я работаю добросовѣстно, сердечно, — это скажутъ всѣ — и я по этому вправѣ быть спокойнымъ. О Россіи же, о возвращеніи туда я не хочу и думать.

— Нельзя мучить себя какимъ-то выдуманымъ, сочиненнымъ горемъ!.. — закончилъ я.

Сара слушала меня внимательно, подперевъ рукою подбородокъ, и, только когда я упомянулъ о сочиненномъ горѣ, она тихо вздохнула и, покачивая головою, вполголоса повторила:

— Сочиненнымъ!..

— Да сочиненнымъ! — съ силой сказалъ я: — фиктивнымъ! Несуществующимъ!.. Нельзя этого! Надо умѣть себя сдерживать... Мало ли какихъ недочетовъ и изъяновъ въ жизни ни бываетъ. У

кого-жъ это она проходитъ совершенно гладко, безъ всякихъ зацѣпокъ?.. Ты знаешь, я совсѣмъ не хотѣла быть медкомъ, и до сихъ поръ жалѣю, что не поступила въ Ecole des Mines, и, однако-же, ничего! Примирился. Молчу. Живу... и другимъ жизни не отравляю...

— Я отравляю тебѣ жизнь?

Я молча прошелся по комнатамъ, отъ дивана къ окну, и потомъ уже отвѣтилъ:

— Мнѣ очень неприятно говорить тебѣ что-нибудь обидное... но... что же... ты и сама можешь понять, какъ мнѣ весело смотрѣть на тебя... Вздыхаешь, тоскуешь, молчишь...

— „Молчишь“!—Сара горестно усмѣхнулась.— Я скажу тебѣ, отчего я молчу. Вначалѣ я молчала оттого, что все ждала, чтобы ты самъ заговорилъ. Я не могла допустить мысли, что ты почувствуешь себя на мѣстѣ... Подсказывать тебѣ, привинать тебѣ мою неудовлетворенность я не хотѣла. Мнѣ нужно было, чтобы ты самъ почувствовалъ эту неудовлетворенность. И скажу тебѣ правду: одно время мнѣ казалось, что ты какъ-то безпокоенъ, и я ужасно этому обрадовалась. Но... я не знаю... я, кажется, ошиблась... Или я не ошиблась, а ты неискрененъ... Не знаю...

— Я всегда искрененъ.

— Не знаю,—уныло повторила Сара.—А съ нѣкоторыхъ поръ я молчу потому, что ты уклоняешься отъ разговора.

— Отъ такого разговора уклоняюсь, конечно. Зачѣмъ мнѣ такой разговоръ? Чтобы грызться, говорить другъ другу рѣзости? Не вижу нѣ этомъ никакой надобности... И скажу тебѣ откровенно: буду очень радъ, если мы къ этой темѣ больше возвращаться не ставемъ.

— Можемъ и не возвращаться. Только о чемъ же мнѣ гонорить, если не о томъ, что меня гложеть?

— „Гложеть“!

Я взмахнулъ руками и знонко хлопнулъ себя по бедрамъ.

— Вотъ то-то же и бѣда! „Гложеть“!.. Страшная сяова, трагическое лицо, глубокомысленное, таинственное молчаніе... Какой-то секретный надзоръ за мной установила, слѣдншъ, „безпокоенъ“ я или, не дай Богъ, спокоенъ... А въ домѣ увывіе, тоска, мракъ—точно хоронять кого.

— Я себя хороню, Юсифъ! Я свою душу хороню.

Я взглянулъ на Сару... и такъ горестно отозвался ея надорванный, чуть слышный голосъ въ моей душѣ... Но я рѣшилъ быть твердымъ, твердымъ до конца, и, нахмурившись, наставительно произвелъ:

— Сдерживай себя! Нельзя изъ-за вздорныхъ сантиментовъ коверкать свою жизнь. Да и не свою только, а еще жвзнь ребенка, который даже защищаться не можетъ... Нельзя!.. Э, да что! оставимъ это... Ты не знаешь, гдѣ крeзoтoвыя капсулы?

V.

Въ смутномъ настроеніи провелъ я остатокъ этого дня. Чего я хотѣлъ? Тишины, душеанаго покоя? Но имевно этого имѣть я не могъ... Ни аъ чемъ я Сару не убѣдилъ, вичего я ей не доказалъ, и асѣ мои глубокомысленныя разсужденія—теперь я это поималъ отлично—были ей протнаны. Оаи сильпѣе разъединяли насъ и дальше отбрасывали другъ отъ друга.

Меня самого разсуждевія мои не удоалетавляли.

Часъ тому назадъ, когда, размахивая руками и морща лобъ, я аыразительно, бойко докладывалъ Сарѣ, что тамъ изъ ея сына сдѣлають фактора, что тамъ намъ плюютъ въ лѣцо, мнѣ казалось, что я правъ, прааъ кругомъ, что я стою ва твердой, незыблемой почвѣ, откуда меня не сбить. Я даже говорилъ себѣ, что разъ у мевя есть такіе сильныя аргументы, то мнѣ давнымъ-давно слѣдовало заести этотъ разговоръ, слѣдовало асе выясвить и освѣтить и разогвать хандру Сары... Теперь аргументы мои уже ве казались мнѣ такими сильными.

Я долго сидѣлъ неподвижао, потупившись, со скрещенными на груди руками и, мысленио продолжая разговоръ съ Сарой, придумывалъ все новые и новые аргументы... Но и эти новые аргу-

менты не правилнсь мнѣ, и на душѣ у меня становилось все тревожнѣе и сумрачнѣе...

Я ходилъ по комнатѣ, хмурился, что-то мурлыкалъ; останавливался, прислушиваяся, — и принимался ходить опять. Я взялся вдругъ поправлять термокотерь, который былъ испорченъ и плохо дѣйствовалъ, — и въ нѣсколько минутъ исправилъ его такъ, что онъ и совсѣмъ пересталъ дѣйствовать...

Съ часъ протолкался я въ своемъ кабинетѣ, а потомъ, накинувъ на плечи непромокаемую пелерину, кликнулъ свою любимицу, остроухую Миретку, и вышелъ изъ дому.

Была вторая половина января, но погода стояла теплая, тихая. Мелкій дождикъ то переставалъ, то начиналъ сѣять опять. Прозрачныя, серебристыя пары тихо разстилались надъ землею, и сквозь ихъ легкую ткань бурые карре виноградниковъ рисовались особенно мягко, „ватно“, а всходы озимей казались бѣлесоватыми, мутными. На холмахъ, въ лѣсу туманъ былъ гуще, темныя сосны точно курились и вершины ихъ исчезали въ низко нависшихъ облакахъ. Кое-гдѣ, вдоль дороги, тихо звякая колокольчиками, паслись коровы. Вороны чернѣли едва замѣтными пятнышками на блѣдной зелени, и Миретка, вытягиваясь въ прямую линію, съ бѣшеною веселостью гонялась за ними. Испуганные, они отрывались отъ земли, кружили, не-

пріятно каркая въ мутномъ воздухѣ, и потомъ опускались на дорогу опять, но уже дальше, за темными кустами ежевнки.

Я шелъ, не торопясь, заложивъ руки во внутренніе карманы пелерины и мрачно поглядывая на памокшіе сапоги.

„Не на мѣстѣ,—думалъ я:—тамъ мы нужнѣе... Тамъ мало врачей. А былъ бы я теперь врачомъ, если бы оставался тамъ?“

И я сталъ вспомнать прошлое, сталъ думать о томъ, какъ меня уволили изъ гимназіи...

— До сихъ поръ васъ не безпоконли,—заявилъ мнѣ и пяти моимъ одноклассникамъ-евреямъ нашъ директоръ Егоръ Иванычъ Коврижный, а по гимназическому Щука.—Не хотѣли вамъ мѣшать получить льготу по воинской повинности. Ну, а теперь шестиклассное свидѣтельство получайте и идите съ Богомъ...

Мы всѣ шестеро и пошли съ Богомъ.

Нашъ нѣжный, кроткій мечтатель Коганъ отыскалъ себѣ въ какомъ-то жалкомъ городишкѣ мѣсто учителя Талмудъ-Торы, и тамъ, подавленный каждодневнымъ созерцаніемъ мучительнаго горя и сознаніемъ своего полного безсилія помочь, скоро впалъ въ помѣшательство,—тихое, но совершенно безнадежное... Майзельсъ принялъ лютеранство, былъ оставленъ нѣ гимназіи, окончилъ в университетъ... Три остальныхъ товарища мо-

ихъ разбрелись по разнымъ дырамъ „черты осѣдлости“ и тамъ барахтаются, все больше и больше опошляясь и опускаясь, въ смрадномъ болотѣ ненавистваго гешефта...

И н продолжалъ углубляться въ прошлое, продолжалъ думать о перевесенномъ „специально-еврейскомъ“ горѣ. Я вспоминалъ, какъ два раза держалъ экстерномъ на аттестатъ зрѣлости, какъ потомъ, получивъ аттестатъ, не попалъ въ процентную норму, какъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ бѣгалъ по урокамъ, собирая крохи на отъѣздъ въ Парижъ, какъ мучительно голодалъ въ Парижѣ, — нъ Парижѣ, гдѣ ни урока, ни переписки добыть нельзя, и гдѣ жизнь такъ непомерно дорога.

„Сколько униженій, сколько ударовъ!—И теперь Сара поетъ мнѣ что-то такое про „родныхъ“, про Россію... И самъ я тоже кисну и тявусь туда... Глупо это, непроходимо глупо“...

И, энергичнѣе шагая, я говорилъ себѣ, что мы, евреи, и такъ достаточно несчастны, —однимъ тѣмъ, что мы — евреи. А если мы станемъ еще прививать себѣ какую-то тамъ вельзучую сантиментальность, то намъ лучше всего взять да удавиться сразу.

Домой я вернулся поздно. Въ деревнѣ уже горѣли огни, и черезъ окна было видно, какъ крестьяне ужинаютъ. —Сару я засталъ въ кабинетѣ. Она что-то писала; Яша жался у ея ногъ и, хныча, жаловался на голодъ.

„Я правъ,—думалъ я, когда мы сидѣли за столомъ и ужинали.—Сара фантазируетъ, нервничаетъ и чудить. Можетъ ли жизнь идти правильно и разумно, если ею управляетъ нервная, болѣзненная женщина, которая“...

Я остановился, не находя соответствующаго опредѣленія.

„Которая prend les vessies pour des lanternes... Она соскучилась по своему Павлогураду, по Шалинской улицѣ, по рѣчкѣ Волчьей, куда въ дѣтствѣ бѣгала купаться, и воображаетъ теперь, что ей нужна Россія.. Она не знаетъ, что достаточно ей въ этомъ Павлогурадѣ прожить недѣлю, чтобы онъ ей опротивѣлъ и сдѣлался ненавистнымъ... Да, она чудить! И, однако же, со всѣмъ этимъ вздоромъ, съ этими дикими причудами надо считаться и изъ-за этого беспокоиться“.

И мнѣ становилось грустно при мысли, что считаться надо будетъ и долго, и сильно...

Сейчасъ послѣ ужина мы разошлись.

Сара, по своей привычкѣ рано ложиться, поднялась въ спальню, а я ушелъ въ кабинетъ. У меня былъ трудный больной, я предполагалъ у него нарывъ въ почкахъ; на слѣдующій день долженъ былъ состояться консилиумъ съ докторомъ изъ города, и я хотѣлъ подготовиться, „посоветоваться съ maître'ами“. Я разложилъ ва столѣ толстое traité и сталъ читать.

Кабиветь мой казался мнѣ пустымъ, непривѣтливимъ. По чернымъ стекламъ оква, ва которомъ не было ни зававѣсей, ни ставевъ, хлесталь дождь и неприятно скреблась мертвая лоза винограда. Лампа горѣла съ тихимъ шипѣніемъ, сырыя дрова въ камивѣ едва тлѣли; изъ недалекаго хлѣна доносился ежеминутный кашель простуженной овцы... На сердцѣ у меня было вехорошо, неловко,—и мнѣ все казалось, что въ спальнѣ мнѣ будетъ удобнѣе. Но и идти туда мнѣ какъ-то не хотѣлось... Просидѣвъ надъ книгой больше получаса и не прочитавъ и полустраницы, я забралъ свою лампу и тяжелый томъ и тиховько поплелся ва верхъ...

— Сара! — вполголоса позваль я, войдя въ спальню.

Отвѣта не было.

Я стоялъ въ замѣшательствѣ, средн комваты, уставившись глазами на кровать, на сѣрое одѣяло.

„Она не спить,—думалось мнѣ: только дѣлаеть видъ, что спить... Ну что-жь? Tant pis“...

Я устроился у маленькаго столнка, у окна и принялся за чтеніе. Мало-по-малу я втянулся и просидѣлъ до часу. Потомъ закрылъ квнгу, занесъ руки за голову и задумался... И вдругъ, стонъ, тихій, сдавленный, протяжвый,—и какъ будто очень отдаленный, зазвучаль у мевя въ ухахъ. Точво въ лѣсу, въ ущельѣ, кого-то душили. Дрожь прошла у меня по спинѣ... Но черезъ мгновевіе я овла-

дѣлъ собою. Я зналъ уже, въ чемъ дѣло: стонала Сара. Приподнявшись на кровати, она дикими, остановившимися, полными ужаса глазами смотрѣла на меня и протягивала впередъ руки. Абажуръ собиралъ несь свѣтъ лампы на мой столъ и книгу, а кровать, стоявшая на другомъ концѣ длинной комнаты, едва намѣчалась въ непрозрачномъ тяжеломъ сумракѣ. И, окутанная этимъ сумракомъ, худая и тонкая, съ распущенными волосами, Сара походила на видѣніе.

— Онъ.. онъ...—шептала она, глотая воздухъ:— онъ, опять онъ... онъ...

Я уже зналъ, что все это значить.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда Сара была еще въ низшихъ классахъ гимназіи, въ городкѣ, гдѣ она жила, произошелъ погромъ. Лудильная мастерская ея отца и примыкавшая къ ней квартира въ нѣсколько минутъ были разбиты въ пухъ и прахъ. Вся семья успѣла спастись во-время, но Сара, таскавшая за собою четырехлѣтняго братишку, отстала. Отдѣлившійся отъ толпы громилъ, огромнаго роста босякъ вышибъ изъ ея рукъ мальчугана, а ее самое схватилъ подъ мышки и понесъ на погребницу... Тамъ впотьмахъ онъ остутился и упалъ вмѣстѣ съ Сарой. Воспользовавшись этимъ, дѣвочка, вся окровавленная, вскочила на ноги, взобралась на крышу сарайчика и бросилась съ нея внизъ на сосѣдній дворъ...

Этого босяка Сара часто—особенно послѣ какихъ-нибудь сильныхъ волненій и огорченій—видитъ во снѣ. И, когда онъ ей снится, она стонетъ мучительнымъ, тяжелымъ стономъ, а потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, ходитъ разбитая, растерянная, и лицо у нея дѣлается тупое, напряженное,—такое, какимъ оно бываетъ у эпилептиковъ послѣ сильнаго припадка.

На этотъ разъ такое состояніе продолжалось у нея больше обыкновеннаго, и мнѣ это обстоятельство пришлось какъ нельзя болѣе кстати.

— Вотъ, вотъ тебѣ привѣтъ изъ Россіи!—торжествующе говорилъ я.—Этотъ босякъ тоже родной тебѣ? Да? Ему ты тоже нужна?

Сара ничего не возражала. Она тупо смотрѣла въ сторону, и глаза ея были не темнокоричневые, какъ всегда, а какіе-то сѣрые.

— Нужно страдать какою-то спеціальною извращенностью чувствъ, какою-то моральною искалѣченностью, чтобы всетаки стремиться къ этнмъ „роднымъ“. Да, именно моральною искалѣченностью, моральнымъ уродствомъ!

Взмахивая руками и стараясь придать своему голосу и лицу выраженіе язвительной ироніи, я продолжалъ:

— Nostalgie! Тоска по родинѣ! Какая у насъ родина? Какая у насъ можетъ быть по ней тоска?

Я зналъ очень хорошо, что теперь Сара возра-

жать не способна, я зналъ, что бью лежачаго, отъ этого меня коробило, но я говорилъ себѣ, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и продолжалъ язвить.

VI.

Я продолжалъ язвить и въ слѣдующіе дни. Но, по мѣрѣ того, какъ Сара освобождалась отъ вліянія кошмара, нападкы мои становились все слабѣе и рѣже. Они прекратились совсѣмъ, какъ только я замѣтилъ, что Сара достаточно владѣеть собою, чтобы дать мнѣ надлежащій отпоръ.

Къ этому времени мнѣ стало выясняться, что моя язвительность и иронія производятъ на Сару не лучшее впечатлѣніе, чѣмъ и мое глубокомысліе... И я притихъ и сжался, и о Россіи не заикался уже ни единымъ словомъ. Сара о ней не говорила тоже,—и опять потянулась у насъ прежняя тягостная и скучная жизнь. Въ отношеніяхъ моихъ съ Сарой, какъ я это предвидѣлъ, появилось еще больше натянутости и фальши. Я какъ-то глупо робѣлъ и, насколько могъ, избѣгалъ ея общества. Такъ какъ Сара ложилась рано, то и поднималась она съ разсвѣтомъ. Я же, напротивъ того, засыпался до полуночи, и вставалъ не раньше восьми. За десять лѣтъ нашего супружества я не сумѣлъ привыкнуть къ „кури-

ному“ распредѣленію времени Сары и не переставалъ изъ-за него воевать съ нею.

— Уже спишь!—недовольнымъ тономъ говорилъ я, когда въ началѣ восьмого глаза Сары начинали смыкаться... Она виновато улыбалась, дѣлала усилія, чтобы превозмочь сонъ и оживиться, но черезъ полчаса глаза ея слипались окончательно, и лицо принимало такой комически-несчастный видъ, что я, смѣясь, самъ уже отсылалъ ее спать...

Теперь я мысленно благодарилъ Сару за такое распредѣленіе и спрашивалъ себя, что бы это было, если безконечные зимніе вечера надо было проводить вмѣстѣ?! Даже тѣ полчаса, которые мы за обѣдомъ должны были просидѣть другъ съ другомъ, на противоположныхъ концахъ стола, казались мнѣ томительно длиннымъ временемъ, и, боясь молчанія, я заблаговременно приготавлилъ темы для разговора: что-нибудь о больныхъ, о выборахъ новаго мэра, о томъ, что жена мясника Мартэнъ бьетъ своего мужа и по ночамъ ходитъ на свиданія къ кюрэ. Если Сара интересовалась моими разказами и задавала по ихъ поводу какіе-нибудь вопросы, мнѣ дѣлалось весело и хорошо, я оживлялся и впадалъ въ болтливость, какъ если бы хватилъ лишнюю рюмку вина. А когда она слушала разсѣянно и невнимательно, мною овладѣвала и оторопь, и досада, я въ замѣшательствѣ заминалъ разговоръ и, не зная, что дѣ-

латъ, начиналъ придираться къ Яшѣ,—къ тому, что онъ кладетъ на столъ локти, что онъ забрызгалъ супомъ саяфетку..

Спустя нѣкоторое время, я измѣнилъ свое поведеніе. Я сталъ прикидываться, будто считаю, что ничего особеннаго у насъ не происходитъ. Случилась заминка, непріятность, мы о ней поговорили, и дѣлу конецъ. Теперь все идетъ, какъ и раньше шло, какъ и должно идти. Я доволенъ и ничего другого мнѣ не надо..

Но эта игра была слишкомъ ужъ неумна, она утомляла меня, и я только сильнѣе запутывался.

Временами во мнѣ закипала глухая вражда, въ душѣ загораяооъ желаніе объясняться ссориться, упрекать, но все это проходило довольно скоро; я увядаль, терялся и, пристыженный глубоко грустнымъ лицомъ Сары, начиналъ вдругъ чрезмѣрно суетиться, усиленно о чемъ-нибудь хлопотать—безъ всякой надобности, безъ видимыхъ причинъ..

Хуже всего было для меня то, что я нигдѣ не видѣлъ для себя опоры—ни во внѣшнихъ обстоятельствахъ, ни въ себѣ самомъ. Если бы я могъ сказать себѣ и теперь—какъ могъ это дѣлать раньше: „правъ я, а Сара чудитъ“, я бы всетаки такъ сильно не подавался и не падалъ духомъ. Но сознанія своей правоты у меня не было. Твердую, вполне надежную почву я чувствовалъ подъ собою

только одинъ разъ, въ теченіе только одного часа,— когда заявлялъ Сарѣ, что Яшу придется пустить по „пшеничной части“. Но, однажды подавшись, почва эта расплывалась все больше и больше, и теперь, съ возрастающимъ смущеніемъ я допытывалъ себя—точно ли я потому сижу здѣсь, что не признаю „родныхъ“, да и правда ли, что я ихъ не признаю?..

Дать на эти вопросы отвѣтъ прямой, ясный я не хотѣлъ или не умѣлъ, или боялся. Но когда мнѣ припоминалось, что такъ еще недавно я говорилъ о какой-то извращенности чувствъ и иронизировалъ надъ *nostalgie*,—я брезгливо хмурился и мысль свою старался перевести на что-нибудь другое...

VII.

Оттепель въ этомъ году наступила рано, и въ началѣ марта стояла уже настоящая весна. Теплый вѣтеръ весело шумѣлъ въ оживавшихъ поляхъ, врывался черезъ открытыя окна въ домъ, хозяйничалъ тамъ и бушевалъ, хлопалъ дверьми, сбрасывалъ на полъ бумаги. По вебу стремительно носились сверкающія, какъ расплавленное серебро, облачка и то сгущались въ небольшую, но темную, почти черную тучу и разражались быстрымъ и теплымъ дождемъ, то убѣгали совсѣмъ, и тогда солнце свѣтило такъ ласково, дружелюбно... Начи-

иались работы на виноградникахъ и на огородахъ, и я тоже занялся ими: подрѣзаль лозы, цѣплявшіяся по стѣнамъ моего дома, копаль землю, сажаль лукъ и сѣяль ранній горохъ. Крестьяне торопились засѣвать овесъ. По ихъ мнѣнью, овесъ, посѣянный позже марта, плохъ качествомъ, и лошади его не ѣдятъ. „L'avoine d'Avril est pour le cabril“...

Консультации я въ этотъ день давалъ коротенькія, небрежныя, и въ обращеніи моемъ съ больными было что-то сухое, холодное, почти враждебное...

Вообще, въ эту пору я особенной привѣтливости не показывалъ. Я работалъ безъ увлеченія, почти механически, и мнѣ даже странно было подумать, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я терялъ аппетитъ и сонъ отъ каждаго даже не очень значительнаго осложненія у больного и, наоборотъ, чувствовалъ себя счастливымъ и приходилъ въ умиленіе, когда какой-нибудь трудный больной начиналъ поправляться...

Мнѣ памятенъ одинъ вечеръ: я возвращаюсь съ объѣзда домой и всю дорогу думаю о томъ, что маленькой Марточкѣ Лебрэнъ лучше, что невратеничку Жанмеръ больше не мучать дикія видѣнія, что туберкулезнаго Гарнье подкожныя вспрыскиванія арсикодила подкрѣпили до неузнаваемости—и такъ это все меня радуеть, такимъ яснымъ это переполняетъ меня счастьемъ!.. Потомъ, при

въѣадѣ въ деревню, я издали замѣчаю кузнеца Тіона, прожигающаго нѣ большой деревянной рамѣ—будущей боронѣ—дыры для зубьевъ,—и новая волна счастья приливаетъ къ размягченному сердцу. Этотъ Тіонъ умиралъ. Кюрэ его уже „администрировалъ“, могильщику Жако, въ виду предстоящаго ему заработка, въ кабакѣ стараго Віара уже открыли кредитъ, но я больного отстоялъ и спасъ. И вотъ, теперь онъ стоитъ передо мной, крѣпкій и сильный, и съ красивою лонкостью размахиваетъ огромными пудовыми щипцами.

— *Ça marche-t-il?*—кричу я ему на ходу.

— *Mais ça marche à merveille, je vous remercie...*

Видите морковку рву!

И, радостно скаля зубы, Тіонъ показываетъ мнѣ свою морковку—до-красна накаленный желѣзный стержень,—и потомъ съ силою нажимаетъ имъ на рейку бороны.

Я останавливаюсь и долго съ любовью и благодарностью смотрю на закончѣное лицо кузнеца...

Когда я теперь все это припоминалъ, я испытывалъ не радость, а уныніе, почти досаду, и о Тіонѣ думалъ съ какою-то глухою, возмущавшею меня, но неодолимою неприязнью...

Я видѣлъ теперь, что Сара была права, когда говорила о чувствахъ мамки.—„Цынга... нсѣ виды тифа... треть населенія уносятъ“. — Эти слова ея часто звучали въ моей душѣ. И, можетъ быть,

именно оттого, что теперь мы о Россіи не говорили, они беспокоили меня особенно сильно. Если бы начался разговоръ, я опять сталъ бы возражать, сталъ бы спорить, можетъ быть, и раскипятился, и разохлился—и въ самомъ этомъ кипѣніи, шумѣ и крикѣ вашель бы для себя облегченіе. Теперь же кричать не приходилось... И опять вставалъ во мнѣ параллели и сравненія, я ихъ больше не отгонялъ, в вмѣстѣ съ думами о цингѣ и неперенодящемся тифѣ они дѣлали свое дѣло...

Русскіе журналы я теперь не „просматривалъ“, а читалъ, читалъ внимательно, вдумчиво и не рѣдко съ чувствомъ щемящей боли и тоски...

„Пеллагра распространяется у васъ съ поразительною быстротой. Шесть ведѣль тому назадъ были отмѣчены ея первыя жертвы, а теперь въ уѣздѣ насчитываютъ уже сотни пеллагрозныхъ. Лѣчевіе, состоящее въ замѣвѣ кукурузной муки ржаной, даетъ очеви хорошіе результаты. Большимъ, представляющимъ свѣдѣтельство о бѣдственности, выдается ржаная мука, пудъ на мѣсяць. До сихъ поръ на этотъ предметъ израсходовано 437 руб. 52 коп. Рѣшено выписать брошюру доктора Лубявскаго, трактующую о пеллагрѣ и написанную очеви популярно, въ количествѣ пятисотъ экземпляровъ и раздавать ее грамотной части населевія бесплатно“.

Я прочитываю эту корреспонденцію разъ, прочитываю ее два раза...

Я сижу молчаливый, хмурый,—и когда потомъ приходитъ шорникъ Акенъ попросить ва десять су карболки, я почти не отвѣчаю на его поклонъ, смотрю на него изподлобья, — какъ если бы онъ былъ мой врагъ,—и думаю: „у тебя вотъ нелагры ве будетъ“...

Я сержусь ва себя за эти мысли, сержусь и за свое дурное настроеніе, а всего больше — за тайное чувство виноватости, которое не перестаетъ меня томить — и, чтобы освободиться отъ него, я опять начинаю разжигать въ себѣ злость, начинаю думать о погромахъ, выдвореніяхъ и процентныхъ нормахъ,—но дѣйствуетъ это какъ-то слабо, на сердцѣ у меня по-прежнему и сумрачно, и веспокойво...

VIII.

„А всѣхъ этихъ милыхъ встроений, вѣроятно, не было бы и въ поминѣ, — подумаль я какъ-то разъ,—если бы я находился въ положеніи, напри- мѣръ, Стасевича, и мнѣ вернуться въ Россію было бы невозможно!“..

„Да, конечно!.. Нѣтъ пути!.. Замурованъ входъ,— или въ Якутскую область ступай!.. Сидѣли бы тогда смрно, и не мучились“...

Я часто возвращался къ этой мысли... и мину-

тами искренно сожалѣлъ, что за мной нѣтъ какихъ-нибудь „исторій“,—хотя бы просто отъ солдатчины убѣждать, что-ли — и что никакихъ специальныхъ затрудненій при возвращеніи въ Россію я не встрѣчу.

Въ одну изъ такихъ минутъ у меня мелькнуло соображеніе, что вѣдь можно же создать себѣ „затрудненія“... Это нонсе не такъ трудно...

Замуронывать ходъ въ Россію ужъ слишкомъ радикально,—можно придумать что-нибудь другое. Можно, на примѣръ, прикрѣпить себя здѣсь, на мѣстѣ, можно опутать себя разными нитями такъ, чтобы отъѣздъ отсюда сдѣлался затруднительнымъ, почти невозможнымъ.

„Мы тутъ ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не связаны,—думалось мнѣ. — Какъ птицы на вѣткѣ, — снялись и улетѣли. Мебелишки, обстановки, и то почти нѣтъ, и въ двадцать четыре часа могли бы собраться въ дорогу. Эта легкость отъѣзда, во всякомъ случаѣ, не нужна... Все равно, вотъ какъ если дома заряженный револьверъ лежитъ: въ тяжелую минуту ваялъ и бацнулъ себѣ въ лобъ. А нѣтъ оружія дома—тяжелая минута прошла, и потомъ еще до ста лѣтъ и жить, и Бога славить будешь“...

И сталъ у меня назрѣвать нѣкоторый планъ... Сначала онъ казался мнѣ смѣшнымъ, нелѣпымъ, и я занимался имъ больше такъ, для забавы, чтобы отвлечься отъ мрачныхъ настроеній. Но по-

томъ, мало-по-малу, я сталъ съ нимъ свыкаться и сталъ вѣрить, что, пожалуй, и нѣ самомъ дѣлѣ онъ выручитъ.

„Дѣло нѣдѣ въ томъ, — принимался я объяснять себѣ: — что логики во всемъ этомъ моемъ безпокойствѣ, après tout, нсетаки нѣтъ... Я мягокъ, слабъ, я—баба, — и заражаюсь отъ Сары. Я боюсь ссоръ, боюсь шума, а нойны безмолвныя меня нзводятъ въ конецъ. Не могу ихъ выносить! Я готовъ на всякія уступки, но вѣдѣ это дѣлу только вредить. И если бы вмѣсто того, чтобы поддаваться Сарѣ, я сумѣлъ подчинить ее себѣ, то миръ у насъ наступилъ бы скорѣе... Да, это вѣрно“...

И я сталъ приступать къ осуществленію своего плана.

Надо было продѣлать хитрую штуку. Надо было забѣжать самому себѣ за спину, связать собственные локти и накрѣпко приконать себя къ полу.

— Пятнадцатаго апрѣля нстекаетъ нашъ кквартирный срокъ,—обратился я однажды къ Сарѣ. — Я думаю, что если теперь снять квартиру лѣтъ на пять и заключить письменное условіе, то мосеъ Буротъ согласится сдѣлать значительный ремонтъ.

Къ удивленію моему, Сара не подняла никакой бури. Она только зорко на меня поглядѣла, покраснѣла слегка,—и отвернулась.

— Дикое у нихъ обыкновение строить двухъ-этажныя чердаки, — продолжалъ я. — Вотъ этотъ

чердакъ вадо будеть передѣлать въ комнаты... Намъ нужны еще двѣ комнаты, для тебя и для Яши.

Сара молчала.

— Яша растеть, ему отдѣлывая комната необходима. Потомъ необходимо облицевать цистерну цементомъ.

Сара продолжала молчать.

— Садъ хорошо бы обнести рѣшеткою,—настаивать я:—какъ ты думаешь?

— Да.

— Я переговорю съ Буротомъ.

— Переговори.

— Въ воскресенье мнѣ вадо быть въ Римокурфъ. и тамъ и поговорю съ мосье Буротомъ.

Я постоялъ нѣкоторое время, ожидая чего-то. Но ничего не случилось.

— Да, и съ нимъ поговорю, — повторять и не вышелъ изъ комнаты.

Въ сущности, все улаживается недурно. Бури нѣтъ и отлично. Дикому „да“ Сары и „переговори“, ей молчанію вадо противопоставить — твердость духа и непреклонность. Непреклонность, вообще говоря, вещь необходимая, — въ особенности для тѣхъ, кого судьба не балуетъ и кому все приходится брать съ бою. Сколько разъ уже страдалъ и отъ отсутствіи непреклонности. Я могу спроектировать какое-нибудь хорошее дѣло, могу отлично

его обдумать во всѣхъ деталяхъ и начать приводить въ исполненіе, но потомъ, вдругъ станутъ развѣдывать меня сомнѣнія, пойдутъ разные колебанія и страхи, и я остановлюсь на полпути. Черта пагубная! И именно ей я обязанъ, между прочимъ, и тѣмъ, что я не инженеръ, а врачъ. Да!.. Но надо же, однако, когда-нибудь поучиться быть мужчиной!.. И въ концѣ-концовъ Сара и сама нуждается въ твердомъ и рѣшительномъ руководителѣ. Киснетъ она, кисну я, и у обоихъ не жизнь, а сплошная тревога. Надо быть рѣшительнымъ, непреклоннымъ. Вся штука въ этомъ. Сумѣй я это сдѣлать, и Сара сама же потомъ будетъ рада.

Разсужденія эти приводили мнѣ на память Шмилъ-Волфа, моего ребе, который, встязая учениковъ, тоже проявлялъ непреклонность и тоже говорилъ, что впоследствии они сами же будутъ довольны,—но отъ приведенія своего плана къ исполненію я всетаки не отказывался.

И, еще не дождавшись воскресенья, когда я долженъ былъ увидѣться съ мосье Буротомъ, моимъ домовладѣльцемъ, я взялъ и купилъ продававшійся по случаю щегольской и почти совершенно новый кабріолетъ.

„Нужно идти прямо, нужно идти рѣшительно!“—подхлестывалъ я себя.

А Сарѣ я объяснилъ, что незачѣмъ лѣтомъ таскать тяжелый фаэтонъ. Кабріолетъ въ четыре

раза легче и Бишету не будетъ утомлять. Правильно я буду самъ, а Войменъ пусть занимается огоро-домъ. Если фазтонъ побережь, онъ мнѣ двадцать лѣтъ прослужить.

Сара не спорила.

Къ самому факту пріобрѣтенія кабриолета и къ разсужденіямъ по поводу него она отнеслась съ такою же безучастностью, съ какою относилась и къ тому, что я съ метромъ въ рукахъ лазилъ те-перь по чердакамъ и сараямъ и, измѣряя ихъ, озабоченно планировалъ, что вотъ здѣсь надо бу-детъ пробить дверь, тамъ поставить простѣнокъ, а лѣстницу перенести туда...

„Да полно, развѣ это будетъ? — мелькало иногда у меня въ головѣ:—развѣ не вздоръ это, не ребячество?“...

И мнѣ дѣлалось иеловко, досадно, и въ то же время немножко смѣшно. Мнѣ начинало казаться, что я разыгрываю какой-то плохенькій водевиль— и принимаю его за нѣчто серьезное, за настоящую жизнь... Мысль эту я, однако-же, старался вся-чески отгонять...

Я хмурился, принималъ холодный, важный видъ и съ суровою дѣловитостью начиналъ обсуждать съ Войменомъ, во сколько должна обойтись по-стройка новой конюшни, и не будетъ-ли выгодно дать Бишетѣ *faïge un roulain*.

— Вамъ бы купить этотъ домикъ, — пріохочи-

валь меня Воймень: — все бы по своему вкусу и перестроили.

— Я посмотрю,—отвѣчалъ я:—можетъ быть, и куплю.

Въ воскресенье я поѣхалъ къ Буроту, а въ четвергъ, рано утромъ, Буротъ, съ двумя каменщиками, приѣхалъ ко мнѣ. Всѣ четверо мы долго обсуждали, вычисляли, измѣряли, лазвли на крышу, спускались въ цистерну. Я весь выпачкался въ илѣ и паутивѣ, и, когда былъ въ погребѣ, оступился и чуть не свалился въ выбоину.

Мосье Буротъ, отставной военный, малевъкій, чистенькій, съ розовымъ личикомъ и съ сѣдою раздвоенною бородой старичекъ, любезный и сладкій, какъ могутъ быть сладки французы, когда они этого хотятъ,—въ вопросахъ дѣловыхъ оказался, однако, довольно прижимистымъ. Ремонтъ онъ соглашался сдѣлать, но потребовалъ условіе на шесть лѣтъ и квартирную плату повысилъ на цѣлыхъ триста франковъ въ годъ. Это было много, и я долго спорилъ и не соглашался, но въ концѣ-концовъ должевъ былъ уступить.

Когда все было улажено, у насъ вдругъ возникъ новый торгъ—изъ-за рѣшетки вокругъ сада. Мосье Буротъ говорилъ, что рѣшетка обойдется слишкомъ дорого, и соглашался только на проволочную сѣтку. Я же рѣшетку требовалъ съ та-

къмъ азартомъ, какъ будто безъ нея вся моя жизнь будетъ испорчена навсегда. И, добиваясь ея, я въ сущности хотѣлъ, чтобы Буротъ ве сдался. Этотъ шумный торгъ заглушалъ чувство неловкости и стыда, тѣсвившее мою грудь, и отдалялъ минуту, когда Буротъ уйдетъ в мнѣ вужво будетъ остаться съ Сарой съ глазу ва глазь...

— Вы заставите меня отказаться отъ вашей квартиры совсѣмъ,—угрожалъ я: — я найму домъ вотаріуса.

— Какъ угодно.

И, обратившись къ Сарѣ — ова въ эту минуту вошла въ кабинетъ за тетрадкамаъ Яши, — Буротъ скловиль на бокъ свою розовую лысину и сказалъ: — *Madame, vous allez avoir un petit boudoir comme Madame Loubet n'en a pas dans son Elysée.*

Сара поблагодарила.

— *Oui, je m'en charge,*—подтвердвль старичокъ и вздохвულъ.

Цѣлый часъ еще бился я съ упорнымъ любезникомъ и рѣшетки всетаки не получилъ. Приходилось сдаваться.

Мосье Буротъ выпиль двѣ рюмки малаги, закусилъ бисквитомъ и ушелъ, вмѣстѣ со свовми каменщиками. И пока овъ спускался съ крыльца и пересѣкалъ улвцу, я стоялъ посреди комваты, слѣдвль глазами за развѣвавшимися рукавами его крылаткв и растерявио спрашивалъ себя:

„Такъ что же это такое?.. Такъ какъ же?.. Дѣло, звучить, сдѣлаво? Слажено?“

Что-то твердое в жесткое стало подыматься у меня въ груди. Горько мнѣ сдѣлалось, горько и стыдно, — страшно стыдно.. И если бы я ве сдерживалъ себя, то, кажется, взялъ бы, подсѣлъ къ столу, подперъ голову руками и заплакалъ...

„Зачѣмъ все это такъ глупо выходитъ? Глупо, безобразно, пошло... Откуда это все? Для чего?“...

Я продолжалъ стоять неподвижно, и во всемъ тѣлѣ, во всѣхъ члeвахъ ощущалъ сильную, неодолимую усталость.

„Непреклонность, рѣшительность“...

Я горестно усмѣхнулся и обѣими руками сдѣлалъ такой жестъ, какъ я бы стряхивалъ съ нихъ что-то клейкое...

Потомъ я вышелъ въ конюшню, кликнулъ Воймена и приказалъ ему подать лошадь.

Надо было ѣхать въ Трампо, къ больнымъ, за пятнадцать километровъ. Но уѣзжать мнѣ не хотѣлось. Меня, — странное дѣло, — меня стало тянуть къ Сарѣ... Я Сары стыдился, я ея боялся, и отъ одной только мысли, что вотъ сейчасъ она можетъ войти, и взгляды наши встрѣтятся, мнѣ дѣлалось жутко,—и нsetаки меня къ ней*тянуло, тянуло неудержимо... Такъ бывало въ дѣтствѣ: мать меня побьетъ и прогонитъ, а я, весь въ слезахъ, сгорая отъ стыда и не смѣя поднять глазъ,

приниженный, убитый, неотступно за ней шлепуюсь, боюсь, дрожу, но отойти не могу, и все жмусь къ ней и жду—новой казни? прощенія? ласки?..

Я долго собирался въ дорогу. Я долго и медленно одѣвался,—а, одѣвшись, долго и медленно укладывалъ свою дорожную аптечку...

Изъ спальни доносился до меня голосъ Яши. Мальчикъ своими словами и, по обыкновенію, на половину по французски рассказывалъ басню „Квартетъ“. Я сталъ прислушиваться къ его разсказу и къ голосу Сары, поправлявшей мальчика... И, не сознавая толкомъ, чего я хочу и зачѣмъ это дѣлаю, я сталъ подыматься въ спальню...

— Погода чудесная,—сказалъ я, останавливаясь на порогѣ и глядя себѣ подъ ноги. — Сарушка... Не поѣдешь-ли со мной?

Сара посмотрѣла на меня, потомъ въ окно, на небо, потомъ опять на меня, минуту подумала и согласилась.

„Слава Богу!“—съ облегченіемъ подумалъ я.

И какъ минуту тому назадъ я не зналъ, зачѣмъ я сюда иду и что скажу Сарѣ, такъ теперь я не зналъ, чему я радуюсь, и только беззвучно повторялъ: „слава Богу, слава Богу“.

IX.

Въ Трампо меня авали къ одной бабѣ, которую наканунѣ помялъ быкъ. Три ребра у нея оказались

переломанными, кожа и мышцы истерзанными, а лѣвое легкое было продрано въ двухъ мѣстахъ. Пришлось накладывать на торсъ широкій поясъ изъ липкаго пластыря. Такъ какъ бокъ и спина у бабы были сильно изранены и отъ каждаго прикосновенія къ ней она кричала и громко кряхтѣла, то задача моя оказалась особенно трудной. Сара мнѣ помогала. Она нарѣзала изъ старой простыни бинты, ставила банки, массиовала контуженныя мѣста. Работа расшевелила ее, голосъ ея сдѣлался звонче и въ глазахъ появился блескъ.

„Она могла бы быть счастливой,—тоскливо подумалъ я:—но я ей помѣха“.

Часа черезъ два перевязка была сдѣлана. Мы съ Сарой осмотрѣли еще двухъ больныхъ,—одного туберкулезнаго, другого съ зобомъ, напились молока и поѣхали домой.

Быль пятый часъ. Отъ пахавшихъ людей и отъ лошадей ложились длинныя тѣни. Полю напрано тянулось далеко, плоская, ровная, ничѣмъ не стѣсненная. По лѣвую сторону они опирались въ откосы, не очень высокіе, но длинныя, густо заросшіе соснами и дубомъ. Впереди, на горизонтѣ, въ концѣ дороги, прямой и ровной, какъ струна, среди темныхъ садовъ чуть замѣтно бѣлѣли Лэрвилльскіе дома, и между ними, высоко къ небу, узкой синеватой полоской подымалась колокольня. Я все смотрѣлъ впередъ, на эту колокольню, но видѣлъ не

ее, а черво-багровый, истерзанный человѣческій бокъ; и мнѣ думалось при этомъ, что вотъ, какъ измятъ и изуродованъ этотъ бокъ, такъ изуродована и обезображена жизнь Сары...

„Жизнь Сары?—А моя“?..

Когда мы были уже по другую сторону Лэрвиля, Сара обернулась ко мнѣ лицомъ и спросила:

— Что же, Иосифъ, кончилъ ты съ Буротомъ?

Къ удивленію моему, этотъ вопросъ я встрѣтилъ безъ всякаго непріятнаго чувства.

— Кончилъ,—отвѣтилъ я.

И въ моемъ тоиѣ не слышно было ни растерянности, ни раздраженія, ни желанія замѣть разговоръ. Я былъ спокоенъ, довѣрчиво и съ любопытствомъ ожидалъ, что скажетъ Сара, и это мнѣ самому казалось страннымъ.

— Такъ, значитъ, рѣшено, мы остаемся здѣсь?

— Это, Сара, не теперь рѣшалось... Allez, Vichette!—Я ударилъ лошадь иожжей.—Этотъ вопросъ мы обсуждали въ Парижѣ, прежде чѣмъ сюда пріѣхали.

Сара потушилась.

— Вотъ что, Иосифъ!—начала ова минуточку спустя:—надо всетаки намъ объясниться. Ты этихъ разговоровъ не хочешь, ты ихъ прямо запретилъ, и я вотъ сколько уже времени молчу—исе ищущь себя... Но вѣчно вѣдь это продолжаться не можетъ...

— Я „запретить разгоноры?“—перебилъ я.— Какъ это я могу запретить?.. Я ничего не запрещаю.

Сара окинула меня испытующимъ взглядомъ.

— Ну, хорошо, пусть... Я теперь повторю то, что уже говорила: я не понимаю, съ какой стати мы здѣсь... Я не могу себѣ это простить и не могу съ этимъ помириться. Не могу!

Сара вдругъ сильно заволновалась и на щекахъ ея, подъ висками, выступило два красныхъ пятна.

— Ты не понимаешь, съ какой стати мы здѣсь,— мягко сказалъ я:—а я не понимаю, съ какой стати мы должны ѣхать въ Россію... Allez, allez, Bichette, allez... Ты хочешь объяснить—отлично! Я тоже этого хочу. И я скажу тебѣ откровенно: я много думалъ о твоёмъ стремленіи въ Россію и понять его всетаки не могу. Между прочимъ, хотя бы ноть почему: вѣдь ты знаешь, что могло бы случиться, если бы мы туда поѣхали? Знаешь, какую штуку можетъ съ нами сыграть судьба?

Я смотрѣлъ на вспотѣвшую спину лошади, и снисходительная ироническая улыбка играла у меня на лицѣ.

— Ну вотъ, представь ты себѣ такое положеніе: пріѣхали мы съ тобой, положимъ, въ голодные мѣста, въ деревню; пріѣхали и стали работать,—со всей горячностью, со всей любовью... И

вотъ, въ одинъ прекрасный день, эти же самые мужички, для которыхъ мы работаемъ, возьмутъ и устроятъ нелѣпо-лѣпнѣйшій погромъ, и насъ же съ тобой изобьютъ...

— Ну такъ что-жь?—строго спросила Сара.—И изобьютъ... „Изобьютъ, потащутъ на погребину“...—у тебя это какіе-то arguments supremes. Считается съ этимъ нельзя: мало ли что люди дѣлаютъ со слѣцу...

Въ голосѣ Сары звучали горячія, скорбныя ноты, и ноты эти шли мнѣ прямо въ сердце.

— „Со слѣцу“,—процѣдилъ я:—моимъ ребрамъ не все ли рано, слѣпой ихъ перебьетъ или зрячій... И потомъ я ногъ еще что скажу тебѣ: не одни слѣпцы на насъ обрушиваются. Намъ и отъ культурныхъ слоенъ достается тоже: А симпатіи, или хотя бы просто состраданія къ намъ не выказываетъ никто.

— Это неправда! Состраданіе есть. А если оно выражается не такъ ярко, какъ хотѣлось бы, такъ что же? Времи теперь такое. Оно не для насъ однихъ мрачно... Эту ошибку, или, если хочешь, эту несправедливость дѣлаютъ многіе изъ насъ: плачутся на горестное положеніе евреевъ, и при этомъ совершенно забываютъ объ общемъ ходѣ вещей, объ общемъ строѣ всей жизни... Стонутъ въ „чертѣ“! А ты изъ черты ныгляни. Тамъ что дѣлается! Такое время... Но только... Ахъ, Юсефъ...—вдругъ оборвала себя Сара и быстрымъ движеніемъ от-

стегнула воротъ пелерины.—Да вѣдь это все разговоры побочные, и мы совѣмъ не то гоноримъ, что нужно... Я подойду къ дѣлу прямо и скажу теперь все. Ты воображаешь—или, можетъ быть, только стараешься воображать—кто тебя разбереть!—ты воображаешь, что ты и тутъ нуженъ, что ты и тутъ служишь ближнему. Но такъ служить, какъ ты, служить ему и лавочница Птижанъ: ей дадутъ двѣнадцать су, и она отпуститъ фунтъ сахару. Это не служба, это—торговля... Ты твердишь, что радъ, что „раздѣлался съ родными“. Я знаю, что это неправда, но мы это оставимъ, и я вотъ о чемъ тебя спрошу: отчего же ты бросилъ своихъ кровныхъ? Евреевъ отчего ты оставилъ? Отчего ты къ нимъ не идешь?

Сара смотрѣла на меня въ упоръ, и въ сверкавшихъ ея глазахъ, и въ дрожавшемъ голосѣ было выраженіе негодонавія и брезгливаго гвѣва. Во всякое другое время это выраженіе испугало бы меня, оскорбило, возмутило. Теперь оно вызывало во мнѣ чувство, близкое къ радости. Это выраженіе было мнѣ союзникомъ. Оно помогало мнѣ, помогало побѣдить себя, помогало разбить и отбросить прочь ту крѣпкую, уже сильно надтреснутую, но все еще державшуюся кору, въ которую, какъ ядро въ скорлупу, заключена была моя душа...

Мнѣ казалось, что разрѣшеніе идетъ, что оно близко, и что скоро я оснобожусь—совѣмъ, окон-

чательно—и отъ жалкаго нытья, и отъ недѣльныхъ дрянныхъ поступковъ...

— Что-жъ ты молчишь?—сильнѣе волнуясь, продолжала Сара.—Я спрашиваю тебя: отчего ты не идешь въ „черту“? Ты чуть-ли не роль какого-то мстителя за евреевъ берешь на себя, а сидишь здѣсь и пальцемъ о палецъ для нихъ не ударишь. Въ Россіи еврей-земледѣльцы теперь голодаютъ, у нихъ цынга и голодный тифъ,—отчего-же ты къ нимъ не идешь? отчего?.. А, ты все молчишь!—съ какимъ-то горькимъ торжественномъ вскрикнула Сара.—Ты молчишь! Ну, такъ я за тебя отпѣчу. Ты оттого къ нимъ не идешь и оттого сидишь здѣсь, что это тебѣ удобно! Тебѣ! Тебѣ надо поспокойнѣе устроить свою собственную особу. Да, только это! Ничего, кромѣ усиленныхъ заботъ о своихъ ребрахъ у тебя нѣтъ... Тебѣ здѣсь спокойно, тебѣ въ физиономію не плюютъ, тебя на „погребницу“ не тащутъ, тебя спеціальныя правила и узаконенія не даютъ, твой сынъ будетъ свободнымъ гражданиномъ свободной страны... Тебѣ хорошо, ты удовлетворенъ... А тамъ дома...

Голосъ Сары оборвался.

— Боже мой! Боже мой!—вырвалось у нея черезъ минуту.—Сижу здѣсь, въ сторонѣ, за тысячи верстъ отъ всего, что тамъ дѣлается, и сынъ мой ни борьбы той, ни тѣхъ страданій никогда не узнаеть!

Сара поникла головой и отвернулась.

Мы проѣзжали мимо мельницы. Старое здавіе съ высокой крышей почти все закрыто было ивами и тополями. Во дворѣ, на берегу узевькой, аршива въ два, рѣченки стоялъ огромный возъ, и люди, обсыпанные бѣлымъ, нагружали его тяжелыми кулями. Три толстыя лошади, запряженныя цугомъ, стояли дельтой и, звякая бубенчиками, щипали свѣтлую травку. Моя Vichette свернула было и направилась къ нимъ, но я натянулъ вожжи, прикрикнулъ, и лошадка покорно пошла, куда надо.

„И меня тоже нужно нести, — подумалъ я: — иначе Богъ знаетъ куда забрести могу“...

И вдругъ явилось у меня желаніе взять руки Сары и припасть къ нимъ губами. Но сдѣлать это я какъ-то не рѣшился. Я иловко завозился на короткомъ сидѣніи кабриолета, потомъ нагнулся и сталъ заботливо оправлять покрывавшій мои ноги коврикъ.

Километра три мы проѣхали молча. Изъ-за лѣсистаго выступа горы стала медленно выползать наша деревня.

— Такъ чего же собственно ты бы хотѣла? — тихо спросилъ я.

— Чего-бы я хотѣла? Да ты это знаешь... — Голосъ Сары былъ строгій, знонкій, но въ то же время въ немъ слышалась и явная усталость. Убѣ-

дить меня она, повидимому, уже не надѣялась и продолжать разговоръ считала бесполезнымъ.

— У насъ въ Россіи есть дѣло, есть постъ на всю жизнь — и мы должны его занять.

— То-есть мы должны пойти служить мужику? — задумчиво проговорилъ я.

— Мужику, еврею — это все равно. У мужика и у еврея интересы общіе. Что бы тамъ ни говорили, а наша судьба тѣсно переплетена съ судьбой русскаго народа: когда несчастіе онъ — большіе дѣлается и намъ; если солнечный лучъ упадетъ на него — пригрѣетъ и насъ... Когда не будетъ въ Россіи голодобоковъ, не будетъ переселенцевъ, когда вдвое уменьшится процентъ смертности, а процентъ неграмотныхъ будетъ не восемьдесятъ, а восемь, два, одинъ, — хорошо будетъ и намъ.

— Не знаю, — тихо проговорилъ я неопредѣленнымъ тономъ.

— Придетъ время, когда весь свѣтъ солнца и вся его теплота прольются на Россію, — и тогда конецъ будетъ и нашимъ страданіямъ. Еврейскій вопросъ разрѣшится самъ собою и упразднится навсегда.

Сара помолчала.

— Впрочемъ, что-жъ! — прибавила она и вздохнула. — Тебя, мнѣ кажется, вовсе не это интересуетъ...

Солнце нижнимъ краемъ своимъ уже коснулось земли. Потянулъ вѣтерокъ и загрепетали, загонорили тонкія вѣтви ивъ надъ рѣченкой. Сара обтянула полы пелеринки и застегнула воротникъ. Глаза ея, прекрасные, большіе, устремлены были на горизонтъ, затянутый таинственными лиловыми тонами, и, казалось мнѣ, что-то тамъ высматривали и искали...

Х.

Черезъ четверть часа мы подъѣзжали къ дому.

Миретка, надали завидѣвъ свою пріятельницу Bichette, съ радостнымъ лаемъ бросилась къ ней навстрѣчу. Войменъ и Яша стояли у воротъ и поджидали насъ. Подлѣ дома я соскочилъ съ кабриолета и, отданъ вожжи Воймену, изшелъ на крыльцо.

— Monsieur Bourotte est venu, monsieur Bourotte est venu! — весело запѣлъ Яша, прыгая на правой ногѣ, а лѣвую поддерживая руками.

— Надо, Яша, всегда говорить по-русски, — внушительно сказалъ я: — чего хотѣлъ monsieur Bourotte?

Яша удивленно посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и сейчасъ же затараторилъ опять:

— Monsieur Bourotte a dit... Мосье Буротъ сказалъ... qu'il a réfléchi... онъ перемыслилъ... и онъ согласенъ, il veut bien поставить въ саду рѣшетку, а не... вотъ это вотъ, какъ это называется...

Яша въ замѣшательствѣ кривилъ рожицу и нетерпѣливо чмокалъ языкомъ.

— Что на телеграфѣ!—выпалилъ онъ, наконецъ.—
Pas un fil de fer.

— Очень хорошо!

Я ласково отстранилъ мальчнка и, не торопясь, сталъ подыматься въ спальню.

Тамъ я снялъ съ себя пальто, отстегнулъ манжеты, поставилъ ихъ на комодъ и опустился на край кушетки.

„Ну, а теперь что?“—спросилъ я себя.

Отвѣта не было.

Нѣсколько мннуть прошло, и ни одна мысль не зарождалась въ моей головѣ. Въ душѣ было тихо, — тихо, спокойно, хорошо, а физическое ощущеніе было такое, какъ если-бы я долгое время таскалъ на себѣ тяжелую ношу и теперь вдругъ отбросилъ ее прочь...

До сихъ поръ предо мной стояла тьма,—и въ этой тьмѣ я не видѣлъ никакого выхода. Для чего работать? Гдѣ цѣль? Что можно сдѣлать?.. Въ памяти вставалъ несчастный образъ „ни за что“ погибшаго Когана, и я говорилъ себѣ, что что-нибудь въ этомъ родѣ ждетъ и меня. Сбитый съ пути, испуганный, растерявшійся, безъ Бога въ душѣ, я опустился, отошелъ къ сторонкѣ и хлопоту уже только о томъ, чтобы меня не били... Да, Сара права: я весь ушелъ въ „обереганіе сво-

ихъ реберъ“. „Свободный, полноправный гражданинъ свободной страны“,—выше этого перешибленныя крылья уже не поднимають... Отъ несчастій своего народа я малодушно отворачиваю глаза, не хочу о нихъ и думать и, насилуя сердце, стараюсь отречься отъ „родныхъ“. Ахъ, къ чему это все! Вѣдь есть же выходъ!

Я всталъ, прошелся по комнаѣ и остановился у окна.

Тихая, длительная дрожь прошла у меня по тѣлу...

Я смотрѣлъ въ садъ,—какъ смстрѣлъ нъ него четыре мѣсяца назадъ, когда Сара впервые заговорила о странности нашего положенія. Садъ былъ голъ и сумраченъ, виднѣвшіяся за нимъ поля тоже были сумрачны и черны, какъ зимой. Но что зимѣ—конецъ, что дни холода и окоченѣнія прошли, что настаетъ пора обновленія и свѣта,—чувствовалось во всемъ,—и въ этой бурой землѣ, и въ темныхъ деревьяхъ, и въ небѣ, бѣлесоватомъ, кроткомъ, весеннемъ. И я зналъ, что дни холода и мрака прошли и для меня, и что происходившій во мнѣ страшный процессъ духовнаго омертвенія пресѣченъ...

Тихо, безшумно, какъ-бы боясь помѣшать тому необыкновенному, ноному, что широкой волной вливалось въ мою душу, я отошелъ отъ окна и спустился нъ кабинетъ...

На дананѣ сидѣль Яша и, крѣпко сжанъ Миретку колѣбиями, нплеталь ей аь ошейникъ пучки одуаанчиковъ. Сара стояла у стѣны, и глаза ея были устремлены на мальчика. Что за лицо было у неи!..

Даа года тому назадъ Яша былъ болей и былъ аь опасности. Въ особенности страшна была одна ночь, когда мы съ минуты на минуту ждали конца. Хлопоталь около больноаго я, а Сара сидѣла у кроаати, неподвижная, окаменѣлая и не саодила съ ребенка глазъ. Она прощалась съ имъ... И аотъ теперь на лицѣ ея опять было то же самое непередаааемое слоаами аыраженіе, которон искажало его и въ ту памятиую мнѣ, страшную ночь.

— Что съ тобой, Сара?

Сара аэдрогнула, подняла голоау—и напрааилась ко мнѣ.

— Иосифъ,—глухимъ, обрывающимся голосомъ проаорила она.—Не могу... Не въ силахъ... Якона ты мнѣ не дашь, я знаю, и я одна... Я уѣзжаю одна...

Я смотрѣль на Сару съ испугомъ и какъ-то не сразу уловиль смыслъ ея слоаъ...

— Родная моя,—аориль я черезъ минуту, захлебываясь и протигнааи апередъ руки.

Я, кажется, улыбался и слезы текли у меня по лицу...

— Хорошая моя! Да не одна, а нѣвъ... И къ той

борьбѣ, и къ тѣмъ страданіямъ, всѣ трое туда поѣдемъ, всѣ...

Въ Парижѣ и въ Нанси, въ Ecole de Médecine, вывѣшены объявленія о томъ, что деревня, гдѣ я живу, приглашаетъ врача. Я обѣщаль мѣру пробыть здѣсь еще мѣсяць, пока найдется врачъ. „Мебелишка“ наша назначена въ продажу, а для кабриолета, который я купилъ двѣ недѣли тому назадъ, уже нашелся покупатель,—нотариусъ.

Мосье Буротъ пріѣзжалъ для подписанія условія и привезъ два толстыхъ альбома съ образчиками обоевъ. Онъ долго не вѣрилъ, когда я, извиняясь, объявилъ ему, что уѣзжаю въ Россію. Онъ вообразилъ, что я пускаюсь на „трус“, съ цѣлью выторговать у него новыя уступки... Убѣдившись, наконецъ, что я говорю правду, онъ выразилъ сожалѣніе, что теряетъ такихъ хорошихъ жильцовъ, и сталъ прицѣпываться къ моему письменному столу. Онъ по-прежнему любезенъ и галантенъ, но внутренно кипитъ и, навѣрно, говоритъ о насъ: „les sales russes“...

Сара смотритъ теперь какъ будто еще серьезнѣе и строже, чѣмъ раньше. Но мнѣ ясно, что она счастлива... Что касается меня, то я продолжаю чувствовать въ своей душѣ весну и расцвѣтъ... Я долженъ, однако-же, сознаться, что въ сердцѣ моемъ,—когда Яша въ радостномъ возбуж-

деніи, тыча себя въ грудь пальцемъ, шумливо до-
кладывалъ мосье Буроту: „nous allons rentrer dans
notre pays à nous! à nous!“—что въ сердцѣ моемъ,
въ эту минуту, шевелилась ненольная жалость, и
я не могъ не думать:—бѣдный мой, бѣдный!..

Р А Б Ъ.

РАЗСКАЗЪ.

Натурщикъ, здоровенный итальянецъ, съ бычачьей шеей и глазами идиота, спрыгнувъ съ подставки, снялъ съ себя пышную, подбитую горностаемъ порфиру и сталъ разминать члены. За четыре часа позиронанья они у него порядкомъ отекли и онѣмѣли. Раза два онъ перегнулся направо, потомъ налево, потомъ сталъ выпрямлять ноги.

— Завтра сеанса не будетъ,—пробормоталъ Сойферъ, съ сумрачнымъ видомъ поглядывая на свою картину.—Можете не приходить.

Натурщикъ несело ухмыльнулся. Плату онъ получалъ не за каждый сеансъ нѣ отдѣльности, а помѣсячно, и потому пропуску былъ радъ.

— Послѣзавтра, значить?—оснѣдомился онъ.

Сойферъ не отвѣчалъ.

— Значить, послѣзавтра?.. Въ полонинѣ второго? Толстый итальянецъ видѣлъ, что Сойферъ се-

годня нервничаетъ и раздражается, и у него явилась догвдка, что художникъ нездоровъ, и что онъ, пожалуй, захочетъ предоставить себѣ нѣсколько дней отдыха.

— Я приду послѣзавтра,— насторожившись, явилъ итальянецъ.

— Не нужно,— тихо отвѣтилъ Сойферъ.— Скороѣй ужь въ понедѣльникъ... Я вамъ напишу...

Натурщикъ торопливо надѣлъ свою плюсовую куртку, завязалъ въ шеѣ косынку в ушелъ. А Сойферъ, отложивъ въ сторону палитру и кисти, съ видомъ утомленнаго и недовольнаго человѣка, опустился въ кресло.

Сегодня передъ сеансомъ приходилъ къ нему Гумиловичъ, совсѣмъ еще юный скульпторъ, на дняхъ только прѣхавшій въ Римъ изъ небольшого галиційскаго мѣстечка. Молодой человѣкъ этотъ долго и внимательно разсматривалъ находившіяся въ мастерской работы. И когда онъ пересмотрѣлъ ихъ всѣ, на лицѣ его изобразилось какое-то странное недоумѣніе.

— У васъ, значитъ, совсѣмъ нѣтъ картинъ изъ еврейской жизни?—спросилъ онъ.

Сойферъ нахмурился.

— Нѣтъ... Теперь нѣтъ...

— Можетъ быть, есть что-нибудь даннишее... старое... какіе-нибудь наброски?

— Я вамъ показалъ все, что можно было,—хо-

лодно отвѣтилъ Сойферъ.—Даже больше, чѣмъ можно было... Ничего больше нѣтъ...

Гумпловичъ промолчалъ.

Для приличія онъ перевернулъ нѣсколько страницъ большого парусиноваго альбома, который держалъ на колѣняхъ, потомъ всталъ и взялся за шляпу.

— А, впрочемъ, подождите,—съ едва замѣтной улыбкой сказалъ Сойферъ.— Вотъ еще кое-что... моя послѣдняя работа.

Онъ пошелъ въ уголокъ мастерской и, оставивъ къ стѣнѣ нѣсколько папокъ, опиравшихся на ноги тяжелаго орѣховаго мольберта, выкатилъ на средину комнаты большое и почти квадратное полотно.

— Вотъ, смотрите...

Гумпловичъ бросилъ взглядъ на картину, и тотчасъ же глаза его, мгновенно наполнившіеся и печалью, и изумленіемъ, перешли на стараго художника.

— Филиппъ Войнаръ?—спросилъ онъ.

Въ голосъ его было что-то такое, отчего Сойферъ почувствовалъ незавное смущеніе.

— Да, Филиппъ Войнаръ.

Минуты двѣ Гумпловичъ стоялъ молча. И смотрѣлъ онъ не на картину, а внизъ, на полированные ноги мольберта.

— Извините меня,—началъ онъ потомъ, слегка

накупившись.—Извините мою смѣлость... Но... меня удивляетъ, что ны пишете эту картину.

Сойфера передернуло.

— Что такое?

Онъ смотрѣлъ на молодого человѣка въ упоръ, и въ глазахъ его засверкала холодная злоба.

— Я говорю: меня удивляетъ, что вы пишете портретъ Войнара.

— Вотъ какъ!.. Это почему-же?

— Полагаю, что вы и сами знаете почему, — сдержанно отвѣтилъ Гумпловичъ.

— Я ничего не знаю.

Гумпловичъ нахмурился сильнѣе, и щеки его вдругъ покрылись краской.

— Не знаете?... Объяснить надо?...

— Пожалуйста, объясните.

— Войнаръ — нашъ врагъ, нашъ мучитель, вотъ и объясненіе, — рѣзко отчеканилъ Гумпловичъ.—Я этого человѣка знаю очень хорошо: мѣстечко, гдѣ я жилъ, лежитъ совсѣмъ близко отъ области, которою управляетъ этотъ магистъ. И я знаю,—какъ и всѣ это знаютъ, — что Войнаръ гиранить все населеніе страны — и венгровъ, и чеховъ, и нѣмцевъ, а больше, чѣмъ всѣмъ, достается намъ... Вы тоже отлично знаете, сколько этотъ парваръ выпилъ еврейской крови... И я думаю, что художникъ-еврей не долженъ его писать. Не долженъ!—съ горячностью повторилъ Гумпловичъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ слава Сойфера стала меркнуть.

Потому ли, что талантъ его дѣйствительно пришелъ въ упадокъ, потому ли, что не было больше тѣхъ счастливыхъ случайностей, отъ которыхъ такъ много зависятъ успѣхъ каждаго живописца, — трудно сказать. Но такъ или иваче, а о человѣкѣ, въ свое время приковывавшемъ къ себѣ общее вниманіе, стали повсему забывать. Самолюбіе художника было глубоко уязвлено, и онъ сильно страдалъ. Онъ становился угрюмымъ, ворчливымъ, замѣтно опускался и старѣлъ, и голова его изъ сѣрой быстро превратилась въ бѣлую... У него развилась бессонница, и часто мучили кошмары—дикіе и страшные...

Докторъ, къ которому онъ обратился, прописалъ пилюли и душн, во значенія имъ, видно, придавалъ не большое и усиленно подчеркивалъ необходимость спокойствія. А именно спокойствія у Сойфера не было. Какъ-то незамѣтно, въ короткое время сдѣлалось то, что онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на отжившаго. Угасли надежды и ожиданія, ве складывались уже новые планы, ве рождались новые образы. Вспышки вѣры въ себя являлись рѣдко, очевъ рѣдко, обычное же настроеніе было сумрачное, тоскливое... Особенно тоскливымъ было оно потому, что Сойфера все тянуло оглядываться назадъ, ва прошлое,—а прошлое это

казалось ему и темнымъ, и недобрымъ... И чѣмъ больше и глубже вдумывался онъ нѣ пережитое, чѣмъ пристальнѣе всматривался въ разные эпизоды своей жизни, тѣмъ тревожнѣе и тягостнѣе становилось у него на душѣ...

Сознаніе того, что не все шло, какъ нужно, сознаніе виноватости давило его безпрестанно. Онъ за многое укорялъ себя, сильно и рѣзко, и въ послѣдніе дни ему не разъ приходило нѣ голову, что исполненіе портрета Войнара — поступокъ нисколько не лучший, чѣмъ тѣ, за которые онъ такъ горько упрекаетъ себя... И потому горячія и почти гнѣвныя слова Гумпловича вызвали въ немъ непобѣдимую и острую боль.

— Да, но по какому праву онъ мнѣ все это гонорить? — мелькнуло вдругъ у Сойфера: — прошу его удалиться, вотъ и все.

Но попросить удалиться старикъ не могъ. И передъ дерзкимъ гостемъ своимъ, передъ этимъ нескладнымъ юнцомъ въ коротковатыхъ брюкахъ и перелицованной низиткѣ, онъ стоялъ сконфуженный, растерянный и, не зная, что сказать, нервно покусывалъ губы.

„Я какъ будто боюсь его“, съ удивленіемъ думалъ онъ. „Точно онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ судить меня... И я хочу оправдаться... И хочу заслужить его одобреніе... Да вѣдь и портретъ Войнара я показалъ ему, чтобы заслужить одобреніе...

Щегольнуть хотѣлъ, показать, что вотъ, хоть мевя и затирають, я не првзнають больше, а такая важная, крупная особа, какъ этотъ властный магпаты, всетаки мвѣ поручаетъ писать свой портретъ... Я думалъ имповировать этимъ заказомъ... Какъ глупо, Боже мой, какъ глупо! "...

— Послушайте, — вачалъ Сойферъ, приблизившись къ Гумпловичу. — Послушайте: вы вотъ наговорили мнѣ дерзостей, а вѣдь знаете? — вѣдь это мнѣ нравится.

На губахъ старика легла странная гримаса. И глядя на его лицо, трудно было опредѣлить, — испытываетъ онъ боль въ эту минуту, или ему хочется улыбаться.

— Мнѣ это нравится, — повторилъ овъ. — Мнѣ нравится ваша пылкость... Пять мивуть тому назадъ ны были почтительны, скромны, робки, — а теперъ вы чуть не кричите на меня... Нѣтъ, нѣтъ, не извиняйтесь! Этого совсѣмъ ве пужно... Лучше вы вотъ что сдѣлайте: выслушайте меня вивмательно, и вы убѣдитесь, что вы неправы. Видите-ли, — продолжалъ Сойферъ, нѣсколько болѣе спокойнымъ голосомъ, — вѣдь я не просто портретъ Войнара пишу. Вѣдь это — не такой портретъ, гдѣ художникъ стремится передать одно лишь внѣшнее сходство. Это — портретъ психологическій, или, если хотите, портретъ-символь... Я воспользовался

заказомъ Войвара, чтобы выразить извѣстную идею. Идею силы. Идею иласти. Вы понимаете мевя?

— Нѣтъ, ве понимаю,—сухо отвѣтилъ Гумпловичъ.

— Не повимаете?—Лицо у Соифера потемнѣло.

— Не повимаю.

Гумпловичъ все такъ-же угрюмо смотрѣлъ внизъ, ва ноги мольберта.

— Портретъ психологическій, портретъ-символь...—пробормоталъ онъ.—Я отлично знаю, что дѣятельностью Войнара можво вдохновиться—можво ваписать цѣлую серію картинъ изъ его жизни. Но вѣдь для этого необходимо, чтобы художникъ былъ свободенъ, чтобы идехионеніе его было свободио, чтобы ово ве было приведено за чубъ самимъ-же этимъ Войнаромъ, который платитъ за картину столько-то тысячъ...

— Дальше-съ,—процѣдилъ Соиферъ, складывая на груди руки и глядя на скульптора прищурившими глазами.

Ему хотѣлось, чтобы тонъ его и лицо игражали васмѣшку и гордое презрѣвіе, но онъ чувствовалъ очень хорошо, что исего меньше расположенъ теперь именно къ васмѣшкѣ...

— Нужио, чтобы художникъ могъ свободво выразить свою мысль,—продолжалъ Гумпловичъ,—всю сиою мысль; чтобы овъ могъ дать полную сво-

боду своему чувству... А развѣ вы теперь находитесь въ этихъ условіяхъ?.. Вѣдь не напишете-же вы Войвара такимъ, какимъ вы ва самомъ дѣлѣ его понимаете?

— Вы думаете?

— А вы этого не думаете?—Гумпловичъ усмѣхнулся.—Я бы это думалъ и тогда, если бы вашей работы еще не видѣлъ, и если бы еще не слышалъ вашихъ объясненій. Теперь-же дѣло болѣе, чѣмъ ясно. Вы и сами говорите: „пользуюсь заказомъ, чтобы выразить идею“. Зачѣмъ-же для выраженія идеи „заказъ“?... И потомъ, изображая Войнара, вы выражаете „идею силы“, „идею власти“. А мнѣ кажется, что здѣсь идею варварства выразить надо, идею дикаго насилія...

Теперь, когда со времени ухода Гумпловича прошло уже часовъ пять, Сойферъ, закрывъ глаза рукой, сидѣлъ въ креслѣ, и высокій, ваволнованный теноръ молодого скульптора все еще звучалъ въ его ухахъ.

„Нужно дать полную свободу своему чувству... Нужно, чтобы вдохновеніе было свободно... Чтобы оно не было приведево за чубъ заказчвомъ“...

Да, это нужво,—думалъ старикъ,—это нужно... Но этого виогда не было. Вдохновеніе онъ всегда подчивялъ постороннимъ соображеніямъ, мысль связывалъ, чувство душилъ... И потому жизнь его, съ виду такая блестящая, эффе́ктивная и вызывав-

шая удивленіе и зависть, была въ сущности жизнью жалкой, искалѣченной и несчастной...

И рядъ воспоминаній, мстящихъ и жестокихъ, сталъ проходить въ душѣ Соифера.

Изъ глухого польскаго мѣстечка, послѣ долгихъ лѣтъ штудированія талмуда, тщедушный, бѣдный, одинокій, пріѣхалъ онъ въ столицу учиться живописв. Ученіе пошло хорошо. Нашлись меценаты-евреи и устроили ему маленькую стипендію. Юноша работалъ съ огромнымъ прилежаніемъ,— и по искусству, и надъ общнмъ своимъ развитіемъ, и черезъ пять лѣтъ послѣ пріѣзда въ Петербургъ выставилъ свою первую картину. На ней изображенъ былъ старый еврей, преслѣдуемый сворой разъяренныхъ псовъ. Еврей, взсохшій, сгорбленный, измученный, съ выраженіемъ дикаго ужаса на лицѣ, бѣжитъ, испуская вопли, а псы окружили его со всѣхъ сторонъ и уже ве даютъ ему возможности спастись. Въ то время, какъ развыхъ породъ и мастей собаки рвутъ его съ боковъ за кафтанъ и вонзаютъ ему зубы въ икры, огромная лохматая дворняжка забѣжала впередъ, высоко подскочила и, яростно лая, какъ бы повисла въ воздухъ, передъ самымъ лицомъ несчастнаго старика...

Картина эта не прошла незамѣченной. Публика

передъ ней остававливалась съ любопытствомъ, а въ газетахъ появилось два—три благопріятныхъ отзыва. Милліонеръ Цукерманъ, любитель искусства и покровитель талавтовъ-евреевъ, прочитавъ эти отзывы, купилъ картину. Заплатилъ овъ за нее пустякъ, но на недостатки указывалъ съ большой настойчивостью.

— Если у васъ не будетъ на обѣдъ, — можете когда-нибудь зайти ко мнѣ, — говорилъ онъ: — слава Богу, у меня всегда найдется чѣмъ удовлетворить аппетитъ...

Послѣ первой картины Соиферъ написалъ еще нѣсколько жанровъ, и всѣ они болѣе или менѣе нравились.

Однихъ подкупала жизненность и выразительность фигуръ, другіе хвалили яркость красокъ, третьи ваходили, что картинны интересны потому, что даютъ возможность ознакомиться съ еврейской жизнью.

Въ общемъ всѣ отзывы сводились къ тому, что дарованіе у дебютавта скромное, во симпатичное. Чего нибудь крупнаго, выдающагося отъ него ожидать, пожалуй, нельзя, но на нашихъ, не слишкомъ богатыхъ талантами, выставкахъ онъ все-же является человѣкомъ нелишнимъ. Часто выражали сожалѣніе о томъ, что „художникъ замыкается въ узкую сферу еврейскихъ интересовъ“, и приглашали его братья за сюжеты и изъ русской жизни...

Эти приглашенія вначалѣ не производили на Сойфера никакого впечатлѣнія. Онъ былъ еврей съ головы до ногъ, „каждый дюймъ“ въ немъ былъ еврей; онъ отлично зналъ еврейскую жизнь, еврейскую душу, и считалъ поэтому, что изображать можетъ только евреевъ. Но съ теченіемъ времени тяжелое безпокойство стало прокрадываться въ его сердце... Честолюбіе его не было удонлетворено...

„Умѣренное дарованіе“, „нелишній человѣкъ“, „любопытный жанрикъ“ — всѣ эти выраженія обижали его, оскорбляли, злили... Люди, значительно менѣе одаренные, заставляли о себѣ говорить, завоевывали видное положеніе, получали отличные заказы. Ему-же приходилось ухаживать за Цукерманомъ, и тотъ иногда пристраивалъ его этюды — по десяти, по пятнадцати рублей. Покровитель евреевъ-тангантовъ при этомъ горестно кряхтѣлъ и пространно объяснялъ, что у него на шеѣ цѣлая дюжина художниковъ, и что вчера еще только онъ ходилъ съ однимъ нѣтъ вихъ на толкучій и на свои собственныя деньги купилъ ему пальто.

— А что мнѣ остается дѣлать? У него талантъ не то, что у другихъ, — мазъ да ляпъ, — вотъ тебѣ и этюдъ. Лишь бы содрать рубль.

Цукерманъ устремлялъ на Сойфера пронизывающій взглядъ.

— Этотъ художникъ — геній! И идеальность. Что

же, дать ему замерзнуть?.. А наши евреи искусства не понимают и художников своих поддерживать не хотят...

Съ этимъ послѣднимъ соглашался и Соиферъ.

Евреи только тогда его оцѣнятъ и станутъ имъ дорожить, когда онъ добьется широкой извѣстности у русской публики. О, тогда они его на рукахъ будутъ носить, будутъ имъ гордиться и хвалить... Подобно тому, какъ русскому товару, чтобы быть проданнымъ за тройную цѣну, нужно носить на себѣ заграничную марку, и художнику-еврею, чтобы пользоваться уваженіемъ своимъ братьевъ, нужно предварительно быть признаннымъ христианами... Это уже дѣло провѣренное. Но бѣда въ томъ, что еврейскими сюжетами трудно обратить на себя вниманіе русской публики. Чтобы завоевать у нея славу, надо выйти изъ „узкой сферы еврейскихъ интересовъ“ и надо писать картины изъ русской жизни.

А этого Соиферъ сдѣлать не могъ.

— Развѣ я способенъ написать хорошую, почувствованную картину изъ русской жизни?—спрашивалъ онъ себя.

И затѣмъ онъ думалъ, что если бы ему двѣтри такія картины удались и онъ успѣлъ бы подняться и составить себѣ имя, онъ потомъ опять вернулся бы къ еврейскимъ сюжетамъ, и ужъ тогда работалъ бы совершенно спокойно, и какъ слѣдуетъ.

Однако же, такіа думы были ему неприяты, и первое время онъ всѣми силами старался ихъ отгонять.

Ему въ нихъ чудилось что-то подозрительное, нечистое, и въ глубинѣ души шевелилось раздражающее сознаніе, что такіа разсужденія напоминають обѣщанія, которыми обыкновенно успокаиваютъ себя жадные, но не окончательно еще оподлившіеся дѣльцы: и богадѣльню выстрою, и на больницу пожертвую — вотъ только какъ слѣдуетъ капиталъ округлю...

Онъ колебался... Но матеріальная стѣсненность, покровительство Цукермана, да эпитеты „нелишний“, „не лишенный способностей художникъ“ — дѣло свое дѣлали неуклонно...

— Не лишенный способностей, не лишній человекъ... Да вѣдь у меня таланта въ двадцать разъ больше, чѣмъ у тѣхъ господъ, которыхъ вы превозносите. Но вамъ мои картины мало понятны, онѣ вамъ чужды, онѣ васъ не волнуютъ, и я для васъ „не лишенный способностей“... Погодите же, я покажу себя...

И Софферъ затѣялъ смѣлое предпріятіе.

Онъ началъ большую историческую картину. И черезъ пятнадцать мѣсяцевъ упорной и лихорадочной работы выставилъ огромное полотно, „Пиръ Владиміра Святого“.

Это произведеніе имѣло крупный успѣхъ.

Ово было гвоздемъ выставки, о немъ много писали и говорили, и имя молодого художника сразу приобрѣло большую извѣстность. Особенно распилились за Соифера тѣ имевво критики, которые въ свое время приглашали его выйти изъ „узкой сферы“. Они расхваливали картинку выше всякой мѣры, кричали о сильномъ талантѣ, о товкомъ понимави исторіи, о своеобразной индивидуальности,—и при этомъ все подчеркивали свои собственные заслуги, свою прозорливость, свое умѣніе отысквать дарованія, свое умѣніе направлять ихъ на встоящую дорогу...

Шума было много, в богатч-коллекціонеръ купилъ картину для публичной галлерей.

Соиферъ, вчера еще ве имѣвшій на натурщи-ковъ и на раму, вдругъ увидѣлъ себя обладателемъ капитала, на который можво было бы прокормить населеніе его родного мѣстечка въ течевіе добрыхъ шести мѣсяцевъ... Онъ торжествовалъ. Дорога его замѣчалась швроко и открыто, и было ясно, что ва вей его ждуть новые и еще болѣе шумвые и значительвые успѣхи. Онъ торжествовалъ... но чадинъ осадокъ чего-то горькаго и ядовитаго мутиль его душу. И пороку Соиферъ вачиниль сомвѣваться въ достоинствахъ своей прославленной картинкы. Какъ мало у него общаго съ Владиміромъ! И что ему до того, что Красное Солнышко пируеть? Пируеть-ли, тоскуеть-ли, прогу-

ливается ли спокойно по берегу Днѣпра — какое ему, Соиферу, до всего этого дѣло?... И если ему до этого дѣла вѣтъ, и никакой связи между душой изображавшаго имъ человѣка и его собственной не существуетъ, то развѣ могъ онъ создать нѣчто дѣйствительно хорошее?... Нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь ошибки, какого-нибудь тяжелаго ведоразумѣнія?...

— Я напишу теперь Іегуду Галени подъ стѣнами Іерусалима, — обѣщаль себѣ Соиферъ.

И, изгоняя этимъ обѣщаніемъ изъ своего сердца безпокойство, онъ спѣшилъ отдаваться неизвѣданнымъ доселѣ „радостямъ сытаго бытія“...

„Іегуду Галени“ онъ обдумалъ во всѣхъ деталяхъ и успѣлъ даже сдѣлать для него нѣсколько эскизовъ. Но тутъ у него явился вопросъ: не рано ли возвращаться къ еврейскимъ сюжетамъ? Кто пойметъ эту картину? Кто ее прочувствуетъ и оцѣнитъ?

Христіанамъ Галени неизвѣстенъ, и они опять станутъ упрекать его въ томъ, что онъ замыкается въ „узкой сферѣ“, а евреи... евреи...

Соиферу рвсовалась упитанная, рыхлая фигура Цукермана, и онъ пожималъ плечами.

Цукерманъ передъ увѣнчаннымъ художникомъ чуть не ползалъ. Онъ метался по городу, отъ знакомаго къ знакомому, и съ восхищеніемъ и съ вѣроятной шумливостью оповѣщаль всѣхъ о своей близости къ Соиферу.

— Онъ у меня всегда обѣдаетъ. И почуветь тоже. Онъ у меня какъ родной сывъ. Развѣ вы знаете, что это за гениальный человѣкъ! И что это за идеалистъ!

Одивъ изъ этюдовъ, служившихъ для „Пира“, покровитель талантовъ выпросилъ себѣ въ подарокъ.

— Я же не настолько богатъ, чтобы покупать такія знаменитыя вещи,—вздыхалъ, говорилъ онъ.

И Соиферъ думалъ теперь, что слава его ведостаточно упрочена, и что съ „Ягудой Галеви“ вадо еще подождать.

Подождать, впрочемъ, вадо было еще и потому, что картину нельзя было писать, ве побывавъ въ Іерусалимѣ. Надо было хорошевыко изучеть тамошній пейзажъ и освѣщеніе, и вадо было повскать на мѣстѣ соотвѣтствующихъ ватурцвковъ. Уѣзжать же изъ Петербурга мѣшали Соиферу нѣкоторые полученныя имъ заказы. И вотъ эскизы для „Ягуды“ онъ ва время отставилъ.

Послѣдовалъ затѣмъ еще цѣлый рядъ картинъ, а поѣзда въ Іерусалимъ все откладывалась. И только лѣтъ черезъ пятнадцать, упоенный успѣхамъ, заласкавый, захваленный, собрался Соиферъ въ Св. Землю. Но когда онъ оттуда вернулся, то написалъ ве „Ягуду Галеви“, а „Паломниковъ ва Іорданъ“...

Около часу просидѣлъ Соиферъ неподвижно, погруженный въ далекія воспоминанія. Потомъ онъ поднялся и сталъ расхаживать по мастерской. Онъ ступалъ медленно, тяжело и при каждомъ шагѣ грузно припадалъ на лѣвую ногу.

Въ мастерской стоялъ свойственный ей запахъ скипидара и свѣжихъ красокъ. Въ обыкновенное время Соиферу этотъ запахъ былъ приятенъ и въ своемъ родѣ даже нуженъ: онъ возбуждалъ его, настраивалъ, приохочивалъ къ работѣ. Теперь онъ ему мѣшалъ. Воздухъ съ трудомъ протискивался къ нему нѣ грудь и, протискавшись, назадъ какъ будто уже не выходилъ: онъ какъ-бы сгущался, твердѣлъ и толстымъ пластомъ чего-то жирнаго и теплаго наваливался на сердце. И сердце отъ этого билось сильно и неронно и временами болѣзненно вадрагнало.

Соиферъ подошелъ къ окну и открылъ его. Смеркалось. На зеленоматомъ небѣ, среди замершихъ въ неподвижности, тяжелыхъ, фіолетовыхъ тучъ беззвучно загорались блѣдныя звѣзды. Движенія на улицѣ не было—ни экипажей, ни пѣшеходонъ,—и въ задумчивой тишинѣ отчетливо слышался протяжный речтативъ нищенки, просившей неподалеку, у роскошнаго, стариннаго палаццо... Соиферъ сталъ прислушиваться. И въ уныломъ, надорванномъ голосѣ инщенки ему почудилось что-то какъ будто знакомое—старое и родное...

Нищенка удалилась, причитаніе ея ставовилось все глуше и глуше, и вотъ, наконецъ, оно замерло совсѣмъ, оборвавшнсь на тихомъ и печальномъ стонѣ...

„Эль-моле-рахмимъ“ *),— промелькнуло вдругъ у Сейфера.

Онъ пошатнулся и схватился за сердце.

— Нѣтъ пустое... пустяки,—пробормоталъ онъ.

Онъ захлопнулъ окно, задернулъ занавѣски и снова зашагалъ по комнатѣ.

Думаль онъ теперь о „Паломникахъ“ и говорилъ себѣ, что нѣтъ ничего дурного въ томъ, что онъ ихъ написалъ. Паломники его поразили, его поразили ихъ экстазъ, ихъ наивная вѣра, онъ картину свою прочувствовалъ,—и, стало быть, могъ ее написать. Россіи, русской литературѣ онъ обязанъ очень многимъ. Онъ Россію любитъ, любитъ русскій народъ, и понятно и естественно, чтобы онъ для этого народа работалъ. Это тѣмъ болѣе естественно, что судьбы народовъ русскаго и еврейскаго во многомъ переплелнсь и слились, и что, работая для русскаго человѣка, работаешь въ то же время и для еврея. Это вѣрно. Но... но отчего же всетаки не ваиисалъ онъ своего „Іегуду Галеви?“...

Отчего за всю свою долгую дѣятельность, съ

---

*) Слова молитвы, которою отпѣвають покойниковъ.

тѣхъ перъ, какъ онъ приобрѣлъ имя, онъ не взялъ ни одного еврейскаго сюжета?...

И теперь Соиферъ отвѣчалъ себѣ прямо, безъ изворотовъ: оттого, что это было ему неудобно.

Ему неловко было писать евреенъ, ему неловко было напоминать о своемъ происхожденіи. Ему это происхожденіе простили, и онъ это прощеніе принималъ. Онъ съ благодарной радостью принималъ его.

Евреи не могли ему дать много, — и онъ отъ нихъ ушелъ. О томъ же, что онъ могъ много дать имъ, онъ не думалъ.

— А впрочемъ... нѣтъ... — пробормоталъ Соиферъ, проводя тихо дрожавшей рукой по лицу. — Я думалъ объ этомъ, и не разъ этимъ томился...

И какъ ни строго былъ теперь къ себѣ старый художникъ, онъ не могъ всетаки обвинить себя въ полной безучастности къ евреямъ. Ему было ясно, что онъ нонсе не принадлежитъ къ тѣмъ одеренѣлымъ проходимцамъ, которые, отдѣлившись отъ своего народа и измѣнивъ ему и его вѣрѣ, съ полнымъ спокойствіемъ устраиваютъ собственныя дѣлишки подъ бокомъ у страдающаго брата. Онъ спокойнымъ не былъ. Онъ томился. Но томленіе это было поверхностное, бесплодное... Народа своего онъ не забылъ. Но онъ отъ народа этого ушелъ. Онъ вмѣстѣ съ евреями не боролся и рядомъ съ ними не работалъ. Они всѣ для него работали вѣками. Они накапливали для него неисчи-

слимья духовныя сокровища, они сообщали ему свою силу, свой духъ. Онъ изъ своихъ страданій выковали его талантъ, а онъ, все это взявъ и всё́мъ этимъ воспользовавшись, ничего въ отплату не далъ...

Онъ даже частную жизнь свою устроилъ такъ, чтобы быть отъ евреевъ подальше. Знакомство онъ поддерживалъ только съ тѣми изъ нихъ, которые могли быть полезными, — съ богачами, съ вліятельными журналистами. Массу же, бѣдноту, несчастную в неизящную еврейскую бѣдноту, ту самую, изъ которой онъ вышелъ и самъ, онъ тщательно избѣгалъ...

Разъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ прогуливался по одной изъ одесскихъ улицъ съ мѣстнымъ туземъ-армяниномъ. Шедшій имъ ва встрѣчу старшій, сѣдой еврей приблизился и по еврейски спросилъ, гдѣ находится портняжная синагога. Сойферъ смутился, заволновался и, окинувъ старика злобнымъ взглядомъ, безъ отвѣта поспѣшно отошелъ прочь...

Теперь воспоминаніе это такъ и жгло Сойфера, и по блѣдному лицу его быстро промчалось выраженіе брезгливаго гвѣва.

— Если бы то былъ не еврей, а армянинъ, и онъ къ намъ обратился бы по армянски, Таръ-Егіазаровъ отъ него не убѣжалъ бы... Не убѣжалъ бы...

Сойферъ нервно подергивалъ свою густую кли-

исобразную бороду и продолжалъ тяжелымъ, неровнымъ шагомъ ходить изъ угла въ уголъ.

„Нужно дать полную свободу своему чувству... Нужно выразить всю свою мысль“, думалъ онъ.

И теперь онъ ясно видѣлъ, что „всю“ свою мысль онъ не выражалъ никогда. Онъ всегда льнулъ къ сильнымъ, всегда старался имъ нравиться, старался угодить...

Началось съ того, что онъ ушелъ отъ своего народа. Потомъ въ этомъ направленіи шло и дальше... Онъ угождалъ... И результатомъ долготѣняго старанія угодить—явилось то, что онъ совершенно утратилъ свободу. Онъ добился извѣстности, нажилъ состояніе, приобрѣлъ поклонниковъ; но свободы, независимости у него меньше, чѣмъ у этого буйвола-натурщика, котораго за полъ-лиры каждый встрѣчный можетъ раздѣть до нага и заставить позировать въ какомъ угодно положеніи...

Сюжетовъ изъ еврейской жизни онъ не бралъ. Но и другіе сюжеты онъ и выбиралъ, и обрабатывалъ совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлъ. Онъ останавливалъ свое вниманіе только на такихъ явленіяхъ, которыя могли интересовать людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ. И толкованіе жизни ухитрялся онъ давать такое, что оно приходилось по вкусу всѣмъ: „и нашимъ, и вашимъ“...

Онъ шелъ, всегда озираючись, въ серединочкѣ,

не склоняясь ни направо, ни налево... Одно время соблазняла его мысль написать большую картину изъ жизни Стеньки Разина, — но онъ эту мысль въ исполненіе не принелъ: сюжетъ былъ „неудобенъ“. Собираясь онъ изобразить „голодную деревню“, и это сдѣлать поостерегся... Остерегался онъ всегда. Всегда онъ передъ чѣмъ-то трусилъ и къ чему-то приноравливался. Свободнаго размаха онъ не зналъ, и смѣлые порывы были ему неизвѣстны...

— Держалъ вдохновеніе за чубъ, — съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ Сойферъ.

Ноги у него нѣмѣли и съ трудомъ сгибались, во нѣмѣ тѣлѣ онъ чувствовалъ большую усталость... Онъ прислонился къ тяжелому пьедесталу, на которомъ стояла мраморная группа—двое обнявшихся и заснувшихъ въ креслѣ полуголыхъ ребѣночка. Солнце зашло уже совсѣмъ, но ночная чернота еще не спустилась, и въ мастерской разлилъ былъ тотъ странный и своеобразный сумракъ, который свойственъ однимъ только сверху освѣщаемымъ помѣщеніямъ.

— Какой любовью, какимъ миромъ вѣетъ отъ этихъ дѣтей,—пытался думать Сойферъ, устремляя глаза на смутно бѣлѣвшую массу мрамора. — Что если ихъ освѣтитъ сзади?

Онъ черкнулъ спичкой, подошелъ къ столу, гдѣ стояла высокая лампа, и сталъ снимать съ нея абажуръ и стекло. Но пока стекло было снято, спичка догорѣла. И ноной Соиферъ уже не зажегъ. Онъ опять надѣлъ на стекло абажуръ и опустился въ кресло.

„Зналъ ли я истинное наслажденіе творчества?“—спрашивалъ онъ себя.

И отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ отрицательный.

Ни наслажденій, ни мукъ творчества онъ не испытывалъ. Только тогда, въ молодости, въ дни дебютонъ, когда онъ писалъ свои мало-замѣтные жанры наъ еврейской жизни, только тогда онъ переживалъ глубокое и сильное волненіе. Сердце его сжималось и горѣло, и не разъ подступали къ глазамъ слезы. Были мгновенія, когда онъ испытывалъ то сладкое страданіе, то мучительное, почти нестерпимое, но приближающее къ Богу трепетаніе души, которое доступно однимъ только избранныкамъ. Но потомъ... потомъ ничего этого уже не было...

Все, что онъ создавалъ потомъ, было глубоко продумано, иногда даже и прочувствовано, но никогда не выстрадано. Съ теченіемъ времени чувство его ослабѣвало, тускнѣло и блекло; онъ работалъ ремесленнически-спокойно, и волновалъ его только вопросъ о томъ, принесетъ ли новое произведеніе ноные лавры и выгоды...

И лавры были... И выгоды были тоже...

Росло его имя, увеличивались доходы. Онъ много тратилъ и великолѣпно обставилъ себя. У него развились особые вкусы и потребности—и онъ ихъ въ полной мѣрѣ удовлетворяетъ. Но новыхъ работъ у него нѣтъ, а о прежнихъ стали говорить, что онѣ устарѣли. Отъ выходящаго изъ моды художника уже ничего не ждутъ, имъ не интересуются...

— Мои картины устарѣли,—прошепталъ Соиферъ.—И это именно оттого, что я въ нихъ не давалъ свободы моему чувству... Онѣ выходили хуже, чѣмъ то, что я могъ сдѣлать... А нѣкоторыя, даже уже написанныя, я собственными руками искажилъ и испортилъ... „Монастырскую келью“, наприимѣръ...

И ему стала припоминаться странная исторія этой картины.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ умерла мать Соифера, и онъ поѣхалъ на похороны нъ родное мѣстечко. Въ томъ же мѣстечкѣ жилъ и дѣдъ художника, ребе Нусень, совсѣмъ уже ветхій старикъ. Онъ былъ раннинъ и учитель и всю свою жизнь отдалъ изученію талмуда и дѣламъ благотворительности. У этого челонѣка были феноменальныя способности и сердце праведника. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ еврейскихъ самородковъ, которые такъ часто и такъ оскорби-

тельно-безполезно гибнуть въ смраднхъ трущобахъ роковой черты, и которые при усяовіяхъ менѣ жестокихъ могли бы сдѣлаться гордостью и отрадой всего народа... Сойферъ вырощенъ и взлѣлянъ былъ ребе Нусеномъ и на всю жизнь сохранилъ къ нему нѣжную привязанность и самое глубокое уваженіе. Теперь, очутившись въ родныхъ краяхъ, онъ вадумалъ занести дорогія черты на полотно и написалъ съ ребе Нусена картину „Поиски Бога“.

Картина эта ему удалась. Но когда она пришла въ Петербургъ, и Сойферъ поставилъ ее на мольбертъ, посреди мастерской, онъ ндругъ почувствовалъ тяжелую и досадную нелюкность...

Онъ долго смотрѣлъ на свое новое произведе-ніе... и нелюкность его все росла и росла...

Ему доложили, что пріѣхала графиня Штакельбергъ съ дочерью и внукамн. Сойферъ покраснѣлъ, засуетился и поспѣшно повернулъ картину къ стѣнѣ...

И пока продолжался сеансъ—Сойферъ писалъ портретъ молодой графини—настроеніе у художника было нестерпимо-тrenoжное. Ему все казалось, что вотъ-вотъ старая графиня или ея внучата откатятъ отъ стѣны предательское полотно и увидятъ на немъ ребе Нусена. Штраймелъ *) уви-

---

*) Особый родъ шапки.

дять, пейсы увидать, увидать длинный, горбатый носъ...

Сеансъ окончился благополучно, заказчки уѣхали, не взглянувъ ва Нусена. Безпокойство Сойфера нѣсколько улеглось. Но овъ понялъ теперь, что посылать картину на выставку ему нельзя... Нельзя, иеудобно...

А картина, между тѣмъ, была такъ хороша! Такой глубокой одухотворенностью вѣяло отъ этого ушедшаго за облака искателя-старца, такой святостью сіяли его ясные, всевидящіе глаза...

Отказаться отъ такого произведенія было бы совершенно неразсчитливо... И Сойферъ отъ него не отказался... Онъ скоро сообразилъ, что нужно сдѣлать, и нашелъ очень удачный выходъ...

Голову ребе Нусена онъ скопировалъ и повѣсилъ у себя въ спальнѣ, а „Понски Бога“ передѣлалъ.

Напвсалъ другой костюмъ и обстановку, убралъ пейсы, измѣнилъ форму бороды и носа, тронулъ кое-что на лбу и подъ глазами, и картина пошла ва выставку подъ названіемъ „Монастырская келья“...

— Господи, да неужели это было!?!—простоналъ Сойферъ, судорожно стискивая пальцы.

И теперь все это казалось ему вевѣроятнымъ, кощунственнымъ, безумнымъ...

Ни пребываніе въ родномъ гнѣздѣ, ни горестныя картины тамошней жизни, ни общеніе съ дѣ-

домъ, ни свѣжая могила матери—ничто не могло очистить его душу, освободить ее отъ рабскихъ чувствъ.

И Сойферу страшно было думать, что эти чувства владѣли имъ всю его жвзнь. Только теперь, когда пришла старость, когда побѣдѣла его голова, когда лавры стали увядать и опадать, когда услугами стараго раба больше уже не хотятъ пользоваться и его, какъ ненужную, вегодную тряпку, отбрасываютъ прочь, только теперь зашевелилось въ немъ что-то живое и человѣческое...

Но, и теперь даже, это человѣческое до такой степени слабо, что когда мѣсяць тому вазадъ онъ получилъ заказъ Войнара,—онъ снова воспрянулъ и своа почувствовалъ себя и довольнымъ, и гордымъ...

На лвицѣ Сойфера легло выраженіе глубокаго отвращенія. Онъ напряженно, остановившимися глазами, смотрѣлъ впередъ себя, и въ испуганномъ воображеніи его одна за другой вставали его старыя картины. И всѣ онѣ казались ему фальшивыми, невыразительными и бездарными. И со смѣшаннымъ чувствомъ недоумѣнія и страха думалъ онъ о томъ, что прожилъ жизнь, не использовавъ своихъ силъ. Силы были ему даны большія. Ему дана была власть высшая, власть надъ человѣческими сердцами, а онъ ею пренебрегъ. Какъ оперный пѣвецъ, который въ теченіе всей своей карьеры

не пользовался бы самыми могучими, самыми знающими и страстными нотами и пѣлъ бы октавой ниже, чѣмъ позволяли ему его голосонныя средства, такъ и онъ яе использовалъ самыхъ дорогихъ и важныхъ свойствъ своего дарованія и создалъ только незначительныя, заурядныя и уже умирающія вещи...

О, если бы онъ не искалъ „Поисковъ Бога“! О, если бы онъ и самъ искалъ Бога!..

Сойферъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ, какъ-то итакось, опустивъ голову и сѣдѣвъ на груди пальцы. Онъ сидѣлъ долго, и мысли въ его головѣ стали туманиться и обрываться... „Рабья жизнь... Рабья, рабья“!

Темносиній сумракъ становился все гуще, мебель тонула въ немъ, теряя контуры, и съ рѣзкой опредѣленностью намѣчался только, стоявшій посреди мастерской, мольбертъ съ портретомъ Войнара.

— Какъ мацейва *)!—мелькнуло вдругъ у Сойфера, и онъ вадрогнулъ и закрылъ глаза.

Ему хотѣлось встать, разрушить мацейву, откатить мольбертъ въ уголъ и снять съ него полотно, но онъ какъ-то не рѣшался подняться.

Ему было жутко, невыносимо жутко, и онъ си-

---

*) Надмогиельный памятникъ.

дѣль въ оцѣпенѣніи, съ плотно закрытыми глазами. Но, и съ закрытыми глазами, онъ все же продолжалъ видѣть грозную мацейву, и она какъ бы надвинулась еще ближе. И на ея большомъ и темномъ прямоугольникѣ холоднымъ блескомъ стала обозначаться какая-то черная надпись...

Сойферъ не хотѣлъ читать эту надпись, не хотѣлъ проникать въ ея тайный и ужасный смыслъ,— но это сдѣлалось помимо него. Мрачный блескъ буквъ прорывалъ его сомнутыя вѣки, входилъ въ его глаза, въ его душу...

„Онъ ничего не сдѣлалъ для своего народа. Онъ служилъ врагу народа“...

Лидо у Сойфера затрепетало. И старому художнику показалось, что изъ груди его нырывается плачущій шепотъ: „да нѣтъ же, нѣтъ... этого не было... этого не будетъ“...

Сойферъ всталъ и, шатаясь, не отрывая отъ пола ногъ, дотоптался до окна и отворилъ его...

Большія тучи, черныя, какъ сукно, которымъ накрываютъ покойниковъ, ползли по небу, а въ промежуткахъ, въ треножномъ ожданіи, когда одѣяніе смерти захватить и ихъ, дрожа горѣли зеленыя звѣзды. Безмолвнымъ стояло старинное палаццо черезъ дорогу, безмолвными были неподвижные кипарисы подь окнами, и безмолвнымъ и мертвымъ нѣ этотъ часъ казался и весь огромный Римъ...

Сойферъ стоялъ, сжавшись, сгорбившись, положивъ обѣ руки на подоковникъ, и смотрѣлъ передъ собою, въ черную глубину. И онъ чувствовалъ себя такимъ слабымъ, несчастнымъ и одинокимъ... бесконечно одинокимъ...

Онъ думалъ о томъ, что онъ—славный художникъ, что онъ почетный членъ разныхъ художественныхъ учреждений, что у него есть ордева, что онъ портретистъ коронованныхъ особъ—и думы эти вызывали въ немъ ненависть и отвращеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то похожее на нѣжность и состраданіе къ себѣ...

Онъ одивокъ... и одинокимъ онъ будетъ всегда... Въ завѣщаніи своемъ онъ написалъ, что хочетъ быть похороненнымъ на родномъ кладбищѣ. Но теперь онъ понимаетъ, что на это кладбище онъ не имѣетъ права. И когда придетъ его девъ, и его остывшее тѣло ляжетъ рядомъ съ тѣмъ, замученнымъ людьми—никто изъ нихъ првзнять его не сможетъ. И тамъ, въ томъ невѣдомомъ мірѣ, отъ котораго избавленія нѣтъ никогда, отъ котораго освободить не можетъ и самая смерть, онъ опять будетъ одинокъ, вѣчно и вѣчно одинокъ...

Сойферъ внезапно оторвалъ руки отъ окна, быстро прошелъ въ переднюю, снялъ съ вѣшалки шляпу и, нахлобучивъ ее на глаза, спустился съ лѣстницы.

Усталость его сразу исчезла, и онъ шагаль энергично и твердо. У него мелькнула радостная мысль, и свѣтъ ея ярко озарилъ его измученную душу. Но, мелькнувъ, мысль эта тотчасъ же погасла, и, исполняя теперь то, что она продиктовала, Соиферъ дѣйствовалъ машинально, почти бессознательно. И въ походкѣ его, и въ выражении лица было что-то странное, напоминавшее лунатика.

Онъ шель и не думаль о томъ, куда идетъ и за чѣмъ. Гдѣ-то далеко, глубоко въ сердцѣ шенелилось смутное сознание, что онъ дѣлаеть что-то хорошее, облегчающее, что надо торопиться,—и онъ торопился.

Изъ аристократическаго безлюднаго бульвара онъ быстро вышелъ на небольшую круглую площадь и, увидѣвъ здѣсь трамвай, вскочилъ въ него.

— Скорѣе, покончу хоть съ этимъ... развяжусь...—мелькнуло у него.

А съ чѣмъ именно покончить онъ и разяжется—этого онъ въ ту минуту не понималь. Это открылось ему только позже, когда, нийдя изъ вагона и начавъ спускаться по какому-то грязному и тѣсному переулку, онъ увидѣль на угловомъ домѣ досчечку съ назнаніемъ „Via Antonio“...

Онъ вспомнилъ теперь, что на Via Antonio жинеть Гумплоничъ, и что именно къ нему онъ и

идеть. Онъ идетъ объявить ему, что не станеть кончатъ портретъ Войнара.

— Ахъ, да!.. за этимъ...—въ мгновенномъ, болѣзненно-радостномъ возбужденіи подумаль Софферъ.—Да, да... ве буду ковчатъ... къ чорту портретъ... уничтожу его, изрѣжу, сожгу...

Было уже довольно поздно, но въ гѣсовомъ переулкѣ царило большое оживленіе.

Дома здѣсь были старыя, грязныя, узкія, со множествомъ лавчовокъ и кабаковъ. Изъ большихъ оконъ ложились ва мостоную широкія полосы желтаго свѣта, и отовсюду слышалась громкая рѣчь, перебранка и смѣхъ. Въ одвомъ кафе, претендовавшемъ ва щеголеватость, играли на мандолинѣ какую-то шуструю арію, а собравшаяся у дверей кучка молодыхъ людей слушала, и временами чей-то низгливый, смѣшной голосъ начиналъ передразнивать музыканта, лаять, мяукать, кудахтать, и тогда всѣ хохотали и весело ругались...

Посреди улицы и по тротуарамъ, между телѣжекъ съ зеленью и мелкимъ галантерейнымъ товаромъ, буйно носились черномазья, босоногія дѣти, шлепались на землю и саднились другъ на друга, оглашая воздухъ и плачемъ, и побѣднымъ взвизгиваніемъ. Толстымъ басомъ или провзительнымъ дискантомъ орали торговки, приглашая покупателей воспользоваться позднимъ временемъ и

дешево скупить остатки. Мужчины, черноглазые, чернобородые, въ широкихъ плисовыхъ штанахъ, подпоясанные красными или синими поясами, уже подъ хмѣлькомъ, ходили вверхъ и внизъ по улицѣ, задумчиво останавливались у кабаковъ, заглядывали въ окна, и потомъ исчезали въ дружелюбно раскрытыхъ дверяхъ...

Всюду была толкотня, всюду былъ гамъ, и со всѣхъ сторонъ неслись смрадные запахи,—горѣлаго, прѣющаго, гнилого,—запахи прочно установившейся, застарѣлой вичеты...

Это былъ переулокъ, гдѣ ютились голодающіе художники и въ вѣрные слуги и друзья—модели...

— Это четырнадцатый номеръ,—пробормоталъ Сойферъ, подымая глаза къ воротамъ.—Онъ живетъ въ тридцать второмъ... Пятый этажъ, вторая дверь вальво... Скажу ему, что нѣтъ портрета... ни психологическаго, ни символическаго, никакаго портрета нѣтъ... Уничтожу полотно и ковчево... кончево...

Спускаясь внизъ по переулку, Сойферъ незамѣтно для самого себя замедлилъ шагн.

Что-то странное и болѣзненное совершалось въ немъ. Всѣ его мысли и чувства были точно придавлены и, какъ человекъ въ низкомъ подземельѣ, не могли стать во весь ростъ и выпрямиться. Онъ окутаны были неподвижнымъ тяжелымъ туманомъ,

и очертанія ихъ и тоны были неопредѣленны, мертвенны и тусклы. Тусклой была радость отъ сознанія, что съ чѣмъ-то будетъ „покончено“; тусклымъ было опасеніе, что „покончить“ ни съ чѣмъ не удастся; тусклой была догадка, что въ этомъ стремленіи „покончить“ заключается что-то ненормальное, страшное...

Сойферъ остановился и пронелъ рукой по глазамъ. У него болѣла голова, самый мозгъ, — но и боль тоже была тусклая, безцвѣтная и тупая...

— Арнольдъ Веняминовичъ, это вы? — раздался вдругъ чей-то удивленный голосъ.

Сойферъ медленно обернулся.

Гумпловичъ въ старой блузѣ и безъ шапки стоялъ на тротуарѣ и обѣими руками держалъ большой газетный листъ, на которомъ, какъ на подносѣ, высокимъ бугромъ лежало что-то бѣлое, лоснящееся. Подъ мышкой торчала у него проволочная вѣшалка, деревянная ручка новой метелки и какой-то бояшлой синій свертокъ.

— Какими это судьбами? — продолжалъ скульпторъ. — Вѣроятно, за натурачками?.. Что за удивительныя голоны попадаются, чудо!.. И вообще, несъ городъ — чудо!.. Ужасно я имъ доноленъ, ужасно!..

Гумпловичъ несело оскалилъ зубы.

— Все тутъ хорошо... Вотъ, напримѣръ, макароны я себѣ купилъ... Вѣдь я все воображалъ, что

мнѣ тутъ придется страшной заниматься, что надо будетъ голодать. А вовсе голодать не буду... Тутъ все такъ дешево... Стой, ты не ѣздн! — обратился онъ вдругъ къ своей метелкѣ, крѣпко прижимая ее локтемъ.

— Все дешево... — продолжалъ Гумпловичъ. — И все продается готовое: картофель жареннымъ, макаронны и фасоль вареными... и супу можно купить, и шпинатовъ тамъ всякихъ, чортъ ихъ знаетъ, я ихъ никогда и не ѣдалъ... Прелесть ей Богу!

Гумпловичъ бросилъ нѣжный взглядъ на желтоватую и отъ газоваго свѣта сильно снеркавшую жирную грудку макаронъ. Соиферъ уловилъ этотъ взглядъ — и на сердцѣ у него вдругъ сдѣлалось какъ-то странно-весело.

— Вы очень любите макаронны?

— Макароны?.. Чудесная вещь!.. Эти черномазые удивительно ихъ готовятъ. А главное — дешево какъ! За нѣсколько центезимонъ.

Съ Гумпловичемъ Соиферъ видѣлся всего дважды, и нѣ оба раза разговоръ у нихъ былъ серьезный, важный, почти торжественный. И теперь Соиферу какъ-то странно было слышать отъ своего собесѣдника эти разсужденія о мелкихъ житейскихъ дѣлахъ. Странно и пріятно, удивительно пріятно... И ему очень хотѣлось, чтобы разговоръ продолжался, чтобы онъ не мѣнялъ своего

характера, и все касался бы жаренного картофеля, шпината и макаронъ...

И желаніе его осуществлялось.

Гумпловнчъ возвращался изъ лавки, гдѣ только-что накупилъ себѣ разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей: метелку, вѣшалку—„ночь онѣ!“ Въ карманахъ и въ снѣмъ сверткѣ были у него еще лампочка, стаканы, кусокъ вывареннаго супового мяса и сапожная щетка, все это, сверхъ ожиданія, куплено было поразительно дешево, и молодой скульпторъ былъ въ отличномъ настроеніи. Онъ радъ былъ подѣлиться своими впечатлѣніями и съ дѣтской наивностью и оживленіемъ докладывалъ о только-что одержанныхъ хозяйственныхъ побѣдахъ.

— Какая это гадость, когда надо самому готовить!—восклицалъ онъ.

И онъ принялся рассказывать, какъ много времени тратилъ настряпню въ бытность свою въ Мюнхенѣ, какъ въ концѣ концовъ дорого все обходилось, и какую онъ всегда ѣлъ дрянь: сунѣ—мыльная вода, мясо—горѣлое, похожее на антрацитъ...

— А вы, небось, любите, когда вкусно?—съ тайной радостью спросилъ Сойферъ.

— Конечно.

— И предпочитаете макароны съ пряностями?

Ужъ и самъ не знаю... Всякія предпочитаю. Вотъ приду домой—сейчасъ всю эту грудку съѣмъ.

— Неужели нсю? Но онѣ слишкомъ жирны.

— Это ужъ ихъ горе... А мнѣ только удобнѣе: сколькоки—глотать легче...

Сойферъ разсмѣялся. И смѣхъ у него былъ добрый, ласковый и жирный, — какъ и эти макароны.

— Нѣмцы — тѣ кажется все больше на счетъ Gemüse,—науськивалъ старикъ.

И Гумпловичъ все тѣмъ же веселымъ и дѣтски простодушнымъ тономъ опять говорилъ объ ѣдѣ,— о томъ, что ѣдятъ нѣмцы, и что ѣдятъ у него на родинѣ, въ Галиціи. Плохо тамъ ѣдятъ, народъ бѣденъ. Но въ богатыхъ ресторанахъ блюда есть какія-то совсѣмъ особенныя. Гумпловичъ разъ вылъпилъ бюстъ одвого богатаго подрядчика, и благодарный заказчикъ угостилъ его нѣ „Козьей ногѣ“. Ыли что-то такое, чему и названія ве подберешь, прямо что-то фантастическое.

— Ага!—весело отозвался Сойферъ.

„Къ нему я бѣжалъ... каяться—проносилось у старика:—къ этому вотъ...“

И на молодого скульптора онъ смотрѣлъ съ тѣмъ неожиданнымъ чувствомъ ѣдкаго и упойтельнаго злорадства, съ какимъ некрасивая женщина смотритъ ва обезображенную ожогомъ соперницу, вчера еще снеркавшую ослѣпительной красотой...

— А вотъ, гдѣ совсѣмъ уже плохо, такъ это въ Парижѣ,—продолжалъ между тѣмъ Гумпловичъ.

И онъ сталъ рассказывать, какая въ этомъ городѣ страшная дороговизна. Одинъ пріятель его, ученикъ консерваторіи, флейтистъ, пишетъ оттуда, что ѣсть конину и на обыкновенной лампѣ варить въ водѣ крупу. А когда нѣтъ и крупы—идеть въ казармы, и тамъ солдаты даютъ ему остатки своего рациона.

— Дурень онъ: писалъ я ему, чтобы сюда пріѣхалъ—не хочетъ.

Сойферъ ядовито усмѣхнулся.

— Да, вы я вижу, дѣло понимаете. Вы попрактичнѣе вашего пріятеля. Но вы забываете вотъ что,—добавилъ онъ, внезапно охваченный какимъ-то темнымъ и злобнымъ чувствомъ:—вы забываете, что кто хочетъ вкусно ѣсть, тотъ долженъ идти въ биржевики, а не изучать искусство.

Гумпловичъ удивленно посмотрѣлъ на Сойфера.

— То есть... позвольте... откуда же это?..

— А вотъ оттуда... — оборвалъ Сойферъ, — вы, кажется, тутъ гдѣ то живете?

— Черезъ дорогу.

— Ну, такъ, прощайте... Мнѣ сюда, направо... Я имѣлъ глупость сказать натурщику, чтобы онъ завтра не приходилъ, а между тѣмъ мнѣ надо спѣшить кончать Войнара. Порфиру дописывать надо...

— Животное! — съ ликующей злобой думалъ Соиферъ, когда минутъ черезъ пять снова входилъ въ вагонъ трамвая.—Полчаса говорить, и все объѣдѣ. Какъ бы получше нажраться... Даже глаза разгораются... Животное...

Широко разсѣвшись на свободной скамьѣ полупустого вагона, Соиферъ думалъ о томъ, что некогда не слѣдуетъ впадать въ сентиментальность, и что нельзя поддаваться мимолетнымъ настроеніямъ.

Какъ нелѣпо, какъ несправедливо и глупо было это желаніе каяться передъ какимъ-то Гумпловичемъ! Бѣжать къ нему, докладывать, что портретъ Войнара не будетъ оконченъ... Да вѣдь это прямо помѣшательство какое-то...

Придетъ къ тебѣ вотъ этакій тупой пошлякъ, изменный обжора какой-нибудь и, драпнувшись въ тогу идеализма или тамъ патріотизма какого-то, что-ли, станетъ тебѣ говорить дерзости, станетъ судить тебя и карать. За что? По какому праву? Кто онъ, этотъ грозный судья? Захвати-ка его врасплохъ, въ его домашней обстановкѣ, и увидишь ясно, что онъ изъ пошляковъ пошлякъ. Злобная бездарность, завистливый неудачникъ, ничтожество, корчащееся отъ боли при видѣ чужихъ успѣховъ... Но онъ наглъ, наглъ безъ конца,

и этимъ онъ беретъ. Ты теряешься передъ этою наглостью, слабѣешь, воображаешь, что и въ самомъ дѣлѣ нѣ чѣмъ-то виновать, и начинаешь оправдываться и продѣлываешь рядъ дикихъ и нелѣпныхъ вещей... Возмутительно!..

Трамвай выбѣжалъ изъ грязваго рабочаго кнар-тала и понесся по ярко-оснѣщеннымъ торговымъ улицамъ. Пассажиры все прибывали. Недалеко отъ Корсо ихъ набралось столько, что нѣкоторымъ пришлось стоять. Потомъ, когда Корсо проѣхали и стали приближаться къ тихой, аристократической части города, пассажиры одинъ за другимъ сходили, и скоро въ вагонѣ осталось только два безмолвныхъ, желтолицыхъ, одѣтыхъ нѣ черное и на видъ очень злобныхъ аббата.

Сойферъ сидѣлъ противъ нихъ и, глядя нѣ узкое пространство между двухъ плоскихъ, мѣрно качавшихся черныхъ шляпъ, старался думать все о томъ-же—объ обжорствѣ Гумпловнча, о изменности и наглости его натуры. Но мысли эти, какъ будто, и продолжавшія казаться и нѣрными, и справедливыми, утратили, однако, свою утѣшительную силу, и нѣ сердцѣ стараго художника теперь опять стояла тренога и тоска...

И, по мѣрѣ приближенія къ дому, тоска эта все росла и росла, а вмѣстѣ съ ней росла и физическая усталость...

— Плохо мнѣ,—беззвучно говорилъ Сойферъ

снимая съ головы давившую его шляпу.— Должно быть, очень мнѣ плохо?..

Аббаты въ черномъ дремали, и желтыя, остроносныя, мертвыя, но безпрестанно кивавшія лица ихъ были непріятны Сойферу и пугали его. Онъ всталъ, чтобы пересѣсть подальше, но, замѣтивъ, что вагонъ приближается къ круглой площади, на ходу соскочилъ и направился къ своему бульвару.

Было душно и очень темно. Просвѣтовъ со звѣздами на небѣ уже не было видно, и все оно сплошь затянулось чернымъ покровомъ. Похоже было, что надъ землей раскинуть какой-то черный и страшный шатеръ, гдѣ стоитъ тяжелая духота, и гдѣ все до послѣдней степени изнурено и подавлено.

Сойферъ шелъ медленно, съ обнаженной головой, и опять думалъ о Гумпловичѣ и о себѣ...

Трусливыми, жалкими, презрѣнными казались ему его нападки на юношу... Да вѣдь вовсе и не на Гумпловича нападалъ онъ: онъ бросалъ грязью во все живое и честное, на все то свѣтлое, безкорыстное и самоотверженное, что самому ему было недоступно... Надо было все низвести до своего уровня, надо было все затопить той грязью, въ которой захлебывался онъ самъ...

— Господи, какъ я несчастенъ!— тихо пробормоталъ Сойферъ.

И онъ уже не могъ думать ни о чемъ.

Странныя, смутныя, разрозненныя мысли выплывали въ головѣ вмѣстѣ съ какими-то обрывками далекихъ воспоминаній—выплывали, кружились и исчезали, замѣняясь другими, еще болѣе ненужными, еще болѣе безсвязными и сумбурными... „Я боленъ“,—мелькало у Соифера: „я боленъ“...

И онъ тихо плелся, закрывъ глаза, и въ черномъ воздухѣ ему чудилось присутствіе чего-то таинственнаго, злого и безпощаднаго.

„Ничего нѣтъ, пустяки... это нервы...“—успокаивалъ онъ себя, — а холодныя волны одна за другой проходили у него по спинѣ...

Ему хотѣлось оглянуться, но сдѣлать это онъ боялся. И, не поворачивая головы, онъ краемъ глазъ смотрѣлъ назадъ; и хотя никого не было ни вблизи, ни вдали, и нѣмъ и пустыненъ былъ весь широкій бульваръ, ему все не переставало казаться, что въ черной аллеѣ кто-то тихо крадется и вздыхаетъ... А когда онъ поровнялся со старымъ палаццо, то сверху, изъ неподвижно нависшей, плотной листвы ему послышался какой-то голосъ. И Соиферъ не понималъ чей это голосъ, и что означаютъ его тревожные переливы—нищенка-ли просить, Гумпловичъ ли, волнуясь, говорить о выпитой Войнаромъ еврейской крови, старый ли канторъ поетъ надъ ребе Нусеномъ печальное „Эль-моле-рахмимъ“...

— Измучился... измучился,—шепталъ Соиферъ, поднимаясь къ себѣ по лѣстницѣ.

Наверху, на площадкѣ, онъ останоился. Онъ думалъ, что надо пойти въ спальню и лечь, что нельзя теперь заходить въ мастерскую, гдѣ стоятъ мацевы, гдѣ стоитъ портретъ Войвара...

И, думая такъ, онъ открывалъ дверь въ мастерскую и входилъ въ нее...

Онъ добрался до большого коврового дивана и опустился на него... Тяжелое оиѣмѣніе разлилось по всѣмъ его членамъ и какъ бы придавило его... И могильная тишина мастерской вдругъ дрогнула; звуки, непоятные и странные, похожіе на тихое шурпаніе осторожно разворачиваемыхъ талесонъ*), ношли въ душу Соифера. Родное кладбище, то самое, о которомъ Соиферъ мечталъ и которое такъ пугало его и мучило, было теперь адѣсь... Оно широко разстлалось по всѣ стороны и ему не было предѣловъ... И среди темныхъ и сѣрыхъ мацевъ тусклымъ колеблющимся туманомъ бѣлѣли одѣтые въ талесы мертвецы... И мертвецовъ этихъ было неисчислимое множество, они шли до самаго горизонта и терялись въ безконечности...

— Зачѣмъ вы... зачѣмъ...—трепетно простоналъ Соиферъ.

А мертвецы колыхались, двигались, шурша та-

---

*) Покрывало, въ которое евреи облакаются для свершенія молитвы. Въ него же заворачиваютъ и покойниковъ.

лесамн, таяли и растворялись въ бѣлесонатой мглѣ; мгла эта быстро сгущалась, сворачивалась въ тяжелые клубы, и изъ нихъ стала медленно выростать чья-то высокая темная фигура... Синій огонекъ тихо испыхнулъ и повисъ въ воздухѣ, и при его слабомъ, немерцавшемъ свѣтѣ Сойферъ узналъ фигуру... Передъ нимъ стоялъ сѣдой еврей, тотъ самый изможденный старый еврей, котораго онъ изобразилъ на своей первой картинѣ... То же было у него на лицѣ выраженіе ужаса и безконечной муки, такъ же бѣшено прыгая, рвали его тѣло псы, и такъ же обильно струилась по его лохмотьямъ и по землѣ дымящаяся кровь...

И словно что-то ударило Сойфера—изнутри, нѣ самое сердце...

— Я иду къ тебѣ!—вскричалъ онъ нѣ экстазѣ.—Я спасу тебя отъ этихъ псовъ!.. Я отгоню ихъ прочь!.. Я брошу имъ себя... Пусть они разорвутъ меня на частн... Пусть изгрызутъ мое сердце... пусть по каплѣ выпьютъ мою кровь... Но тебя я спасу... Я иду къ тебѣ, иду!..

Онъ сорвался съ дивана, нырнулъ, завесъ надъ головой руку...

Но синій огонекъ, тихо дрогнувъ, погасъ, и мглистое видѣніе исчезло...

Сойферъ стоялъ нѣ оцѣпенѣніи, съ широко раскрытыми глазами, съ высоко поднятой надъ головою рукой.

— Я сошелъ съ ума...—беззвучно прошепталъ онъ:—я сошелъ съ ума...

Онъ упалъ на диванъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній у него не было никакихъ мыслей, никакихъ ощущеній. Потомъ сложное, нестерпимо мучительное чувство вошло въ его сердце. Въ этомъ чувствѣ перемѣшивались и ужасъ, и отчаяніе, и безнадежная, смертельная тоска...

— Не вернешь, не вернешь, не вернешь...—рыдала старческая душа.—Не вернешь...

ЗЕМЛЯКИ.

Разсказъ.

Въ теченіе первой недѣли Варвара Степановна Клобукова чувствовала себя на новомъ мѣстѣ отличво.

Прежде всего забавляло ее сознаніе, что вотъ, случилось чудо, и она за-границей, во Франціи; затѣмъ радовала мысль объ огромномъ заработкѣ: семьсотъ франковъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ,—этого она у себя въ Мертвоводскѣ не выработала бы и въ годъ; и, наконецъ, большое удовольствіе доставляла эта необычайная, никогда ею еще не виданная роскошь и комфортъ.

Варварѣ Степановнѣ отведены были двѣ прекрасныя комнаты и *sabnet de toilette* съ ванной, душамн и огромнымъ трехстворчатымъ зеркаломъ, въ которомъ оглядывать себя можно было со всѣхъ сторонъ.

Меблировка вся вообще была „царская“, но больше всего поражала Клобукову кровать—огромное сооруженіе съ рѣзными палисавдровыми ко-

лонвами, съ атласными покрывалами и кружевными занавѣсками.

Прислуживала Варварѣ Степановнѣ горвичная, „въ тысячу разъ“ болѣе изящная, чѣмъ „ломака Оберемченко“,—первая Мертвоводская львица, а безчисленныя и тонкія блюда къ обѣду подаваль пышный лакей, въ чулкахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Получила это мѣсто Варвара Степановна слѣдующимъ образомъ.

Графъ де-Севъ-Блэвъ, богатый и дѣятельный заводчикъ, имѣвшій крупныя пай и въ нѣкоторыхъ русскихъ предпріятіяхъ, ѣздилъ въ Россію по нѣскольку разъ въ годъ. Жена же его, тучвая, рыхлая женщива, въ молодости славившаяся буйными кутежами, оставалась обыкновенно дома—въ Парижѣ, или въ провинціи, въ замкѣ,—и предавалась тамъ востойчивымъ упражненіямъ въ благочестіи, вязанію фуфаекъ для бѣдныхъ, и лѣченію своей особы отъ болѣзней, которыхъ не имѣла. Но однажды случилось такъ, что ей вздумалось осмотрѣть свои россійскія владѣнія, и она двинулась въ путь.

Поѣхала ова, разумѣется, не одна, а въ сопровожденіи цѣлаго штата прислуги: были тутъ и горвичныя, и лакеи, и кучера, и секретарь по благочестивымъ дѣламъ, были двѣ *dames de compagnie* и шведка-массажистка, *m-lle Норцелиусъ*.

Графиня прожила въ Екатеринославской губернии недѣли двѣ, въ Херсонской съ мѣсяць, побывала въ Петербургѣ, заглянула въ Москву и, восхищенная и очарованная всѣмъ, что видѣла, и въ особенности нашимъ вародомъ,—ils sont si soumis, les russes,—стала собираться домой.

И тутъ вдругъ массажистка m-lle Норцелиусъ объявила, что назадъ во Францію она не ѣдетъ: она познакомилась въ Мертноводскѣ съ однимъ своимъ соотечественникомъ, владѣльцемъ рыбной лавки, и выходитъ за него замужъ.

Графини ахнула. Неприличнымъ поступкомъ шведки она разстроена и огорчена была до того, что въ теченіе цѣлой недѣли не связала ни одной благотворительной фуфайки.. Кое какъ, однако же, она успокоилась, и тогда началось разыскиваніе новой массажистки. Выборъ палъ на Варвару Степанову.

Клобукова графинѣ понравилась и сразу, и сильно. Она, во-первыхъ, тоже была „soumise“, а во-вторыхъ, отлично дѣлала свое дѣло. По крайней мѣрѣ, такъ находила графиня. Она утверждала, что никогда и никто не массируетъ ее такъ хорошо, какъ эта petite russe. И когда пришло время отъѣзда во Францію — она разставаться съ Варварой Степановиной не захотѣла ни за что и, устроивъ ей жалованье, увезла ее къ себѣ, въ замокъ

Варвара Степановна занята была ровню одинъ

часъ нѣ сутки, отъ девяти до десяти утра, когда массирунала. Все остальное время отдавалось въ ея распоряженіе, а какъ имъ распорядиться—она не знала.

Изъ дому она принесла нѣсколько номеровъ журнала „Ночь“ да томъ сочиненій Воллярлярскаго и, хоть вообще охотницей до чтенія была небольшой, читала теперь долгими часами. Но несъ день чтеніе заполнить не могло—да и книжки скоро были прочитаны—и Клобукона скучала.

Она подолгу бродила нѣ паркѣ, огромномъ и удивительно красивомъ, уходила на прогулки въ сосѣднія деревни, цѣлые часы употребляла на кормленіе лебедей на пруду и кроликовъ въ сараяхъ,—и все время не переставала скучать...

По французски она понимала съ грѣхомъ пополамъ—языку этому она училась въ шестиклассной прогимназій, гдѣ благополучно и закончилось все ея образованіе,—а гонорила на немъ совсѣмъ плохо. Все же, при надобности, она могла бы какъ-нибудь столкнуться и развлечься бесѣдой, но графиня взяла съ нея торжественное обѣщаніе ни съ кѣмъ изъ служащихъ нѣ замкѣ нѣ разговоры не вступать.

— M-elle Норцеліусъ разговаривала со всѣми,—жаловалась графиня,—она была социалистка. И я очень счастлива, что она, наконецъ, ушла... Вы, я надѣюсь, не социалистка?

Клобукова успокоивала графиню. Отецъ ея, говорила она, былъ отставной штабсъ-капитанъ и тюремный смотритель, братъ служилъ въ полици, вся семья у нихъ вполне благонадежная, и сама она придерживается взглядовъ очень умѣренныхъ.

— Je vous en félicite, — отвѣчала графиня.

И добавляла при этомъ, что въ ноябрѣ придутъ ея внуки съ двумя гувервантками, — тогда Клобуковой будетъ съ кѣмъ разговаривать: завтракать и обѣдать онѣ будутъ вмѣстѣ съ нею.

Въ ожиданіи этихъ гувервантокъ Варвара Степановна за столъ садилась одна.. и тоскливо ей отъ этого и отъ постояннаго молчанія было нестерпимо. Не шли въ горло ни *suprême de volaille à l'Elysée*, ни душистыя и товкия вина, и такъ сладко мечталось о капустѣ и сушеной таравкѣ..

У себя дома, въ Мертвоводскѣ, Варвара Степановна умѣла очень хорошо заполнить день и не скучала.

Она ходила на массажную практику, занималась по хозяйству, штопала, вышивала гладью и въ крестъ, вязала кружева, ковры и другія ненужныя вещи; лѣтомъ каждый вечеръ отправлялась на бульваръ, и тамъ за ней ухаживали офицеры и почтовые чивовники; зимой ходила на катокъ, на вечеринки къ знакомымъ, танцевала на клубныхъ балахъ... Она никогда не покидала родного города, не пробовала разлучаться со своимъ. Те-

перь одиночество она чувствовала особенно сильно и томилась и грустила безъ конца.

Чужія фвізіономіи, не похожія на лица русскихъ людей, быстрая носовая рѣчь, въ которой такъ трудно было уловить смыслъ, веселая красота пейзажа, странность крестьянскихъ костюмовъ — все это стѣсняло Клобукову, смущало и временами залило.

— Чортъ ихъ разбереть, зачѣмъ имъ деревянные башмаки?—сердито восклицала она.

И день ото дня она становилась мрачвѣе и угрюмѣе. Она даже похудѣла и поблѣднѣла, и уже случилось ей нѣсколько разъ всплакнуть.

— Дура,—съ досадою останавливала она себя,— въ двадцать два года я реву, какъ гимназетка...

Но и сильныя выраженія не помогали: слезы лились и лились, когда часу въ десятомъ вечера, полная тоскв и унынія, она взманивалась на свою огромную палисандровую кровать...

И съ горечью и злобой думала она о томъ, какъ скверно устроена жизнь. Изъ-за нѣсколькихъ сотъ франковъ надо бросить родную страну, всѣхъ близкихъ и дорогихъ людей, надо разстаться со всѣми своими привычками и обычаями и уѣхать. Богъ знаетъ куда, Богъ знаетъ къ кому, надо продать себя...

Сонъ долго не приходилъ къ Клобуковой... И когда, наконецъ, она засыпала, ей снился Мертво-

водскъ, — загаженный навозомъ базаръ, солдатъ на каланчѣ, прогуливающіяся по бульвару свиньи, пьяненькій дьячокъ Лаврентій, коричневья, какъ дубъ твердыя, ноги судомойки Горпыны, и много другихъ милыхъ сердцу фигуръ, картинъ и предметовъ...

Если же Россіи и русскаго Варвара Степановна во снѣ не видала, то она вставала утромъ еще болѣе печальной, еще болѣе сумрачной, чѣмъ была наканунѣ...

Все, что ова видѣла вокругъ себя, было красивѣе, изящнѣе, варяднѣе, богаче, веселѣе, чѣмъ въ Россіи, и все, однако же, вызывало въ ней одно только глухое раздраженіе, скуку и тоску...

— Приѣдутъ гувернантки, легче будетъ, веселѣе, — пробовала она утѣшать себя. Но она очень хорошо понимала, что гувернантки ей не помогутъ, и что чѣмъ дальше, тѣмъ тоска будетъ острѣе и невыносимѣе...

Каждый день она писала длиннѣйшія письма, — и даже людямъ не очень близкимъ, — и напередъ высчитывала и отмѣчала въ книжкѣ, когда получитъ отвѣтъ...

„Бросить бы все, убѣжать!“ — мелькало иногда у ней.

Но тутъ сейчасъ выступали соображенія о семейной стѣсненности, о томъ, что съ поступленіемъ брата Васи въ университетъ стѣсненность эта еще

усилится, о томъ, что домишко ихъ, заложенный и переваложенный и въ обществѣ взаимнаго кредита, и у частныхъ лицъ, скоро пойдетъ съ молотка...

И собирая всё свои силы и все свое мужество, Варвара Степановна отгоняла прочь чарующую мысль о бѣгствѣ и съ все возрастающей тоской въ душѣ продолжала нести свой крестъ...

II.

Какъ-то разъ, послѣ завтрака, прогуливалась она на лугу, вдоль берега узкой рѣчущки. Только что прошелъ дождь, и косматые обрывки тучъ, черно-синіе и нѣжно-серебристые, безпрестанно мѣняя и цвѣтъ, и очертанія, быстро неслись по небу. Солнце то пряталось, то являлось вновь, и свѣтовые эффекты были сильны и рѣзки. Вотъ горятъ въ яркомъ блескѣ стоящіе по берегу рѣчки тополи, и сосновый лѣсъ за ними затягивается хмурой глухой тѣнью; а черезъ мгновение горячимъ свѣтомъ обдаётъ уже этотъ лѣсъ, а тополи дѣлаются сумрачными и темными, почти совершенно черными...

Свѣтлыхъ и радостныхъ тоновъ пейзажа Варвара Степановна какъ-то не замѣчала совсѣмъ, и тоскующей душѣ ея понятенъ былъ одинъ только сумракъ холодныхъ тѣней...

— Господи, какъ тяжело,—со вѣдохомъ прогонорила она,—ссылка... хуже всякой ссылки...

— Comment? — неожиданно отозвался кто-то изъ-за высокихъ кустовъ ежевики, обрамлявшихъ рѣчку.

Варвара Степановна подняла голову.

Вѣтхонькій старичокъ въ коричневыхъ плисоновыхъ шароварахъ и въ синей блузѣ сидѣлъ на берегу и удилъ. Слобукова что-то неопредѣленно промышчала и хотѣла пройти дальше, но старикъ привѣтливо снялъ шляпу и заговорилъ.

— Здравствуйте, mademoiselle!.. Прогуливаетесь?.. Что-жь, погода сегодня не слишкомъ дурна, погулять приятно... Не хотите ли вотъ поудить? Подсаживайтесь, mademoiselle, къ старичку..

Онъ говоритъ быстро и по старчески шамкая, и Варвара Степановна не сразу улавливала смыслъ его словъ.

— Подсаживайтесь, mademoiselle!

Старикъ ладонью разгладилъ подлѣ себя траву.

— Кабы это былъ Никанорычъ!.. — подумала Варвара Степановна.

И не усаживаясь, и не уходя, она со странно-непріязненнымъ чувствомъ глядѣла на чуждое, бритое, какъ у актеровъ, лицо старика.

— А я вамъ сейчасъ удочку налажу,—несело продолжалъ старикъ, — оно довольно занято...

Вѣдь вамъ, я такъ полагаю, порядкомъ таки скучно у насъ?..

— Вуй,—съ печальной улыбкой отвѣтила Варвара Степановна.

— Еще бы! Чужан сторона...

Старикъ бросилъ быстрый взглядъ на воду и потомъ опять подвѣлъ глаза къ Клобуковой.

— Я, видите лв, считаю такъ: страна у насъ не плохая, но только... кому ова чужая, тому здѣсь должво быть скучно.

Варвара Степановна стояла молча, в выраженіе грусти на ея лицѣ обозначилось еще сильнѣе.

— Да. Я вотъ восемьдесятъ третій годъ на свѣтѣ живу, а дальше чѣмъ за пятьдесятъ километровъ отъ своей деревни никогда не уѣзжалъ... До города, до Шомона, шесть километровъ, да и то я больше десяти разъ въ немъ не бывалъ... Право. Дома лучше...

Старикъ пожевалъ губами в замолчалъ. Варвара Степановна все не отходила отъ него...

— А скажите, mademoiselle, въ вашу страну какъ ѣхать? Черезъ Испанію?

Варвара Степановна объясвила, какъ ѣдутъ въ Россію.

— Ахъ, вотъ какъ! Ну, а я думалъ черезъ Испанію... Что жъ, Австрія тоже ничего... Хорошее мѣсто. Что вотъ не хорошо—это чужбинва.. У меня сынъ Эрвествъ на чужбинѣ былъ, — въ плѣву, у

пруссаковъ. И что же вы думаете? Хочетъ онъ виноградной водки въ кофе, и нельзя пруссаку сказать „виноградная водка“,—не пойметъ. У него для этого совсѣмъ другое слово... И рыба, напримеръ, у него уже тоже не рыба, а иначе. Все иначе..

Горестная усмѣшка искривила губы Варвары Степановны. Отъ участливыхъ, ласковыхъ словъ старика ей и пріятно было, и больно..

— Mademoiselle,—началь опять старикъ,—а съ землякамъ вашими въ городъ вы еще не познакомились?

Варвара Степановна насторожилась.

— Comment?

— Вашихъ, говорю, земляковъ, въ Шомонѣ, не видали еще?

„Да что такое онъ говорить?—съ тревогой подумала Клобукона.—Развѣ въ Шомонѣ есть русскіе?“

— Эге, да ны видно не знаете? — протянулъ старикъ. — Какъ же это намъ не сказали? Вотъ народъ!.. Не знаютъ, что челонѣку нужно... Какъ же, въ Шомонѣ живутъ наши земляки, русскіе..

— Pas possible!—искрикнула Варвара Степановна.—Да вы увѣрены въ этомъ?

Старикъ сдѣлалъ обиженное лицо и пожалъ плечами.

— Parbleu!.. Я въ воскресенье былъ нѣ ихъ лавкѣ, внукамъ шляпы покупалъ.. Вы поѣзжайте

къ нимъ... На площадь префектуры пройдетъ, а тамъ налѣво улица Сади-Карно. Вы по ней подымитесь, домовъ пятнадцать минете, тутъ сейчасъ же протявъ лицѣя шляпный магазинъ...

Варвара Степановна въ большомъ волненіи смотрѣла на старика.

„Русскіе... въ Шомонѣ... Ахъ, Боже мой!.. Но вѣдь это невѣроятно. Откуда они возьмутся въ Шомонѣ, въ небольшомъ городишкѣ, въ центральной Франціи?.. Нѣтъ, это вздоръ... Старикъ путаетъ...“

— Да... И чудесныя я шляпы купилъ. Дорого, но за то хорошія, настоящей фетръ... Этихъ земляковъ вашихъ изъ Россіи изгнали, — продолжалъ старикъ, кряхтя и протягивая впередъ замлѣвшія ноги, — вотъ они сюда и пріѣхали. Изъ вашей страны израелитовъ гонять, не хотятъ ихъ, ну, а мы ничего... У насъ они живутъ...

— Ахъ, такъ это жида! — мысленно протянула Варвара Степановна. — Жидова...

И, охваченная внезапно нахлынувшимъ чувствомъ негодованія, она быстро отошла отъ старика.

— У насъ они живутъ, — повторилъ тотъ, внимательно поглядывая на воду. — Ничего, шляпами торгуютъ... Зачѣмъ мы станемъ ихъ выгонять?... Фетръ настоящей... Содрали они съ меня здорово, но фетръ даля настоящей... съ лоскомъ... Я имъ рыбу буду продавать — тоже сдѣру...

Только сдѣлавъ шаговъ пять, Варвара Степановна опомнилась и сообразила, что поступила невѣжливо; она повернулась лицомъ къ рыболову и, стараясь улыбаться и придать своему голосу оттѣнокъ ласковости, крикнула „au revoir!“

Варвара Степановна ве то чтобы вевавидѣла евреевъ. Никакихъ сколько-вибудь значительныхъ столкновеій съ ними у нея не бывало, виногда близко къ нимъ она не прнсматривалась, опредѣлевныхъ злыхъ дѣлъ за ними не звала, в ясно сознанной вражды питать къ нимъ не могла. Но она относилась къ нимъ съ превебрежительной насмѣшливостью, почти съ гадливостью...

Она считала ихъ существами противными, недоѣдливыми, и вмѣстѣ со своимъ папой,—а, пожалуй, и вмѣстѣ со всѣмъ Мертвоводскомъ — знала и при случаѣ умѣла объясвтъ, что евреи всѣ только торгуютъ и завимаются ростовщицествомъ, что онв ѣдятъ чеснокъ и какіе-то кугели, что они издаютъ злововіе и имѣютъ горбатые носы, и что, наковецъ, русскому человѣку отъ нихъ нѣтъ житья.

При видѣ еврея-оборвавца она зажимала носъ в думала „пархатый“, а когда на бульварѣ или въ клубъ встрѣчала евреевъ расфравчевныхъ, ова смѣялась вадъ ихъ безвкусицей и говорила, что эти шелка и бархаты куплены ва воровскія девьги...

И оттого, когда подъ этикетомъ „земляковъ“ ей преподнесли теперь нменво этихъ „пархатыхъ“,

она почувствовала глубокое, досадное, почти оскорбительное разочарованіе.

Сладкая надежда,—надежда увидѣть русскаго человѣка,—не успѣла еще блеснуть, какъ уже и погасла...

И въ теченіе всего этого дня Клобукову давило смѣшанное чувство унынія, горечи и разѣдающей грусти. Точно она увидѣла въ газетахъ, что на ея номеръ палъ нѣ лотереѣ выигрышь, а потомъ оказалось, что это опечатка, и выигрыша никакого не бывало...

— Нѣтъ, нѣ Шомонѣ русскіхъ нѣтъ... А между тѣмъ, вѣдь могло же случиться, чтобы они тамъ были... Даль, глушь, провинція,—это, положимъ, такъ, но вѣдь вотъ, занесло же ее, Клобукову, сюда; могло бы занести и другихъ... И какъ бы это было хорошо, какая бы это была удача!.. Было бы, съ кѣмъ встрѣчаться, съ кѣмъ отводить душу. Можно было бы ѣздить къ этимъ русскимъ въ городъ, и они пріѣзжали бы въ замокъ. Совсѣмъ иначе пошла бы тогда жизнь! Тогда у графини можно было бы оставаться долго, хоть годъ, хоть два... Какъ ни какъ, а жизнь въ замкѣ отличная. Можно тутъ и здоровьемъ поправиться, и заработать хорошо... Пожалуй, графиня жалованье бы увеличила. Она щедрал. Она вотъ даже m-elle Норцеліусъ свадебный подарокъ послала... Можно бы выписать матеріалы для рукодѣлія, заняться фрай-

цузскимъ языкомъ, русскій журналецъ какой-нибудь выпсать тоже...

— Да ужъ, конечно, можно было бы устроиться,— заключала свои соображенія Клобукова,—необходимо только людей, русскіе люди, хоть одна семья... А иначе тутъ прямо пропадешь съ тоски...

До сихъ поръ ей и въ голову не приходило, что въ Шомонѣ могутъ быть русскіе; теперь отсутствіе русскихъ казалось ей чѣмъ-то страннымъ, почти несправедливымъ, и она готова была на это сердиться. Евреи, хоть гдѣ повсюду имѣются, ихъ вездѣ найдешь. А русскіе—неподвижны какіе-то, боятся съ мѣста сдвинуться, сидятъ у себя за печкой, и ни на шагъ...

Ночью, передъ тѣмъ какъ заснуть Варвара Степановна долго сидѣла на кровати и плакала.

Она думала о томъ, что родные поступили нехорошо, отпустивъ ее на чужбину. Надо было биться, мучиться, дѣлать займы, „все что угодно“, но ни за что не слѣдовало ее посылать въ такую даль, въ этотъ ненавистный замокъ. Сжадничали родные, поступили, какъ эгоисты... Шестъ дней письмо въ Россію идетъ, три границы переходить... Всю Швейцарію, всю Австрію... Ну, а вдругъ померешь здѣсь! Никто вѣдь не застрахованъ, умереть каждый день можно, каждый часъ... И похо-

ронить некому будетъ... „Имъ“ хорошо, онн себѣ тамъ нсѣ нмѣстѣ, а тутъ сиди одна.. одна.. и ни одного близкаго человѣка нѣтъ..

— Пойду я въ городъ къ этнмъ жндамъ,— рѣшила вдругъ Клобукова.

И чувство при этомъ было у нея такое, какъ будто она это дѣлала кому-то на зло или собира-лась мстить.

— Что-жъ такое! И пойду... Ей Богу, пойду..

Окна ея спальни выходили въ паркъ и были открыты. Луна свѣтила ярко, и по кривымъ аллеямъ и по газонамъ протягивались неподвижныя, нѣмыя тѣни. Прудъ спалъ, спали деревья и птицы, и повсюду царилла глубокая, невозмутимая тишина...— „Какъ на кладбищѣ“, подумала Клобукова, „а я одна... одна“..

Она слѣзла съ постели, погасила свѣчу и под-сѣла къ окошку...

— Городъ тамъ, за лѣсомъ... Пѣшкомъ, и то въ полтора часа туда доберешься.

Варвара Степановна сидѣла неподвижно, нысоко поднявъ брови, и глядѣла на лѣсъ.

Бѣло-зеленое шоссе, бѣжавшее къ городу, тянулось у опушки и отъ сосѣдства съ ея темной стѣной и темнымъ же лугомъ казалось какой-то волшебной, свѣтящейся полосой. Варвара Степа-новна не сводила съ этой полосы глазъ...

— Здравствуйте, — тихонько нымолвила она

вдругъ, слабо улыбаясь. И, перемѣнивъ интонацію, сама же отвѣтила себѣ: здравствуйте...

Завтра она можетъ услышать, какъ скажутъ ей это слово другіе... И „какими судьбами“ скажутъ, и еще многое другое скажутъ... И она тоже будетъ говорить, много и долго, будетъ говорить по-русски!

— Отчего же мнѣ къ нимъ не пойти?—спрашивала она себя.—Отчего?.. Конечно, пойду...

И на утро, какъ только она проснулась, первой ея мыслью было, что сегодня она ѣдетъ въ городъ, къ евреямъ.

„Ну, и жида, ну, такъ что-жъ! Все же они какъ будто свои... А вдругъ они порядочные людв. Попадаются порядочные люди и между евреями. Вотъ докторъ Моргулисъ: его въ Мертвоводскѣ принимаютъ въ лучшихъ домахъ, овъ у генерала Скрипицына на елкѣ бываетъ... Очень порядочный человекъ, не хуже иного русскаго...“

Отъ девяти до десяти часовъ былъ сеансъ массажа. И сейчасъ же послѣ него Варвара Степановна стала собираться въ городъ. Но такъ какъ почталіонъ второй обходъ свой дѣлалъ въ два часа, а въ книжкѣ у Клобуковой было отмѣчено, что сегодня, восемнадцатаго октября, должны получиться два письма—отъ Семева Иваныча и отъ тетки Анфисы,—то она рѣшила подождать.

Завтракала она съ аппетитомъ, и лицо у нея

было значительно менѣе пасмурное, чѣмъ въ предыдущіе дни. Она не переставала думать о Шомонскихъ еврейхъ и представляла ихъ себѣ именно такими, какимъ былъ Мертвоводскій докторъ Моргулисъ—опратно одѣтыми, не очень картавящими, и совсѣмъ не горбоносими...

Почталіонъ пришелъ въ свой обычный часъ, но писемъ Варварѣ Степановнѣ не было.

Эта маленькая, почти ежедневно повторявшаяся неудача всегда ввергала ее въ особенно грустное настроеніе... На этотъ разъ Клобукова перенесла ее довольно спокойно.

— Ничего, завтра будутъ три письма,—и отъ Васи тоже.

Она торопливо надѣла шляпу и мантильку и отправилась въ городъ.

III.

Дорога пересѣкала цѣлый рядъ деревушекъ. Въ нихъ шла молотба, и гулкій свистъ молотилокъ слышался безпрестанно. То и дѣло проѣзжали огромные нозы съ соломой или съ мѣшками зерна, и толстые, сильные кони, запряженные цугомъ по четыре, а то и по шести, выступали медленію, спокойно, безъ усилій.

Крестьяне раскланивались съ Варварой Степановной и вступали съ ней въ разговоръ. Она объяснялась весело, смѣло, хотя путалась и сбивалась

на каждой фразѣ, и громко смѣялась, когда, не понявъ собесѣдника, отвѣчала не ниопадѣ.

Она была въ странномъ настроеніи. Ей было хорошо и пріятно, и она знала, что самое пріятное и интересное еще только впереди... Но въ то же время она испытывала смутное и тупое чувство обиды отъ мысли, что вотъ она идетъ къ евреямъ...

Этотъ поступокъ казался ей дикимъ, нелѣпнымъ и какъ бы увижалъ ее въ ея собственныхъ глазахъ...

— Ужъ если съ жидами знаться, то хоть бы онѣ пришли первые. А то они свдять себѣ дома, а я за нимъ бѣгаю...

Варвару Степановну мысли эти коробили и смущали, но она отгоняла ихъ прочь и всѣми силами старалась не поддаваться испыхивавшему въ ней чувству гнѣва.

— Что будешь дѣлать, — успокоивала она себя, — недаромъ хохлы говорятъ: „въ чужомъ городѣ собаку увидишь, неваче ріднаго батька“... Да и не могутъ же эти евреи придти ко мнѣ. Откуда имъ знать, что я здѣсь?.. И кромѣ того, они и не посмѣли бы... Что за фамиллярности! Вѣдь это только я такая мямля и такъ скучаю и нуждаюсь въ землякахъ. Другая на моемъ мѣстѣ ихъ и видѣть не захотѣла бы...

По мѣрѣ приближенія къ городу, чувство обиды

у Варвары Степановны все больше и больше ослабвало, уступая мѣсто пріятному полневію.

— Вотъ потѣха!—думала она. И безотчетвая улыбка появлялась у ней на лицѣ.—Вотъ странно!.. Ужасно странно!..

И когда она входила уже въ городъ и пересѣкала желѣзнодорожный мостъ, новая непріятная мысль внезапно сверкнула у нея въ голодѣ.

— А что, если эти евреи не захотятъ ее звать? Что если они холодно или даже грубо обойдутся съ ней? Вѣдь они изъ Россіи эмигрировали оттого, что имъ тамъ было плохо, оттого, что тамъ ихъ притѣсняють. Они, значитъ, Россіи и русскихъ не любятъ. Они, пожалуй, могутъ еще обидѣть ее, оскорбить...

— Не посмѣютъ!—вспыхнула Варвара Степановна.

Но тотчасъ же она сообразила, что вспышка эта веумѣстна.

— Отчего же имъ не посмѣть? Чего имъ стѣсняться? Имъ тутъ бояться нечего.

И что-то вродѣ испуга охватило вдругъ Варвару Степановну... Опять, и сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, она почувствовала себя одинокой, заброшенной, забытой, несчастной...

— И тетка Анфиса не придетъ, и Вася не придетъ.

Она остановилась. И въ глазахъ ея, устремлен-

ныхъ на высокое зданіе префектуры, откуда должна начаться улица Сади-Карно, появилось выраженіе печальное и жалобное... Минуты двѣ она стояла, не двигаясь.

— Нѣтъ, ничего! Пойду!—встряхнулась она.— Пойду! Будь, что будеть!..

Торопливой походкой перерѣзала она переулокъ, потомъ площадь префектуры. И когда на желтоватой стѣнѣ высокаго углового дома показалась синяя табличка съ надписью: „rue Sadi Carnot“, сердце у Варвары Степановны дрогнуло.

— Значить, это правда! Значить, такая улица существуетъ!

И она съ особенно пріятнымъ чувствомъ смотрѣла на продолговатую синюю табличку, и эти бѣлыя буквы точно улыбались ей и кланялись.

— Странно всетаки, — думала она, подымаясь вверхъ по улицѣ, — удивительно странно...

Сдѣлавъ шаговъ сто, Варвара Степановна поравнялась съ лицеемъ.

Самое зданіе стояло во дворѣ, позади большого сада; съ улицы же видны были только тяжелыя ворота да узорчатая длинная рѣшетка. Клобукова быстро шла вдоль нея, и тѣни отъ чугунныхъ орнаментовъ беззвучно плыли по ея лицу и по груди.

Вотъ рѣшетка окончилась. Вотъ большой, сѣрый, съ балконами, домъ. За нимъ другой, бѣлый, и черезъ дорогу, нѣ невысокомъ кирпичномъ зда-

ни, между мебельной лавкой и складомъ велосипедовъ — узкая стеклянная дверь, а надъ дверью выи́ска „Chapellerie moderne“.

— Конечно, здѣсь, — вслухъ сказала Варвара Степановна. — Здѣсь!..

Она перебѣжала улицу и, поднявшись на ступеньки, стала заглядывать внутрь магазина.

Небольшого роста, сутуловатый, тщедушный, совершенно сѣдой человѣкъ стоялъ за прилавкомъ и уныло смотрѣлъ черезъ окно на улицу. У него былъ только одинъ глазъ, и чизьянъ этотъ не вполне маскировали большія круглыя очки, косо стоявшія на короткомъ, мясистомъ носу. Лѣвой рукой челонѣкъ этотъ держался за полку, всю уставленную шляпными коробками, а правой лѣнливо барабанилъ по прилавку.

— Ну, развѣ не странно?—думала Варвара Степановна. — Точно это дядя Афанасій Петровичъ, а я ему своимъ появленіемъ собираюсь сдѣлать сюрпризъ.

Она толкнула дверь и, едва переступивъ черезъ порогъ, звучнымъ голосомъ не сказала, а вскрикнула:

— Здравствуйте! Ну, здравствуйте!..

Сѣдой человѣкъ за прилавкомъ какъ-то странно рванулся. Очки подпрыгнули у него на носу, и большія круглыя стекла ихъ такъ и засверкали.

— Ой.. что это?—испуганно воскликнулъ онъ.

И на мгновение онъ оцѣпенѣлъ.

Потомъ онъ быстро повернулся лицомъ къ темнокрасной портьерѣ за прилавкомъ и во весь голосъ заоралъ:

— Двойра! Двойра! Иди сюда скорѣе, Двойра!.. Ой, посмотри, что тутъ дѣлается!

Обращеніе къ Двойрѣ было сдѣлано по-еврейски. И сердце Варвары Степановны улыбнулось отъ этихъ непопятныхъ ей, но хорошо знакомыхъ гортанныхъ звуковъ.

— Вы русская?.. Вы изъ Россіи?.. Вы давно изъ Россіи?..—бросился старикъ къ Клобуконой.—Ахъ, замѣчательно! Такъ вы изъ Россіи!.. Съ откудова же?.. Изъ какой губерніи?.. Изъ Таврической? нѣтъ?.. Изъ Херсонской?.. Ахъ, Боже мой!.. Вотъ необыкновенность! Вотъ рѣдкость!..

Онъ обѣими руками потрясалъ маленькую ручку Варвары Степановны и въ сильномъ волненіи продолжалъ выкрикивать:

— Знаете, мы тутъ живемъ уже одиннадцать лѣтъ, и я только въ третій разъ вижу русскаго человѣка. Только въ третій разъ. За одиннадцать лѣтъ!.. Га?.. Что вы на это скажете?.. Двойра! Иди же скорѣе! Ты посмотри, ты только посмотри, кто у насъ!

„Ну нѣтъ, здѣсь меня не обидятъ“, думала Варвара Степановна, съ тихой улыбкой глядя на волновавшагося еврея. „Вотъ какъ онъ мнѣ обрадовался... Чудакъ какой!..“

Красная портьера заколыхалась, и въ лавку вошла Двойра — коротенькая полная женщина, одѣтая въ темно-коричневое платье. Лицо у нея было типичное, еврейское, — съ крупнымъ выгнутымъ носомъ и съ глазами на выкатъ. Она спокойно, съ холодной важностью, поклонилась Клобуковой и остановилась у прилавка.

— Русская же! Русская!..—въ носхищеніи указывалъ старикъ на Варвару Степановну.

Двойра насупилась.

— Чему ты такъ радуешься?—вполголоса сказала она по-еврейски. — Наслѣдство получилъ, что-ли?

Старикъ уставился на жену съ недоумѣніемъ. И черезъ секунду онъ снова обернулся къ Варварѣ Степановнѣ и затараторилъ:

— Моя фамилія Шапиро. Мы изъ Россіи... Какъ же, мы изъ Кривой-Балки. Ну да! Мы жили въ Кривой-Балкѣ... А вы, позвольте спросить, какъ? Времешно здѣсь? Проѣдомъ? И долго еще пробудете? Ахъ! Вотъ замѣчательный случай... Просто необыкновенность!.. Но пожалуйте же въ комнату! Чего мы тутъ стоимъ? Пожалуйте, прошу васъ!

— И тутъ ей тоже не плохо, — сердито поджимая губы, проворчала по-еврейски Двойра. — Можеть себѣ идти, откуда пришла.

Шапиро съ растеряннымъ видомъ взглянулъ на жену.

— А, да молчи ты!—пробормоталъ онъ тихонько, но очень выразительно. — Что это ты, Господь съ тобой?..

— Пожалуйте же, пожалуйста въ столовую! — громко звалъ онъ Варвару Степановну, бросаясь къ портьерѣ и размахисто отводя ее въ сторону.— Ахъ, какъ же это такъ случилось, что вы такъ далеко заѣхали?.. Вотъ сюда пожалуйста, вотъ здѣсь садитесь... въ кресло, къ свѣту, къ окошку, прошу васъ!.. Двойра, проси же, ну!..

— Ну, садитесь, — угрюмо и какъ бы черезъ силу процѣдила Двойра.—Можно и посидѣть...

Всѣ трое, войдя въ столовую, усѣлись.

Варвара Степановна начала рассказывать, откуда она и какимъ образомъ очутилась во Франціи.

— Ахъ, извините, пожалуйста!—вскочилъ вдругъ Шапиро.—Извините, что я васъ перебиваю... Я на одну минуточку... Надо приказать поставить самоваръ.

— Зачѣмъ самоваръ?—низкимъ басомъ осадила мужа Двойра. — Не надо... на газѣ закипаетъ скорѣе...

— Э, нѣтъ же, Двойрочка! „На газѣ“! Развѣ ты не понимаешь? Русскій же человѣкъ! Надо ему чай изъ самовара!

— У насъ нѣтъ угля,—буркнула Двойра.

— Угля нѣтъ?—Шапиро ухватился обѣими руками за голову и скорчилъ комически жалобную

гримасу.—У-ва, какое несчастье!.. Развѣ можно въ городѣ вайти уголь? Развѣ это возможно? Уже въ городѣ сожгли весь уголь. Весь, до послѣдвяго кусочка... Жоржета! Жоржета!—онъ бросился къ двери: — Жоржета, побѣжите скорѣй въ лавочку къ мосье Петижавъ и принесите скорѣй угля... И скорѣе ставьте самоваръ!.. И чтобы все въ одну минуту было сдѣлаво, въ одннѣ моментъ...

Приказаніе Жоржетѣ Шапиро отдавалъ на какомъ-то необычайномъ, собственнаго издѣлія, франко-руско-еврейскомъ нарѣчїи. И, слушая старика, Варвара Степановна ве могла удержаться отъ улыбки.

— А вѣдь вичего себѣ этотъ еврейчикъ,—проносилось въ ея головѣ,—гостепріимный, добрый, должно быть...

Чувство у Клобуковой, однако-же, опережало умъ, и оно н знать не хотѣло этого снисходительнаго това. Всю ее такъ и тянуло къ шумно-суетившемуся еврею н даже къ его хмурой н надутой половинѣ...

И, довольная, возбужденная, она продолжала свой разсказъ о житьѣ въ замкѣ. Она говорила съ полвой откровенностью, ничего ве утаивая, и чувствовала себя при этомъ такъ, какъ если бы обращалась къ роднымъ, или къ давво и хорошо знакомымъ людямъ.

Двойра слушала гостью какъ бы нехотя и все

съ тѣмъ же неласковымъ и сумрачнымъ видомъ, а Шапиро не сводилъ съ Варвары Степановны глазъ и, какъ сама она, почти не переставалъ улыбаться...

По временамъ онъ терялъ самообладаніе и у него вырывались возгласы вродѣ: „Ахъ Боже мой“!.. „Ну, ну“!.. „Вотъ замѣчательно“!.. И эти возгласы относились не столько къ рассказамъ Варвары Степановны, сколько къ тому удивительно пріятному и радостному настроенію, которое такъ неожиданно вошло къ нему въ душу.

Когда Клобукова заговорила о своемъ одиночествѣ и тоскѣ, она старалась придать своимъ жалобамъ юмористическій оттѣнокъ. Но Шапиро, повидимому, хорошо понималъ, какая горечь и боль скрывается за этимъ юморомъ. Онъ съ грустнымъ лицомъ смотрѣлъ на рассказчицу, участливо вздыхалъ и покачивалъ головой.

— Ну да, ну да,—бормоталъ онъ,—что-жъ, такая даль... И непривычныя же вы... И вы же дитѣ... Совсѣмъ дитѣ... Когда человѣка вотъ такъ вотъ забросить въ чужое мѣсто, такъ онъ самый несчастный на свѣтѣ...

IV.

Потомъ Шапиро сталъ рассказывать о своихъ дѣлахъ, о семьѣ.

Сынъ его Соломонъ служить въ Ліонѣ на „са-

мой большой“ шляпной фабрикѣ и онъ chef d'atelier. Дочь Дунечка очень хорошо учится и можетъ быть, Богъ дастъ, сдѣлается докторомъ. Теперь Дунечка гостить у брата въ Лионѣ, а на дняхъ она пріѣдетъ—„и вы уже увидите сами, какая она у насъ красавица и образованная“...

Когда рѣчь зашла о дѣтяхъ, лицо Двойры стало менѣе хмурымъ, и она тоже вставила нѣсколько словъ. Мужа ея это подбодрило, онъ повеселѣлъ и сталъ говорить и смѣлѣе, и громче...

— Отчего-же вы покинули Россію?—спросила его Варвара Степановна.

Шапиро замялся.

— Такъ ужъ оно вышло.—И смущенная, виноватая улыбка появилась у него на лицѣ.—Я знаю отчего?. Сдуру... Задумаль... и уѣхалъ.

— Вамъ трудно жилось въ Кривой-Балкѣ?

— Трудно? — Шапиро повелъ бровями. — Не трудно... а такъ... Жилось, какъ всѣмъ живется... Только знаете... ну, какъ бы вамъ это сказать... вотъ, напримѣръ... рыба ищетъ, гдѣ глубже, а...

— Что ты тамъ сказки рассказываешь!—перебила вдругъ Двойра, шумно пододвигая стулъ и наваливаясь обоими локтями на столъ. — „Рыба ищетъ, гдѣ глубже“!.. Тебя про рыбу спрашиваютъ?.. Мы убѣжали изъ Кривой-Балки оттого, что насъ тамъ разгромили. Вотъ вамъ и отвѣтъ!

— Ну, Двойра! Оставь это!—просительно и

почти испуганно сказалъ Шапиро,—оставь! Это не къ мѣсту теперь.

— Это всегда къ мѣсту! Что такое за секреты!.. Нечего оставлять!.. Сладко очевь вамъ жилось, вы думаете? Терпѣли, мучились, страдали всю жизнь... А потомъ пришли хорошіе люди, ваши, русскіе, сдѣлали погромъ и все, что было въ домѣ, уничтожили въ одинъ момевтъ...

— Ну, уничтожили... Ну, ву... ву, такъ что?..— умоляюще проговорилъ Шапиро.—Ну, будетъ объ этомъ...

— А его самого хватили утюгомъ въ глазъ,—повысивъ голосъ, продолжала Двойра,—и вотъ овъ съ тѣхъ поръ слѣпой. Вытекъ глазъ... Чего намъ было тамъ сидѣть, скажите, пожалуйте? Чтобы еще мучили? Мало вы думаете? Я думаю, что достаточно. Мы себѣ и уѣхали... Мы пустились въ Америку, но по дорогѣ вотъ у этого моего умника сталъ болѣть уже другой глазъ,—между обоими глазами есть мостъ, и когда болитъ одивъ, то отзывается и другой,—и вотъ овъ чуть было и совсѣмъ ве ослѣпъ. Мы дальше уже ѣхать не могли, и когда добрались до Шомона, то пришлось ему лечь въ больницу. А я съ двумя дѣтьми осталась прямо ва мостовой. Прямо хотъ возьми, вытявись и умирай, или бросайся подъ поѣздъ... Ну что? Что дѣлать?.. Только я вамъ скажу, что хотъ тутъ люди, можетъ быть, и ве такіе добрые, какъ въ

Россіи... Не перебивай!..—крикнула вдругъ Двойра, бросая на мужа гнѣвный взглядъ,—не перебивай, я тебѣ говорю, молчи!.. Я, слава Богу, еще не сошла съ ума! Можно и меня тоже пустить слово сказать!..

— Тутъ люди намъ всетаки глазъ не выбивали,—продолжала она, обернувшись къ Варварѣ Степановнѣ,—и грабить насъ не грабили тоже... Насъ подобрала и дали намъ работу—kozyрьки къ шапкамъ пришивать. Мы съ Соломономъ работали таки день и ночь, сперва козырьки, потомъ околышки, и когда вотъ этотъ мой президентъ вышелъ изъ больницы, то мы не только были сыты и имѣли свою квартиру, но успѣли еще сберечь семьдесятъ франковъ... Ну?..

Двойра подбоченилась и горделиво закачала головой.

— Что? Въ Россіи мы бы тоже могли это имѣть, да? Какъ вы думаете?.. И вотъ, съ тѣхъ поръ мы и устроились, и намъ, слава Богу, хорошо...

— Э, хорошо, —вполголоса протянулъ Шапиро, печально поглядывая впередъ на развѣшанныя по стѣнѣ плюшевыя рамки съ видами Шомона.

— Да, хорошо! Чтобъ ты таки зналъ, что хорошо... Въ Россіи онъ былъ портнымъ. Мы тамъ всю жизнь не переставали голодать. А теперь, посмотрите, какая у насъ лавка. Это не шуточка!..

И никто насъ не обижаютъ и не бьютъ, никто намъ не мѣшаетъ жить, намъ не кричать „жидъ пархатый“. Мы тутъ, какъ люди, вотъ!..

Двойра выразительно развела руками и откинулась на спинку стула.

Выложивъ передъ Варварой Степановной все, что ей хотѣлось, она почувствовала себя облегченной... Угрюмая надутость съ лица ея сошла, и на немъ засвѣтилось выраженіе гордаго довольства и независимости.

Варвара Степановна глядѣла на еврейку какъ-то несмѣло, сбоку...

Въ первый разъ приходилось ей разговориться съ евреями, въ первый разъ выслушивала она ихъ внимательно и серьезно, безъ желанія передразнивать,—и горячія слова Двойры вызывали въ ней тихую печаль и какое-то неясное сознаніе упрёка самой себѣ.

— А скажите, пожалуйста,—негромкимъ голосомъ заговорилъ Шапиро,—вы, должно быть, знаете, каковъ теперече у насъ, въ Херсонской губерніи, урожай?

— Плохо, кажется. Все выжгло...

— Опять выжгло!..

Двойра пренебрежительно вздернула плечами.

— Что же это такое будетъ?—задумчиво продолжалъ старикъ,—ну, въ Кривой-Балкѣ есть кое-какая коммерція—хотя ужъ, конечно, какая те-

перь можетъ быть и коммерція!.. Но что же это будетъ въ деревняхъ?.. Въ Коренихъ, напримѣръ... въ Червонномъ... въ Старыхъ-Криницахъ...

На минуту наступило молчаніе.

— Будетъ народъ вымирать,—со вздохомъ отнѣтили себѣ Шапиро.

— У-на! — подхватила Двойра, презрительно сжавъ губы.— А намъ горе большое!.. Пусть себѣ..

Шапиро порывисто поднялъ голову.

— Двойра!—простоналъ онъ, складывая на груди ладони.—Ну къ чему это? Къ чему это, я спрашиваю?!

И, обернувшись къ Варнаръ Степановѣ, онъ сказалъ:

— Знаете,—это все одна комедія... Вотъ тутъ сидите вы, русская, такъ она хочетъ показать, что она на русскихъ сердится, и что она ихъ терпѣть не можетъ. А на самомъ дѣлѣ..

Шапиро съ грустной усмѣшкой покосился на жену.

— На самомъ дѣлѣ, она сама выдумала нашу дочку называть Дуней..

— Это ничего не значитъ,—сконфуженно сказала Двойра.

— Въ Россіи мы нашу дѣвочку называли по еврейски,—Бранка. И русскіе мальчуганы дразнили ее „болванка“, „поганка“, или другія тамъ разныя рнемы придумывали..

— Когда нужно обидѣть еврея, то русскій челонѣкъ умѣетъ находить очень хорошія рѣшмы,— встанила Двойра.

— И сколько нашу дѣвочку ни дразнили, а мы себѣ не обращали вниманія, и называли ее по нашему—Бранка. Но вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы за границей, жена и стала ее называть Дуней.. Что? Можетъ быть, это неправда?

Двойра молчала. Чуть замѣтвая печальная улыбка играла на ея полныхъ губахъ.

Варвара Степавовна смотрѣла то на Шапиро, то на его жену.. Ей хотѣлось сказать имъ что-нибудь хорошее, ласковое, теплое, но почему-то было неловко, и не сразу приходили слова..

А потомъ вкатилась въ комнату Жоржета, круглая старушка французка въ бѣломъ передникѣ и въ чепчикѣ, и поставила на столъ самонарь и стаканы.

— Nous voici à Moscou maintenant, — дружески зашамкала она.—Du thé, le samovar, une belle demoiselle... Ah, que j'aime la jeunesse!..

Двойра стала разливать чай. Она, повидимому, устала дуться, да и разоблаченія мужа сбили ее съ позиціи. Ея лицо постепенно утрачивало послѣдніе остатки угрюмости и становилось все болѣе и болѣе привѣтливымъ.

Она церемонно, жеманничая, угощала Варвару Степавовву, счастливая и гордая, что есть чѣмъ

угощала, настойчиво требовала, чтобы гостя положила въ стаканъ непременно четыре куска сахара и усердно накладывала ей на блюдечко то вишневое, то абрикосовое варенье, то какія-то коричневья, собственнаго издѣлія, медовья пирожныя.

Разговоръ дѣлался все оживленнѣй и веселѣй и безпрестанно перескакивалъ съ одного предмета на другой. И о чемъ бы ни толковали—о людяхъ-ли, о постройкахъ, о погодѣ или о фабрикаціи шляпъ,— все связывали съ Россіей и съ русскимъ...

У Двойры языкъ развязался окончательнo, и она тараторила громко и нараспѣвъ. Лицо Варвары Степановны, типичное, хорошее русское лицо, бѣлое съ румянцемъ, съ ясными синими глазами, со свѣжимъ, ласково улыбающимся ртомъ, располагало къ откровенности, и черезъ какіе-нибудь полчаса у Двойры отъ гостя уже не было никакихъ секретовъ. Она рассказала ей о всѣхъ своихъ дѣлахъ, выложила всю подноготную... А Варвара Степановна говорила тоже, говорила и смѣялась, и, прислушиваясь къ своимъ словамъ и къ своему голосу, не узнавала его и внутренно ахала и изумлялась... Какъ все это неожиданно! Какъ все это странно! И какъ давно уже не была она нѣ такой пріятной и веселой компаніи!..

Одинъ только Шаниро говорилъ теперь мало...

Раза три онъ выходилъ нѣ магазинъ, къ покупа-

телямъ. И когда оттуда возвращался, онъ тихонько усаживался на стуль и внимательно прислушивался къ стрекотанію жевщицъ... Лицо у него было задумчивое и ласково-печальное, и порою тихая, снисходительная улыбка появлялась ва его безкровныхъ губахъ...

Двойра повела Клобукову осматривать комнату Дунечки, показала карточку дочери, ея книжки и тетради, и потомъ изъ шкафовъ и сундуковъ стала вытаскивать приданое... У Дунечки было уже четыре перкны, пятая готовилась, были: цѣлыя дюжны разныхъ видовъ сорочекъ и кофточекъ, кусок шелка, атласа...

— Она говоритъ, что это ей не нужно,—объясняла Двойра,—она все объ ученіи хлопочетъ. Развѣ дитѣ понимаетъ?.. Хочетъ быть докторомъ—охъ! Съ большимъ удовольствіемъ! Но перина и доктору не мѣшаетъ.

— Будеть уже тебѣ, — останавливалъ жену Шапиро.—Спрячь тряпки, поговорите о чемъ-нибудь другомъ.

— Нѣтъ объ этомъ, объ этомъ, — шаловливо кричала Варнара Степановна, выкапывая изъ сундука новую пачку Дукечкинаго бѣлья.—Ужъ вы, пожалуйста, намъ не мѣшайте, это наше дѣло, бабье...

— Конечно!—соглашалась Двойра.—А ты себѣ сиди и слушай.

И обѣ женщины долго еще перекладывали разныя тряпки и болтали на перебой.

Варварѣ Степановнѣ Двойра нравилась все больше и больше, и она думала теперь, что новая знакомая ея очень похожа — и въѣшностью, и характеромъ — на троюродную тетку Василису Ефремовну, благочиннииху изъ Нонопокровска. И щеки такія же пухлыя и румяныя, и такъ же талія начинается подѣ лопатками, и такъ же раскатисто и добродушно она хохочеть... Смѣшная немного, но милая!..

V.

Часа полтора спустя Клобукова взялась за шляпу и заявила, что уходитъ. Но Двойра, церемонно присѣдая и гримасничая, стала отнимать у нея шляпу.

— Положимъ, — тягуче говорила она какимъ-то страннымъ, сладенькимъ фальцетомъ, — положимъ, что мы васъ не отпустимъ, и вы останетесь съ нами поужинать. Сегодня же, кстати, и пятница.

Варвару Степановну приглашеніе это и обрадовало, и смутило. У нея не было ни малѣйшаго желанія торопиться въ замокъ, но ей неловко было такъ широко пользоваться гостепримствомъ новыхъ знакомыхъ.

— Поздно будетъ возвращаться,—нерѣшительно возрадила она.

— А зачѣмъ же вамъ возвращаться поздно, когда можно возвращаться рано?—лукаво улыбаясь, спросилъ Шапиро.

Барвара Степановна поняла его по своему и смутилась еще сильнѣе.

— Ну, да,—пояснилъ старикъ:—ваша графиня встаетъ въ девять часовъ, и если вы отсюда уйдете утречкомъ рано, то какъ разъ и поспѣете...

— Охъ, отлично!—всплеснула руками Двойра.— Самое замѣчательное дѣло!.. Самое подходящее!.. Вы будете спать въ Дунечкиной комнатѣ...

Черезъ полчаса всѣ трое размѣстились за парадно, по праздничному накрытымъ столомъ. Горѣли въ новенькихъ никелевыхъ подсвѣчникахъ шесть свѣчей и передъ ними, подъ бѣлоснѣжной, накрахмаленной салфеткой возвышались два большихъ калача.

Вечерняя трапеза по пятицамъ сопровождалась у Шапиро цѣлымъ рядомъ торжественныхъ церемоній. Теперь, ради гостѣв, онъ дѣло значительно упростилъ и послѣ коротенькой, наскоро сказанной молитвы усѣлся на свое предсѣдательское мѣсто.

Подали рыбу—фаршированнаго карпа. За рыбой послѣдовалъ традиціонный бульонъ изъ лапши, потомъ курица и компотъ.

— А кугель гдѣ? — спросила Варвара Степановна.

Но Двойра объяснила, что кугель ѣдятъ въ субботу, въ полдень, а теперь это лакомство только еще печется въ духовой.

— Кугеля вамъ вѣтъ, но змиресь вы всетаки будете пѣть,—заянилъ гостѣй Шапиро.

— Что это—змиресь?

— Это — субботняя пѣсня. Она поется между двумя блюдами, на древне-еврейскомъ языкѣ.

— Ахъ, спойте, пожалуйста, спойте!

— Подтягивать будете?

— Буду, буду... Пожалуйста, начинайте.

Шапиро откашлялся, потеръ себѣ пальцемъ горло, какъ бы для того, чтобы его прочистить, и безжащимъ, козлинымъ голосомъ затянулъ причудливую восточную мелодію:

Кто субботу блюдетъ свято,
Кто читъ ее крѣпко,
Тому и будетъ великая,
Чудесная награда...

— Ну, ну, помогайте же, ну! — толкала Клобукову Двойра, тоже не понимавшая ни одного слова изъ древне-еврейской пѣсни мѣжа.

Варвара Степановна открыла ротъ и съ выраженіемъ робости и почтенія стала подтягивать... Въ теченіе минуты или двухъ въ комнатѣ стояла

удивительная какофонія... Но ночь старикъ забрався куда-то очень высоко и, сорвавшись, разразился веселымъ хохотомъ.

— Капельмейстера у насъ нѣту, оттого...—сообразилъ онъ.

Встали изъ-за стола поздно, въ десятомъ часу.

Отъ всѣхъ этихъ новыхъ и неожиданныхъ впечатлѣній Варвара Степановна чувствовала себя уставшей и какъ бы опьяненной.

V.

Жоржета погасила свѣчи, пожелала хозяевамъ доброй ночи и ушла спать. Двойра лежала на кровати и сладко потягивалась. Было тихо. Плотныя бѣлыя занавѣски на окнахъ скрадывали лунный свѣтъ, и въ комнатѣ стоялъ прозрачный блѣдно-зеленый сумракъ...

— Ну? Что ты скажешь на всю эту исторію?—вполголоса спросила Двойра.

Шапиро сидѣлъ на кушеткѣ, у окна. Свѣтъ падалъ ему на спину, и сосредоточенное, печальное лицо старика задернуто было густою тѣнью.

— Всякія встрѣчи бываютъ, — неопредѣленно отвѣтилъ онъ:—была и такая...

— Прямо необыкновенная персона,—съ горячностью, но не повышая голоса, подхватила Двойра.—Такая ласковая, такая любезная... Просто, какъ родное дитѣ, честное слово!

— Она, должно быть, очень образована,—догадался Шапиро.— Знаешь... они насъ мучать... но ихніе молодые люди, когда они хорошо образованы, такъ они такіе хорошіе, что лучше и на свѣтъ нѣтъ.

— Такая простая, такая нѣжная!

— Помнишь, нѣ Кривой Балкѣ, Василь Ивановичъ, сынъ священника... который потомъ въ Сибирь попалъ?

— Какъ она увидѣла Дунечкины кашъ-корсеты, съ шелковой вышивкой, съ кружевами, такъ она ажъ ахнула,—мечтательно уставившись на потолокъ, припомнила Двойра.—Ничего, пусть она такъ знаетъ.

Шапиро не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ, положивъ ладони на колѣни и склонивъ голову на бокъ... Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Въ лицѣ, черезъ дорогу, башенные часы медленно, съ длинными паузами, пробилъ одиннадцать, и послѣдній ударъ звучалъ особенно долго и печально. Казалося, что, улетая изъ тѣсной и душной башни вдаль, къ свѣтлой лунѣ, звукъ н въ свободныхъ глубинахъ надыхаетъ по мрачному мѣсту рожденія.

— Знаешь, Двойреню, что я теперь себѣ думаю?—поднялъ голову Шапиро.

— Что?

— Я себѣ думаю такую вещь: что, если бы мы съ тобой тогда перемучились и изъ Кривой-Балки

не уѣхали, то наши, вапримѣръ, внуки, или хоть, скажемъ, правнуки,—могли бы уже они жить тамъ спокойно, по-человѣчески?

Двойра безпокойно метнулась.

— А, старая пѣсня!—съ досадою сказала она.

Шапиро помолчалъ.

— Конечно, старая, — покорио согласился онъ потомъ.—Таки старая...

Онъ продолжалъ сидѣть, не шевелясь, и по прежнему голова его наклонена была къ лѣвому плечу.

— Передъ домикомъ, гдѣ былъ вашъ хедерь, всегда стояло болото,—не спѣша и тихо улыбаясь стыдливой, больной улыбкой, началъ онъ,—а когда шелъ дождь, то дѣлалось цѣлое озеро, и мальчишки бродили въ немъ. Закатывали штаны до самага паха и бродили... И я тоже бродилъ... А бабушка вытаскивала меня оттуда и била... Я ревѣлъ, в бабушка тоже плакала и давала мнѣ лепешку... У меня были золотушныя опухоли на вогахъ, и въ водѣ я ихъ простуживалъ... Я не знаю: есть теперъ этотъ домикъ... и это болото...

— Ложись уже, пожалуйста!—раздраженно прошептала Двойра.—Спи!

Шапиро не пошевелинулся.

Въ потолокъ что-то гулко стукнуло: вверху, въ Дунечквной комватѣ, Варвара Степановна сбрасывала съ ногъ ботивки...

— Пятьдесятъ лѣтъ мы тамъ жили и работали,—печально и вѣгромко говорилъ старикъ.— Наши отцы, дѣды, прадѣды тамъ схоронены... и четверо дѣтей...

Двойра шумно отвернулась къ стѣнѣ.

— Ну чего ты хочешь! Къ чему это?... Тянетъ, тянетъ... Ложись, я тебѣ говорю!

И сдавленные слезы слышались въ дрожаніи ея голоса.

Шапиро вздохнулъ.

— Если бы пришло такое время... хоть для внуковъ... для правнуковъ...—беззвучно пробормоталъ онъ.

Двойра уже не отвѣчала.

„Дубиной по головѣ имъ дадутъ“, рвалось изъ ея сердца. Но она овладѣла собой и подавила слова. Она лежала неподвижно, закрывши одѣяломъ голову.

Шапиро взглянулъ на жену... ему хотѣлось говорить съ ней еще... но онъ пожалѣлъ ее...

Онъ тихо всталъ и вышелъ во дворъ.

Здѣсь, подлѣ погреба, въ широкой тѣневой полосѣ, стояла большая кадка съ короткимъ, плотнымъ буксомъ. Деревцо это французы любятъ и охотно возвращаютъ, такъ какъ оно круглый годъ сохраняетъ лнству и доставляетъ зелень для украшенія кладбищенскихъ памятниковъ. Съ вечера деревцо полили, и теперь, при яркомъ свѣтѣ луны,

ноянныя брызги на темныхъ листьяхъ снѣркали зеленымъ огнемъ иванонныхъ червячковъ.

Шапиро присѣлъ на краешекъ кадки и обратился лицомъ къ небу.

Онъ скорбно смотрѣлъ своимъ единственнымъ глазомъ на ясную, кроткую луну, освѣщавшую и этотъ чуждый Шомонъ, и ту далекую, печальную страну, въ которой лишили его другого глаза, въ которой находятся всѣ родныя ему могилы, и на которую онъ чувствовалъ такія прочныя, такія святыя права. Онъ смотрѣлъ,—и въ бѣдномъ сердцѣ его звучала все та же старая, старая пѣсня: хоть для внуковъ... хоть для правнуковъ... хоть когда-нибудь...

Объ одномъ злодѣяніи.

Разсказъ.

Было еще совсѣмъ темно, когда извозчикъ Лейзеръ, присѣвъ на грудь лохмотьевъ, служившей ему постелью, зажегъ жестяную лампочку и сталъ одѣваться. Онъ одѣвался медленно, нехотя, кряхтя и кашляя, и то принимался чесать себѣ локтемъ бока, то терся спиной объ стѣну.

— Я знаю?.. Я знаю, что это будетъ?—мысленно говорилъ онъ себѣ. — Только Господь Всевышній можетъ знать. А человекъ что? Человекъ знать не можетъ.

Онъ всталъ и началъ молиться. И молясь, онъ думалъ не о смыслѣ произносимыхъ словъ, а все о томъ же: неизвестно, какъ окончится день, и нельзя знать, будутъ-ли дѣти сегодня сыты.

Окончивъ молитву, Лейзеръ надѣлъ армякъ, подпоясался ремнемъ и, переступая черезъ спавшихъ на полу дѣтей, направился къ двери. Но

здѣсь глаза его скользнули по полкѣ, по лежавшей на ней краяхъ хлѣба, — и онъ смалодушествовалъ.

— Сося, — тихо и какъ бы вопросительно проговорилъ онъ, оборачиваясь къ женѣ, высохшей, сутуловатой женщинѣ, только-что слѣзшей съ печки и безмолвно усѣвшейся на перевернутой кадкѣ.

— Ну!

Это „ну“ отрезвило Лейзера... Въ самомъ дѣлѣ, — что это онъ затѣялъ! Дѣти же вѣдь...

Онъ крякнулъ и шагнулъ къ двери.

— Такъ что же это ты себѣ думаешь? — вызывающе крикнула Сося. — Попадешь ты когда-нибудь на работу?

Лейзеръ остановился.

— Развѣ я могу знать?.. Можетъ быть Господь и благословить...

— Ты ничего не можешь знать! Ничего! Другіе знаютъ же, другіе работаютъ же.

— А я что, не хочу работать? — Лейзеръ грустно посмотрѣлъ на жену. — Что дѣлать! Бугъ сталъ, пшевицы не грузятъ, работы нѣтъ... Придетъ кто-нибудь за однимъ извозчикомъ, и сейчасъ ныскакиваютъ двадцать...

— Выскакивай и ты.

— Я стараюсь. Я все дѣлаю...

— Ты ничего не дѣлаешь! Ты лайдакъ, ты

спншь на повозкѣ, ты никогда не будешь имѣть работы...

Лэйзеръ вздохнулъ и вышелъ.

Въ сараѣ стоялъ Храпунчикъ, бѣловатая слѣпая кляча съ длинной мохнатой мордой, съ узловатыми ногами, съ провалившимся, словно переломаннымъ, хребтомъ и съ широкими, плоскими, какъ тарелки, копытами. Спотыкаясь и путаясь въ упряжи, Лэйзеръ впахнулъ лошадь въ оглобли, запрягъ и, взявъ возжи нѣ руки, выѣхалъ со двора.

Когда онъ былъ уже посреди улицы, во дворѣ раздались крики „тата, тата“, и высокая жевская фигура, закутанная въ большой платокъ, подбѣжавъ къ телѣгѣ, стала что-то совать ему въ руки.

— На, возьми! бери!

Лэйзеръ не бравъ и отвелъ руки назадъ.

— А дѣти?—нерѣшительно прогонорилъ онъ.

Пара большихъ, глубоко ввалившихся глазъ гнѣвно сверкнула въ едва дрогнувшей тѣмѣ.

— Ну такъ что жъ, что дѣти! Тебѣ ѣсть не надо?

— Я попаду на работу, такъ и куплю.

— Не руби ты мнѣ мозгъ! „купить“!.. А если на работу не попадешь?.. Цѣлый день не ѣсть на холодѣ... Свалишься, что тогда будетъ!

Лэйзеръ закашлялъ, потомъ взялъ у дочери ломоть хлѣба и двѣ луконицы и погналъ свою клячу впередъ.

Вхвать пришлось ленадой, по топкой грязи; колеса уходили нъ нее до половвны спиць, а ивогда, попадая нъ яму, погружались и до осн. Лэйзеръ шель съ телѣгой рядомъ, въ критическія минуты подталкиналъ ее плечомъ и тянулъ за колеса; лошадку онъ постоянно подбадривалъ, дергалъ возжами и уговаривалъ не лѣбиться:

— Не, вѣ, веселѣче! Будемъ аѣвать, ве будемъ жевать, Храпунчикъ, ты знаешь хорошо!..

Когда добрался до замощенной Херсовской улицы, Храпунчикъ пошелъ живѣе. Лэйзеръ ялѣзъ на поноаку, сѣлъ на край и ноги снѣсилъ виизъ. Тьма стала повемвогу таять, и уже были видны соломенные крыши иизенькихъ домовъ, черныя канавы и безкоичвые, мѣстами поналнншіеся ааборы. Вѣтеръ билъ Лэйзера нъ затылокъ, а крупа, кружившаяся нъ воздухѣ, садилась къ нему на бороду, на лохматыя брони, таяла и разливалась по лицу. Лэйзеръ досталъ изъ повозки мѣшокъ, сдѣлалъ изъ него капюшонъ в иадѣль. Но вѣтеръ сейчасъ же сорвалъ капюшонъ, и какъ Лэйзеръ ни бился, а укрѣпить его ему ве удалось. Онъ положилъ мѣшокъ обратво нъ телѣгу в, ие пытаеся уже защищаться, покорно отдался злобной власти вѣтра в колючей крупы.

— Ента у меня добрая,—думалъ онъ, ежась и постукиная сапогами о телѣгу,—привесла хлѣба.. Положимъ, мѣ хлѣба ве вадо. Разнѣ я могу его

ѣсть, когда не хнатаеть дѣтямъ? Теперь это для меня не хлѣбъ, а раскаленное желѣзо... Но только что? Если разсудить по настоящему, то развѣ челонѣку возможно жить, когда онъ не ѣсть?.. На Юмъ-Кипуръ, напримѣръ, тоже не ѣшь, постишься,—такъ нѣдь это только одинъ день... Наканунѣ наѣшься хорошенечко, и потомъ сидишь себѣ въ теплой синагогѣ и молишься... А миогіе, такъ они такіе себѣ деликатные, что не выдерживаютъ и этого: они нюхаютъ нашатырный спиртъ и выходятъ изъ синагоги на холодокъ, прогуляться, напримѣръ... А тутъ же, ноть, вчера я легъ голоднымъ, и позавчера тоже не доѣлъ, и уже, можетъ быть, больше двухъ недѣль, какъ сытъ не былъ... И все семейство голодно... Развѣ это шутка, когда жена и столько дѣтей голодны? Пусть меня Богъ не накажетъ за эти слова, только я сонсѣмъ не понимаю, зачѣмъ все это такъ дѣлается...

Черезъ полчаса Лейзеръ пріѣхалъ на биржу.

Посреди обширной, до негѣронтности загаженной площади, подъ высокимъ навѣсомъ, напоминающимъ своей выгнутой крышей китайскія постройки, находился старій, наполовину засыпанный и данно уже заколоченный колодезь, и около этого колодца, по радіусамъ, располагались ломонки. Теперь ихъ было здѣсь десятка два, и нонне прибывали ежеминутно.

Лейзеру удалось пристроить Храпуничка на

хорошее мѣсто, за вѣтромъ. Храпунчикъ, какъ только остановился, опустилъ сноу лохматую голлову къ землѣ и сталъ искать сѣна. Но сѣна Лэйзеръ ему не далъ. Онъ накрылъ лошадку рядномъ, дружески погладилъ по лбу и по вдавленному хребту и отошелъ подъ навѣсъ. Долго, однако, онъ тамъ не пробылъ: вѣтеръ сквозилъ и свисталъ межъ столбами навѣса и пронизывалъ насквозь. Лэйзеръ предпочелъ сквозняку крупу. Онъ пернулъ къ Храпунчику и, взобраншись на телѣгу, предался размышленіямъ.

— Вотъ, такъ вотъ идетъ челонѣческая жизнь!.. Нужна челонѣку работа — иѣтъ работы. Нужно челонѣку ѣсть — нечего ѣсть. Челонѣкъ не можетъ, какъ телеграфный столбъ, цѣлый день на дождѣ и вѣтрѣ стоять, а онъ стоитъ. Ну? Какъ это повать?.. Я не могу это понять... Или вотъ: далъ мнѣ Богъ одиннадцать дѣтей, и пятеро изъ нихъ умерло, и умерли какъ разъ всѣ мальчики. Мальчика можно отдать въ ученье, къ портвому, къ лудильщику, куда-нибудь приказчикомъ. Мальчикъ можетъ помощь дать. А что дѣлать съ дѣвочкамъ? Какъ будешь ихъ выдавать замужъ?.. А Евта, когда Богъ меня уже благослонилъ, и я достигъ выдать ее замужъ, что съ Ентою?.. Такая тебѣ выходитъ исторія: сходить ея мужъ съ ума, его забираютъ нѣ сумасшедшій домъ, а ова съ двумя дѣтьми и беременная позвращается ко мнѣ... Такія вовсе

дѣла... И были бы хоть ея дѣти здороны, — такъ нѣтъ и этого... Что? Себѣ самому я могу гонорить пранду, себя самого мнѣ нечего стыдиться: когда Шмилекъ кашляетъ, такъ у меня внутри все разрынается на куски, и когда онъ жалуется и просить ѣсть, а ѣсть нечего, то я таки плачу... Таки плачу, ну!.. Таки не могу удержаться, отворачиваюсь въ кутокъ и плачу...

— Ты, задумчивый ангелъ!—гаркнулъ за спиной Лэйзера только что подъѣхавшій извозчикъ, огромный рыжій нервила, по имени Шлѣмка Гицель.—Посторониться не можешь, іоддь!

Лэйзеръ пугливо оглянулся и пронорно подобралъ ноги. Гицель, скверно ругаясь, и по-еврейски, и по-русски, и колотя Храпунчика кулакомъ по шеѣ, сталъ устраивать свою телѣгу.

— И отчего-жъ таки мнѣ не плакать,—продолжалъ думать Лэйзеръ,—отчего? Когда одного легкаго у Шмилека уже нѣтъ, а на ногѣ у него такая страшная рана, и она всегда горить... Надо Шмилеку рыбій жиръ, надо ему молоко, и для раны какую-нибудь хорошую мазь,—а ничего этого нѣтъ...

Лэйзеръ поднялъ голову и сталъ озираться.

Молока неподалеку было сколько угодно: молочный рядъ устьемъ упирался въ площадь и несъ видѣнь быть, какъ на ладони. По другую сторону площади сквозь сѣрую мглу смутно жел-

тѣли растопыренныя крылья золоченаго орла. Это аптека. Тамъ, конечно, есть и хорошая мазь для ноги, и рыбій жиръ, и разныя лѣкарства для легкихъ...

— Да, а только что же, когда Богъ не хочетъ, чтобы это было для насъ... И чтобы я такъ не знала зла, какъ и не знаю, за что онъ на насъ сердится... И что же, напимѣрь, будетъ, если я таки въ самомъ дѣлѣ свалюсь?.. Вотъ и хочу ѣсть, ужасно хочу ѣсть.

Лэйзеръ нащупалъ за паузой хлѣбъ и луковицы, пососалъ языкъ и плюнулъ.

— И я озябъ, и вотъ у меня потекла за воротникъ по голой спиной вода... Ну что, развѣ я мѣдный? Таки заболѣю... Миѣ по настоящему надо бы теперь съѣсть свой хлѣбъ и зайти себѣ въ „Англію“, взять чаю, или тамъ таракн жареной, и поддержать себя,—а нѣтъ возможности... Такъ ѣсть хочу, что душа изъ тѣла уходитъ,—а нѣтъ никакой возможности...

Ноги у Лэйзера озябли до того, что онъ ихъ не чувствовалъ. Чтобы отогрѣться, онъ усиленно скребъ пальцами подошву, — но это не помогало. Онъ спрыгнулъ съ повозки и принялся притаптывать.

— Уй-уй, какъ холодно! Какъ страшно холодно... Можно бы зайти въ „Англію“—вродѣ какъ будто поискать кого,—и пока что погрѣться; только вѣдь.

можно же прозѣвать нанIMATEЛЯ... Вотъ какъ на зло всегда выходитъ: сторожишь, какъ собака на цѣпи, цѣлую ведѣлю, и не является никто, а на пять минутъ отойдешь—и со всѣхъ сторонъ народъ повалить... Надо терпѣть...

Въ началѣ десятаго на биржѣ появилась еврейка, въ казакивѣ, въ мужскихъ сапогахъ, и объявила, что ей нужны четыре извозчика перевозить мебель.

Мгновенно ва ванимательвицу накинuloсь челоВѣкъ двадцать, и гвалтъ ва площади поднялся такой, какъ если бы кого-нибудь не фигурально только, а самымъ подлиннымъ образомъ рвали на куски.

Лейзеръ тоже полѣзъ было въ толпу, во двое здоровенныхъ дѣтинъ отбросили его прочь, и онъ, не смѣя уже возобновлять свою попытку, стоялъ позаду всѣхъ н, подымая кверху руки, задыхаясь, крвчалъ:

— Вотъ я! вотъ я! Я поѣду, я!.. я!.

Но еврейкой въ это время овладѣлъ Шлемка Гицель. Овъ схватилъ ее за поясъ и поволокъ къ своей телѣгѣ.

— Вамъ четырехъ извозчиковъ ве надо,—гремѣлъ овъ,—будетъ съ васъ двухъ. Ёду я и вотъ—мой товарницъ... Мы сдѣлаемъ по два ковца.

— Да пустите меня... Не хочу въ два ковца,

это будетъ долго. Теперь дни короткіе. Я хочу все сразу забрать.

— Чего долго! Ничего не долго!.. Галопомъ поѣду... Садись на повозку, ну-на!

— Да пустите! Пойдите!

— Зачѣмъ стоять? Стоять некогда! Дни короткіе. Садись, балабуста, садись. Я-жъ и знакомый тебѣ, знаю, гдѣ ты живешь—на Рыбной улицѣ.

— Вовсе ве на Рыбной,—на Узенькой.

— А мнѣ бѣда большая, если на Узенькой! Ну, гопъ! Садись! Живо, вихремъ!

Общій крикъ сдѣлался еще пронзительнѣе. Извозчики всей стаей напали на Гицеля и стали его ругать за то, что онъ не „по правнлу“ забираетъ кліента...

— А чтобы вы сгорѣли, мамзеры проклятые! Ишь глотки!

Послѣдовалъ рядъ крѣпкихъ словъ.

— Ну, чортъ съ вами. Айда мѣряться!

Гицель подбросилъ кнутъ, другой извозчикъ подхватилъ его посреднѣ, и потомъ всѣ, желавшіе ѣхать, стали охватывать кнутовище указательнымъ и среднимъ пальцемъ, какъ возниццами. Кто окажется наверху, тотъ и поѣдетъ.

Лэйзеръ тоже сунулся къ кнутовищу, но Гицель локтемъ толкнулъ его въ грудь.

— Брысь! куда лѣзешь!

Съ Лэйзеромъ это продѣлывали всегда, когда

„мѣрялся“, и это было одной изъ причинъ, по которымъ онъ такъ рѣдко попадалъ на работу. Слабый физически и кроткій духомъ, онъ не умѣлъ за себя постоять и отступалъ сразу. На этотъ, однако, разъ на помощь къ нему пришла сама на-нимательница.

— Нѣтъ пусть и онъ,—приказала она.

— „Равнинша“? Ко всѣмъ чертямъ! У него лошадь дохлая.

— Ничего, пусть.

— У него лошадь еще для постройки Соломонова храма камень возила.

— Если онъ не будетъ мѣряться, никого не возьму.

Стиль Гицеля, его разбойничья рожа и своеобразие тѣлодвиженій пугали еврейку. Она была увѣрена, что онъ раскрадетъ и перебьетъ полоннну мебели. И остальные извозчики донѣря тоже ей не внушали. Одинъ только Лэйзеръ казался похожимъ на человѣка, и ей очень хотѣлось, чтобы онъ поѣхалъ.

— Знать не хочу! Пусть мѣрится!—настаивала она.

Ободренный Лэйзеръ опять полѣзъ въ толпу и протянулъ къ кнутовищу озябшіе пальцы.

„Господи, сдѣлай, чтобы я былъ наверху!—съ сердечнымъ замраніемъ молвилъ онъ.—Помогни мнѣ!.. не для меня, для Шмилека“...

Господь Шмилеку покровительствовалъ, и молитва Лэйзера была услышана.

Какъ только двинулись въ путь — первымъ шель Гицель съ нанимательницей, потомъ два другихъ навозчика и позади всѣхъ Храпунчикъ, — такъ сейчасъ же Лэйзеръ вытащилъ изъ-за пазухи хлѣбъ и луковицы и въ два-три приема проглотилъ... Точно въ яму все провалилось.

— У-ва! какъ ѣсть хочется! — проговорилъ онъ, подбирая съ армяка крошки. — Страшное дѣло, какъ хочется ѣсть... Ну, ничего! До вечера потерпимъ, а вечеромъ все будетъ. Покушаемъ себѣ хорошо... Очень хорошо покушаемъ... Нѣ, нѣ, Храпунчикъ, веселѣе!

Приѣхали на Узенькую улицу.

Мебель еврейки оказалась такая нелѣпая и громоздкая, что укладывать ее на возы было особенно трудно. Сперва вытащили какой-те шкафъ, отъ котораго, пока его несли, отскакивали и шлепались на землю полки и дверцы; потомъ поволокли два огромныхъ ободранныхъ, пудовъ по пятнадцати каждый, дивана. Затѣмъ послѣдовала корявая конторка, кресла безъ ножекъ или безъ сидѣній... Все это навозчики таскали съ крикомъ, съ гамомъ, съ руганью; а еврейка бѣгала за ними, ужасалась, охала, упрашивала...

Лэйзеръ тоже суетился и вывозилъ вещи полегче. Извозчики не совсѣмъ были неправы, когда не хотѣли брать его въ свою компанію. Чахлый и слабосильный, съ ветхой кляченкой и дрянной телѣгой, онъ былъ для нихъ невыгоднымъ компаньономъ.

— Это развѣ извозчикъ? Это раввинша,—говорили они о немъ.

И дѣйствительно, для работъ „серьезныхъ“, для грузки хлѣба, напримѣръ, Лэйзеръ не нанимался и самъ. Его специальностью было отвозить съ базара покупки—нѣсколько пудовъ антрацита, сотню арбузовъ, пустыя бочки, или что-нибудь въ этомъ родѣ.—Нагруан его телѣгу какъ слѣдуетъ—она разсыплется, лошадь упадетъ и хлопотъ съ нимъ не оберешься... И, исходя изъ этого соображенія, извозчики и теперь тяжелой, „хорошей“ мебели на телѣжку Лэйзера не ставили, а украсили ее кухонной рухлядью да тѣмъ движимымъ, которое хозяйка хранила въ сараѣ...

Въ половинѣ второго нагрузка была окончена, и процессія тронулась. Опять во главѣ пошелъ Гицель, а послѣднимъ Лэйзеръ.

Теперь валилъ уже снѣгъ; вѣтеръ нѣсколько притихъ, но измѣнилъ направленіе и сдѣлался холоднѣе. Храпунчикъ плелся медленно, вытягивая впередъ мохнатую голову и дѣлая ею такія движенія, какъ будто говорилъ: „да, да, я согласенъ.“

Онъ звонко хлопалъ плоскими копытами по жидкой грязи и посяѣ каждыя двухъ-трехъ шаговъ выказывалъ явное желаніе остановиться. Но Лэйзеръ этого желанія не раздѣлялъ и, сопя и кашляя, какъ самъ Храпунчикъ, не переставалъ ему напоминать, что если „захочешь зѣвать, то не будешь жевать“.

— Да, вотъ такъ, вотъ оно и есть, вотъ,— бормоталъ онъ.— Лошадь, на примѣръ, такъ ей еще хуже, чѣмъ человѣку. Человѣкъ,— вотъ, положимъ, какъ я,— когда проголодается, такъ онъ сейчасъ начинаетъ думать, что у него дома жева и дѣти не ѣли,— и въ моментъ его голодъ исчезъ. Уже ты дай мнѣ обѣдъ, какъ у самого барона Гирша, и я его ѣсть не стану. Уже я сытъ! совершенно сытъ, вполне! А лошадь, такъ она этого не понимаетъ. Ей надо, чтобы сѣно было, и конченъ балъ... Нѣ, Храпунчикъ, веселѣче... Уй, уй, какъ, однако, хочется ѣсть! Ажъ кареты въ животъ разъѣзаютъ, ей Богу!.. Также вотъ можно и въ обморокъ упасть тоже. Развѣ долго? Вовсе не долго...

— Ты, оловянная птица!— гаркнулъ впереди Гицель,— чего отстаешь? Вмѣстѣ съ Мессіей приѣхать думаешь, что ли?

— Веселѣе, Храпунчикъ, веселѣе.

Лэйзеръ взволнованно задергалъ возжами.

— Нѣ, поѣжай... А сегодня Сося ругаться не будетъ: когда Богъ благословитъ и принесешь ей,

напримѣръ, пятьдесятъ копѣекъ и кварту молока, — а то еще и двѣ кварты, — такъ ова дѣлается добрая... Она очень добрая, честное слово! Только съ горя и съ голоду она кричитъ. Всѣ кричатъ, когда голодны... Уй, какъ я ѣсть хочу... Никогда въ жизни еще не былъ такъ голоденъ. Прямо огнемъ книжки палить... Это онѣ знаютъ, что есть заработокъ, такъ и строятъ себѣ штуки..

Около мостика, переброшеннаго черезъ городскую канаву, подъ жидкимъ слоемъ сѣрвовой глины, было подобіе мостовой, и повозка Лэйзера отъ этого стала подпрыгивать, а находившіеся на ней предметы — раскачиваться и громыхать. Одна кадка наѣхала на другую, ухватъ и кочерга, торчавшіе изъ нихъ, куда-то провалились, а широкій топчанъ шлепнулся на какой-то ящикъ и сталъ медленно скатываться...

— У! еще надѣлаю шкоды!

Встревоженный Лэйзеръ подбѣжалъ къ возу и началъ умащивать вещи.

Когда онъ, пыжась и отдуваясь, налегъ грудью на топчанъ, а руками поддерживалъ готовый свалиться перерѣзъ, пальцы его вдругъ погрузились во что-то липкое и холодное...

— Ну, это что за коммерція?

Лэйзеръ посмотрѣлъ въ перерѣзъ.

Тамъ, среди полудесятка пустыхъ горшковъ и всякой кухонной посуды, стоялъ котелокъ, до краевъ наполненный жаркимъ.

— Тю! Такое вообще.. Совсѣмъ кушавье?!

Озадаченный Лэйзеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на свои растопыренные, смоченные соусомъ пальцы, то въ перерывъ, въ котель.

— Вообще кушавье...

Овъ опустилъ руку къ армяку, намѣреваясь ее обтереть, во вдругъ передумалъ и вложилъ пятерню въ ротъ...

— У-ва! хорошо!.. И пахнетъ... У-ахъ, какъ хорошо!.. до невозможности.

Лэйзеръ сосалъ пальцы, чмокалъ и жмурился.

— Замѣчательно... Ну, вадо теперь котель накрыть... Гдѣ тутъ крышка? А, вотъ!.. Съѣхала себѣ въ сторону... Надо накрыть... А то вѣдь все раскляпается, пропадетъ все...

Лэйзеръ накрылъ жаркое и отошелъ въ сторону.

— Ухъ, какъ пахнетъ!.. Что это такое туда кладутъ, что такъ хорошо пахнетъ?.. Корнцу?.. Должно быть, корицу.

Повозка попала вдругъ въ глубокую рытвину и опять послышалось дребезжаніе горшковъ.

— Ну, вотъ тебѣ мостовая!.. Ничего себѣ мостовая... Съ такой мостовой можно же всѣ горшки перебить и можетъ же расплескаться вся подливка.

Чтобы она не расплескалась, Лэйзеръ со всѣхъ сторонъ сталъ сдавливать котель горшками. Операция эта удалась вполнѣ, но рука Лэйзера при этомъ снова погрузилась въ соусъ.

— Нѣтъ, это не корвица,—сказалъ онъ, облизывая пальцы.—Навѣрное не корвица... Духъ совсѣмъ не тотъ... А хорошій духъ! Уй-уй, какой хорошій... И если это такъ пахнетъ, когда холодное, то что же будетъ, если разогрѣть?... Совсѣмъ райскій вкусъ будетъ... Ей Богу!.. И вотъ что—я таки теперь припоминаю; я такое жаркое когда-то уже ѣлъ... Навѣрное ѣлъ... только у кого?

Лэйзеръ вложилъ нѣ ротъ картофелину.

— Да, капля нѣ каплю, точно такое ѣлъ... Я таки знаю это навѣрное. Только гдѣ и когда—не могу вспомнить... А ну, я кусочекъ мяса попробую... Маленькій кусочекъ, косточку... Ай, ай, какъ вкусно... Всѣ вкусы тутъ... расходится по жиламъ, какъ хорошій бальзамъ... Удивляетъ меня, что я не могу вспомнить, у кого это ѣлъ!.. Прямо досадно.. Могу поклясться, чѣмъ угодно могу поклясться, что ѣлъ, а гдѣ—не знаю.. Совершенно такое же... И это пахнетъ, и тогда тоже пахло... А-а! Это не корица! Это лавровый листъ! Это вонсе лавровый листъ! Лавровый листъ и гвоздика!.. Конечно, лавровый листъ!.. А я думалъ, что корвица... Вотъ дуракъ! Таки настоящій дуракъ, ей Богу... Гвоздика—такъ она же совсѣмъ другой

духъ имѣть. Гвоздика—она продѣ какъ перецъ. Ты думаешь, что перецъ, а раскусишь—и иице гвоздика... Ахъ, замѣчательно! Это же только на снадобѣ можно такое вѣсть, честное слово!..

Разсуждая такимъ образомъ, Лэйзеръ продолжалъ умащивать горшки,—лѣвой рукой. Праую же онъ то погружалъ въ котелокъ, то подносилъ ко рту.

— Ага-га-га!.. Вспомнилъ!.. Таки испомнилъ... Это же я у мусю Цыпоркеса такое кушанье вѣлъ!.. Ну да, конечно... Я тогда прииовилъ ему ииво съ парохода—онъ же исе изъ Одессы себѣ выписываетъ, — и меня позвали на кухню и угоствовали... Ну да, у мусю Цыпоркеса... Большой челоивкъ мусю Цыпоркесъ, магиать. Синнья, но магнать... Только что же это, ей Богу, я соисѣмъ не понимаю: у мусю Цыпоркеса было тогда обрѣзаніе, такъ у него могло быть такое жаркое. А это же простая еврейка... Что такое ея мужъ? Приказчикъ на лѣсной!—и она въ будни, въ простой четвергъ, дѣлаеть такое жаркое... Вотъ, такъ вѣсть наши еврен и любятъ: заработактъ рубль, а прожить три Шарлатаны.. А рускіе отъ этого воображаютъ, что всѣ евреи ужасно богаты, и за это насъ бьютъ. Изъ-за такихъ иотъ расточителей насъ и ненавидять... Видалъ ты такое? Лавровый листъ! Она безъ лавроваго листа не можетъ! Паскудница такая... Ну, а только я тоже хорошъ: совсѣмъ и

позабылъ, гдѣ ѣсть такое жаркое. Га?.. Что ты на это скажешь? Вотъ исторія!..

Мостоная данно кончилась, телѣга пошла ровнѣе, горшки уже ве дребезжали и стояли спокойно, но Лэйзеръ все еще вхъ умащиваль..

Овъ въ послѣдній разъ просунулъ руку къ котлу, сгрѣбъ прилившія ко дну картонка, обсосаль начисто пальцы и, накрывъ старательно котель крышкой, отошелъ къ сторонѣ..

Впередв, на разстояннн полуквартала, одна за другой, тянулся перныя три телѣги, и подлѣ нихъ, съ лампой нѣ одной рукѣ и зеркаломъ въ другой, высоко подоткнувъ юбки, шагала хозяйка.

— Ой! А если она спохватится... Ой, Боже мой!..

Лэйзеръ замеръ.

— Эй, вѣтъ!.. „Спохватится“... Чего ей спохватываться? Вотъ такъ ндругъ, сразу и спохватится?.. Ничего не будетъ! Приѣду на мѣсто и сейчасъ снесу всѣ горшкв, заставлю кадками—и готово... А какъ съѣду со двора, тогда пусть она себѣ и спохватывается. Поди, нщи меня тогда, кусай въ поясницу... Э! нечего и беспокоиться... Что она, судиться со мной будетъ? У иен есть снидѣтели?.. Я ея ве боюсь!.. Такой она важный нахмнстръ, чтобы я боялся?.. ннсколькo не боюсь... Пси!..

Извозчики успѣли уже наполовину разгрузить первую телѣгу, когда Храпунчикъ доползъ, наконецъ, до мѣста назвачевія.

— А, сухая кишка! — привѣтствовалъ Лэйзера Гицель.—Еще не издохъ.

Лэйзеръ молчалъ. Внутри все у него трепетало и дрожало мелкой дрожью. Глаза не смотрѣли ни на кого, и языкъ точно распухъ...

Онъ поспѣшно разаязалъ веревки, которыми укрѣпленъ былъ на его телѣгѣ скарбъ, и суетливо сталъ его носить... Черезъ нѣсколько минутъ дѣло было улажено: всѣ горшки и котлы стояли въ узкомъ проходѣ между печью и стѣной, спереди замаскированы кадкой.

— Ну, теперь готово! Теперь неопасно! Теперь вотъ снесутъ только диваны—и кончено, конченъ балъ!.. Храпунчикъ, ничего! Накушаешься сегодня замѣчательно...

Уже вся мебель была составлена. Извозчики вытирали испогѣвшіе лбы, поправляли упряжь на лошадяхъ и располагались уѣзжать. Ждали только расплаты.

— Мадамъ! пожалуйста рассчитываться, — приглашалъ Гицель запропащившуюся куда-то хозяйку. Онъ имѣлъ намѣреніе получить за чай, и сдѣлался галаитень.

— Мадамъ, гдѣ вы? Пожалуйста, мы ждемъ. Потрудитесь!..

И вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ непонятное.

Мадамъ, какъ бомба, выскочила на крыльцо и, потрясая надъ головой пустымъ котломъ, заорала:

— Арестанты!.. Жулики!.. Махшемойники!..
Чтобъ вы поздыхали, проклятые!.. Вы думаете, я вамъ буду молчать! Вы думаете, это вамъ пройдетъ даромъ! Шарлатаны, каторжники!..

— Ого! — весело отозвался Гицель, — умѣешь! Въ моей гимназiи училась, что-ли?

— Я тебѣ покажу гимназію, чтобъ ты почервѣлъ!.. Я тебѣ покажу!..

И, показывая собиравшимся на крикъ жильцамъ пустой котелъ, еврейка продолжала:

— Такіе жулвки, такіе прохвосты! Я нарочіо вчера еще сдѣлала жаркое, думала, сегодня съ перевозкой не поспѣю, думала, какъ перевезутъ мебель, у сосѣдей нагрѣю и будетъ дѣтямъ готовый обѣдъ, а эти негодяи слопали!.. Все слопали!.. Ну! Ну!.. Что я теперь должна дѣлать?..

— Сварить другое, — услужливо посоветовала Гицель.

— Другое?! А я вотъ вычту съ тебя, такъ ты и будешь знать „другое“, каторжники!.. Мнѣ жаркое въ полтора рубля обошлось, ты мнѣ за него заплатишь!..

— Я заплачу? Я?

Гицель подошелъ къ еврейкѣ поближе.

— А это вотъ,—такъ, по совѣсти, если тебя спросить,—ты видала?

Онъ поднесъ къ ея лицу шаршавый, величиной въ небольшой арбузъ, кулакъ.

— Кто твое жаркое ѣлъ — на здоровье ему!— пусть онъ и платить. А со мной ты эту политику брось... Восемь гривенъ подавай!—вдругъ загремѣлъ онъ звѣринымъ голосомъ.—И четвертакъ на чай, за диваны!..

Крикъ на дворѣ стоялъ еще долго.

Еврейка безстрашно твердила свое и собиралась вычестъ полтора рубля; извозчики же, вдохновленные этимъ обѣщаніемъ, поминали родителей и располагались выбивать зубы и стекла...

Лѣйзеръ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ, позади Храпунчика. Въ злодѣяніи своемъ онъ не признавался. Запираться, однако же, тоже не запирался. Онъ стоялъ молча, покурый, блѣдный, и только по временамъ порывисто подвигалъ голову, испускающая какой-то странный звукъ, — и потуплялся опять...

— Нѣтъ, одинъ человекъ сожрать не можетъ, это немисливо!—размахивала руками еврейка.— Четыре фунта мяса, приварокъ... Надо имѣть не животь, а рундукъ, чтобъ это выдержать... Всѣ вмѣстѣ жрали, махшемойники проклятые...

Оковчилось дѣло тѣмъ, что тремъ извозчикамъ

хозяйка заплатила полностью, и даже на водку прибавила, а Лейзеру не дала ничего.

— Старый человекъ,—кричала она ему, когда онъ сбѣзжалъ со двора,—сбѣдой человекъ, а дѣлаетъ такое снисхожденіе! Надо васъ въ часть отправить, только мнѣ паскудиться не охота...

Уже темнѣло. Снѣгъ пересталъ и нѣтеръ стихъ тоже, но начинался сильный морозъ. Мокрый армякъ Лейзера скоро окаменѣлъ, и тарелкообразныя копыта Храпунчика уже не шлепали по лужамъ, а гулко стучали о мерзлую землю...

Когда черезъ часъ Лейзеръ подъѣзжалъ къ своему жилью, издали, изъ непроглядной тьмы, послышался радостный возгласъ.

— Да будетъ восхвалено Его святое имя!..

И Сося поспѣшно приблизилась къ телѣгу.

— Ну? Сколько?

По тому, что Лейзеръ пріѣхалъ поздно, она знала уже, что онъ на работу попалъ. И въ теченіе добрыхъ двухъ часовъ она съ Ентой и другими дѣтьми обсуждала, успѣютъ ли еще сбѣгать въ мясную за требухой, чтобы сварить супъ. Полагали, что успѣютъ...

— Давай же сюда молоко,—сказала Сося, наваливаясь грудью на телѣгу.—Не перенерни только, темно.

— Нѣту молока.

— Не купишь? Ну ничего! Фейгочка къ Мудрецахъ сбѣгаетъ, Мудрецеха довтъ поздово.

— Я не работаль сегодня.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Га?

— Никто ве приходитъ валимать... Что ты хочешь?.. До сихъ поръ ждалъ на биржѣ... Ни сумасшедшей собаки ве видю...

Лейзеръ отпрягъ Храпуничка и поставль ва мѣсто. Лошадь вемедленно приваяась шарить по сторонамъ, ища обѣщанныхъ съ утра лакомствъ. Но тряпкообразныя губы ея встрѣчали однѣ льшь холодныя доски...

Черезъ полчаса Лейзеръ лежалъ на кучѣ тряпокъ и ладонями сжималъ себѣ голыя ступни. Ему казалось, что ступнямъ отъ этого теплѣе. Сося и дѣтв лежали на своихъ мѣстахъ и, чтобы не чувствовать голода, силились заснуть. Всѣ молчали. Только маленькій Шмилекъ, лежаншій съ матерью на ветопленной печкѣ, тоненькимъ, спллымъ голоскомъ монотонно тянулъ:

— Немножко молока, ма-а-ма!

— Молоко будетъ завтра, Шмилекъ, завтра.

— Молока... Я хочу молока-а-а...

— Завтра, сыночекъ, завтра... Завтра будетъ и молоко, и супъ... Хорошій супъ, съ мясомъ, съ курницей.

— У меня сердце горить... Молока-а-а...

Ента не отвѣчала.

— Я ѣсть хочу, молока-а...

— Ну ша, ша... ну что дѣлать? ты голодень!
Всѣ же голодны, всѣ не ѣли... И вотъ дѣдушка,
старый и больной, и весь день на холодѣ и на
дождѣ былъ, и тоже нѣдь ничего не ѣлъ...

Лэйзеръ перевернулся на своемъ ложѣ. Онъ
не то всхлипнулъ, не то икнулъ,—въ носъ ему
ударилъ сладостный запахъ гвоздики и лавроваго
листа.

«Немножечко въ сторону».

О черкъ.

I.

Когда книгу пишутъ замѣчательную, такую, по которой учиться, просвѣщать своей умъ будутъ тысячи, а можетъ быть, и десятки тысячъ людей, то писать ее надо на бумагѣ хорошей.

И Саулъ Ароновичъ, когда издумалъ составить ключъ къ учебнику французскаго языка Марго,—выбиралъ бумагу нѣ лавочкѣ Ривки Мудрецехи внимательно и долго. Выбравъ и купивъ, онъ черезъ часъ принесъ бумагу обратно и перемѣнилъ на другую. По зрѣломъ размысленіи, однако, онъ пришелъ къ выводу, что ее опять слѣдовало бы обмѣнить на первую; но, вспомнивъ, что Ривка женщина голосистая и бравая, Саулъ Ароновичъ новыхъ обмѣновъ устраивать не сталъ, а просто купилъ еще двѣ дести первой бумаги и на этотъ разъ успокоился почти окончательно.

Затѣмъ онъ приобрѣлъ учебникъ Марго, послѣд-
няго изданія, нѣсколько грамматикъ, обстоятель-
ныхъ и полныхъ, и съ волненіемъ, вполне соот-
вѣтствовавшемъ важности предпріятія, приступилъ
къ работѣ.

— Это замѣчательная идея! — говорилъ онъ:—
Марго? Отлично! Но если бѣдный человекъ не мо-
жетъ нять себѣ учителя, — много ли ему дастъ
Марго?.. Тогда, значить, какъ? Значить, абсолютно
преграждается путь къ просвѣщенію?.. А вотъ,
когда будетъ ключъ, всякій сможетъ учиться само-
стоятельно: возьметъ Марго, возьметъ ключъ—и
готово... И цѣль достигнута!

Языкъ Саула Ароновича и при будничныхъ
обстоятельствахъ не лишенъ былъ тонкихъ кра-
сетъ, въ эту же минуту онъ думалъ фразами осо-
бенно великолѣпными.

— Мой часъ насталъ! Моя путенодная звѣзда
меня уже не обманетъ!..

Нужно сказать, что до тѣхъ поръ путенодная
звѣзда эта Саула Ароновича обманывала часто и
жестоко.

Она, напримѣръ, привела его въ городокъ Воз-
несенскъ и внушила открыть здѣсь школу для еврей-
скихъ мальчиковъ. Саулъ Ароновичъ глубоко нѣ-
рилъ, что школой этой онъ „восполнить пробѣлъ“
и принесетъ населенію „ощутительную пользу“...
И очень скоро, однако же, долженъ былъ сознаться,

что мечтанія его все оправдались, и что пользу онъ приносить неважную.

Въ этомъ убѣждало его, въ особенности, общественное мнѣніе.

— Замѣчательное воспитаніе вы даёте дѣтямъ, — строго выгоняринала ему мать одного изъ учениковъ: — это прямо что-то особенное.

— А что такое?

— Вы еще спрашиваете?.. Вчера мимо васъ проѣзжала свадьба, такъ Юська выбѣжалъ на улицу, сталъ показывать куклиши и кричать „тю“... Красиво это? Скажите сами!

— Это очень некрасиво и очень печально. Но что же вы желаете отъ меня?

— Я знаю, что я желаю?.. Я ничего не желаю... Я желаю вамъ сказать, какое замѣчательное воспитаніе вы даёте... Какъ биндюжникъ...

Фронимъ-Веръ, жестяникъ, негодоналъ — совершенно, впрочемъ, неосновательно — на то, что его мальчнку набиваютъ голову чортъ знаетъ чѣмъ.

— Цѣлый день, какъ сумасшедшій, болтаетъ: „столь, столамъ, столу, столы“ — тошно слушать. Склоненіе?.. На что мнѣ склоненіе? Я, знаете, баринъ себѣ не большой, чайники дѣлаю. Мнѣ надо, чтобы Мендль умѣлъ сосчитать и записать — больше мнѣ ничего не надо.

Бакалейщику Штоку надо, чтобы ученики Саула Ароновича дѣлали военные прогулки, какъ

гимназисты, непременно опоясанные цвѣтными кушаками и съ барабаномъ. Онъ желалъ бы еще, чтобы мальчика его въ школѣ обучали на флейтѣ.

Рѣзникъ Нухимъ предоставляетъ Саулу Ароновичу полную свободу въ дѣлѣ устройства прогулокъ, совершенно равнодушенъ и къ духовнымъ инструментамъ, но строго требуетъ порки.

— Порядочныхъ дѣтей можно не бить, а моихъ сволочонъ сквозь строй гнать надо. Каждый день снимайте съ себя ремень и дерите ихъ на чемъ снѣтъ стоять... Какъ можно кричать!.. Вы-жь учитель, я не понимаю, вы-жь деньги берете... Что, я другого еще для этого долженъ нанимать или какъ?

— И это называется „приносить пользу“, когда каждый день съ себя ремень снимаешь? — уныло спрашивалъ себя Саулъ Ароновичъ...

Педагогическіе запросы родителей были многочисленны, разнообразны и пестры. И, предъявляя столь необыкновенныя требованія, кліенты Саула Ароновича отъ платы за ученіе воздерживались съ чрезвычайной стойкостью. Бѣдняки не платили по бѣдности, богачи — по соображеніямъ высшаго порядка.

— Мой Жоржикъ, — говорилъ, напимѣрь, господинъ Цыпоркесъ, жирный, бритый, постоянно потный „аристократъ“, богачъ, владѣлецъ винокурни и цѣлой сѣти кабаковъ: — за мой Жоржикъ

вы должны брать на одинъ рубль въ мѣсяць дешевле: такой онъ способный.

И когда Сауль Ароновичъ пытался объяснить, что ему это вѣсовсѣмъ удобно,—господинъ Цыпоркесъ выражалъ досаду:

— Э, что вы тамъ морочите!.. Развѣ вы что-нибудь понимаете? Для васъ это отличваго ревоме, что мой сынъ будетъ къ вамъ ходить. Всѣ скажутъ: ужь если господинъ Цыпоркесъ свой мальчикъ туда отдалъ, такъ значить это такъ хорошій учитель...

Трудно сказать, раздѣлялъ ли Сауль Ароновичъ взгляды господина Цыпоркеса на этотъ предметъ. Фактъ, однако, тотъ, что бралъ онъ съ него дешевле, чѣмъ съ другихъ, не столь высоко поставленныхъ обывателей.. При этомъ Жоржикъ оказался мальчикомъ характера чрезвычайно игриваго. Однажды на глазахъ всего класса онъ укусилъ своего ментора за руку. Сауль Ароновичъ, относившійся вообще философски ко мвогимъ неприятностямъ, на этотъ разъ не выдержалъ и отправился къ Цыпоркесу съ жалобой.

„Если ученики будутъ кусать учителя за руку,—разсуждалъ онъ,—какой же будетъ престижъ?“

— У, онъ васъ укусилъ?! — вскричалъ господинъ Цыпоркесъ, выслушавъ Саула Ароновича:— ахъ, шарлатанъ! Что-жъ вы одѣдали: постановили его хоть нѣ уголь, оставили безъ обѣда?

— Нѣтъ, но я пришелъ просить васъ, чтобы вы лично его наказали.

— Да, да, хорошо. Я ему обязательно накажу... Я ему сейчасъ убью!.. Жоржикъ! Жоржикъ!.. Послать мнѣ сюда Жоржикъ!

Жоржикъ пришелъ.

— Ты что, подлый мальчикъ, вовсе кусаться выдумалъ, шарлатанъ?

Жоржикъ молчалъ и весело ухмылялся.

— А ну-ка, какъ я тебя примусь кусать, сволочь!.. Вы на его, Сауль Ароновичъ, не смотрите, вы его наказывайте, я вамъ дамъ полны пранъ. Наказывайте ему, какъ собаку, я буду очень довольный... Слышишь ты, Жоржикъ, ты хоть слышишь, что я говорю?

Но Жоржикъ, очевидно, былъ занятъ другими мыслями:

— Папа, дай мнѣ двѣ копѣйки, я хочу зыгу купить,—сказалъ онъ совершенно беззаботно.

— Ну, вотъ... Ахъ ты марзавецъ! Двѣ копѣйки я тебѣ дамъ? Холеру я тебѣ дамъ! Вотъ, что я тебѣ дамъ!.. Пошелъ ты вонъ, жуликъ!.. Вотъ, вотъ такіе они сегодня всѣ, всѣ до одинъ...

И господинъ Цыпоркесъ принялся энергично нападать на „севоднешнево поколѣніе“. Потомъ сталъ разнивать свои взгляды на учебное дѣло и, наконецъ, началъ опять превозносить необычайныя способности своего Жоржика. Здѣсь и Сауль Аро-

новичъ счелъ нужнымъ вставить слово и тоже похвалилъ Жоржика.

— И меня удивляетъ, — перебилъ господинъ Цыпоркесъ, — что съ такой золотой головкой онъ вовсе не дѣлаетъ у васъ аспи́хъ! По нѣмецкому онъ ничего не знаетъ. Я его спрашиваю: — „вилъ-дуй-филайхтъ бессеръ абнссель инъ-ди-гимназіумъ гелернтъ?“ — а онъ мене по-еврейски отвѣчаетъ „іо“? Хорошее дѣло!.. Я вамъ деньги плачу за то, чтобъ вы его по-еврейски учили?.. Что, онъ самъ не умѣетъ по-еврейски? Мнѣ его образованіе кронь стоять!.. Не умѣете учить, такъ зачѣмъ беретесь?

Высокія ноты и сурово сдвинутыя брови Цыпоркеса въ Саулѣ Ароновичѣ всегда вызывали неодолимое стремленіе укрыться. Поэтому онъ и на сей разъ вышелъ отъ господина Цыпоркеса со всей возможной торопливостію, не посмѣвъ и заикнуться о деньгахъ, слѣдовавшихъ за четыре мѣсяца ученія.

II.

Когда блеснула у Саула Ароновича мысль писать ключъ — взумленію его и восторгу не было конца.

— Такъ, слѣдовательно же, я буду авторъ!.. Я, значить, напишу книгу... и по моей книгѣ люди будутъ учиться, будутъ увеличивать свои умственные познанія!.. Да, ноть это значить быть полез-

нымъ человѣкомъ! Вотъ это значить приносить обществу пользу!..

И, обдумавъ свое новое предпріятіе всесторонне, во всѣхъ мелочахъ, и сдѣлавъ всѣ необходимыя приготовленія, онъ принялся писать задуманную книгу.

Въ каморкѣ его не было жарко; во у него имѣлось отличное одѣяло на ватѣ, и, когда онъ въ него закутывался хорошенько, особенно если съ ногами, онъ могъ просидѣть и часъ, и два, и почти вовсе не чувствовать холода.

Кромѣ того, онъ считалъ, что разныя тамъ матеріальныя неудобства, если къ обязанностямъ своимъ отнесены добросовѣстно, не могутъ имѣть важнаго значенія. Озябешь—чаю напьешься, вотъ и все. Гораздо существеннѣе были другія неудобства, неудобства, вытекавшія изъ самаго характера работы. Было, напримѣръ, очевидно, что ключъ необходимо снабдить грамматическими примѣчаніями. Между тѣмъ, Сауль Ароновичъ, намѣреваясь письменно изложить какую-нибудь мысль,—хотя бы, напримѣръ, разницу между опредѣленнымъ членомъ и неопредѣленнымъ,—испытывалъ востерпимыя муки творчества. Всѣ существующія и отлично ему извѣстныя слова вдругъ куда-то исчезали, и оставалось одво только „въ случаѣ, когда“.

„Въ случаѣ, когда“ онъ на бумагѣ выведетъ и разъ, и два, и пять разъ выведетъ, а то слово, ко-

торому приличествовало бы находиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ „въ случаѣ когда“, никакъ не приходитъ. Постепенно припоминаться начинаютъ другія слова—и часто слова красивыя и выразительныя, но того, которое полезно въ данную минуту,—нѣтъ и нѣтъ...

— У меня на палитрѣ мало красокъ,—съ грустью думалъ Саулъ Ароновичъ,—что-жъ дѣлать?.. Конечно, это трудно, но вѣдь это же не маленькое дѣло—книгу написать. Это же не то, что дѣтей буки азъ—ба учить. Вѣдь это трудъ! книга!.. Тутъ надо взвѣснить каждый оборотъ, каждое слово... Но за то-жъ я теперь дѣлаю весьма полезное дѣло!.. Кто можетъ сказать въ точности, сколько головъ просвѣтится моимъ трудомъ?..

Часто, почти каждую ночь, по окончаніи работы, пускался Саулъ Ароновичъ въ сладостныя мечтанія о громадной полезности своего „труда“, засыная, скрюченный калачикомъ подъ грудой лохмотьевъ, и отогрѣвая ладонями иззябшія, влажныя ступни...

III.

Около года проработалъ онъ надъ ключемъ, и все шло отлично.

Отъ долгаго сидѣнія, стала у него усиливаться кривизна позвоночника, временами надоѣдливѣе становился кашель, и сильно шумѣло въ головѣ,

но все это было неважно. Сауль Ароновичъ ко всякимъ болѣзнямъ привыкъ, а организмъ свой изучилъ до тонкости и лѣчить его умѣлъ отлично. Дѣты онъ держался неуклонно, зимою пилъ рыбій жиръ, лѣтомъ—парное молоко, а вату въ ушахъ, въ необходимомъ количествѣ, сохранялъ круглый годъ и круглый же годъ не снималъ съ шеи теплаго гаруснаго шарфа. Время отъ времени ставилъ онъ себѣ за уши мушки, подъ лопатки—горчичники и банки, а грудь натиралъ кротонвымъ масломъ. И средства эти дѣйствіе оказывали всегда несомнѣнное, хотя, впрочемъ, не всегда желанное...

— А между тѣмъ, несомнѣненъ тотъ фактъ, что, когда я углубленъ въ свой трудъ, такъ я вовсе никакихъ болей не чувствую!—заявлялъ себѣ самому Сауль Ароновичъ.

И онъ былъ доволенъ, и ему было хорошо...

Но, впрочемъ человѣческое счастье!—и надъ головой Саула Ароновича стала собираться совершенно неожиданная гроза.

Въ сосѣдней губерніи произошелъ погромъ, одинъ изъ первыхъ по времени, да и по значительности тоже. За нимъ, съ совершенно ненужной послѣдностью, послѣдовалъ другой, потомъ третій, четвертый...

Люди, спугнутые съ своихъ мѣстъ, разоренные, обнищавшіе, бросились въ разныя стороны, и

ночь, въ Вознесенскѣ тоже очутилось вѣсколько бѣглецовъ. Между ними оказался нѣкій глухой меламедь, долговязое, чахлое существо, съ исклочечными пейсами и длинной, огненнаго цвѣта бородой. Приѣхавъ, онъ тотчасъ же принялся отбивать у Саула Ароновича учениковъ, и за первую недѣлю набралъ ихъ съ десятокъ.

Онъ былъ чловѣкъ тонкій и гдѣ чѣмъ взять надо—зналъ отлично. Здѣсь разскажетъ пріятную новость о томъ, что баровъ Гиришъ у русскаго правительства евреенъ откупаютъ,—даетъ сто милліоновъ, а правительство требуетъ двѣсти двадцать пять. Тамъ, исполняя порученіе хозяйки, принесетъ инъ рѣзницы мясо. Въ третьемъ мѣстѣ дѣтей въ баню сносить. А то просто станетъ, со слезами на глазахъ, разсказывать о претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ и ужасахъ... И все это сильно помогало ему.

— Плохо! — думалъ Саулъ Ароновичъ. — Какъ разъ теперь мнѣ вужно спокойствіе, какъ разъ теперь въ трудѣ отвѣтственные мѣста пошли, требующія сосредоточеннаго объединенія всѣхъ умственныхъ силъ, а тутъ явился этотъ меламедь. Въ данное время овъ мнѣ совершенно не соответствуетъ...

Но меламедь не спрашивалъ себя, соответствуетъ ли онъ... И потому не проходило недѣли, чтобы нъ школѣ Саула Ароновича не появилось нонаго опустѣннаго мѣста...

— Ну, что дѣлать? Ему тоже надо жить,— утѣшалъ себя Сауль Ароновичъ.— У него семейство... Но только, въ сущности, оно какъ-то совсѣмъ странно выходитъ, что изъ-за какого-то глухого меламеда должно пострадать общее благо... Водовозъ требуетъ за ноду, хозяйка за квартиру, Ривка Мудрецеха прекращаетъ кредитъ въ лавочкѣ... Это все мелочи, конечно, но... работу онѣ таки весьма затрудняютъ...

Къ тому же въ это время, вслѣдствіе погромонъ, нъ еврейской массѣ пробудилось и съ силой заговорило чувство національнаго самосознанія, и она усиленно обратилась ко всему своему— къ своей религін, къ своимъ обрядамъ, къ своему языку; и отъ этого замѣчавшееся прежде пренебрежительное отношеніе къ старозавѣтнымъ меламамъ исчезло. Меламеды даже въ моду нходить стали, и глухой конкуррентъ Саула Ароновича, благодаря своимъ специальнымъ дарованіямъ и репутаціи челонѣка, пострадавшаго отъ погрома, находился въ условіяхъ исключительныхъ. Въ его хедерѣ станонилось съ каждымъ днемъ всѣ тѣснѣе.

— Мнѣ этотъ меламедъ доподлинное роковое несчастье!— думалъ Сауль Ароновичъ:— ходить выпрашивать учениковъ это—уннаительно, но что дѣлать?.. Если бы я былъ одинъ, если бы я не писалъ труда, конечно, я могъ бы прислушинаться къ голосу собственнаго достоинства. А при теку-

цихъ условіяхъ нечего разсуждать. Надо себя отложить немвожечко въ сторону и таки вадо ве множечко вагвуться...

И онъ, какъ и меламедъ, сталь обивать пороги, просилъ, клявчилъ, гдѣ неопасно было—настанвалъ... Но толку изо всего этого ве выходило нвкакого, число учевиковъ не возрастало.

— Положеніе дѣлается оковчательво критическимъ,—смущевво говорилъ Саулъ Арововичъ.

Смущеніе его перешло въ вастоящій ужась, когда, пересматривая однажды ключъ,—совсѣмъ уже отдѣланые и готоные къ печати параграфы, онъ нашель въ нихъ цѣлый рядъ ошибокъ: въ одвомъ мѣстѣ невѣрно было согласонаніе, нъ другомъ неправильно употреблевъ былъ *Subjonctif*, въ третьемъ перепутаны роды...

— Ну, это уже совсѣмъ Богъ знаетъ какое прнскорбвое явленіе! — вскричалъ Саулъ Ароновичъ:—это же не дай Богъ! Прежде я работаль гораздо лучше, а послѣдвее время отупѣлъ... И немудрево,—когда столько горя, столько хлопотъ!..

И онъ въ тоскѣ метался по классу.

— А между тѣмъ, если бы я ѣлъ каждый девъ супъ—тогда бы и въ моемъ трудѣ ошибокъ не было. Но когда питаніе состоитъ изъ одной картошки, такъ и голона не можетъ работать интевсивно... И все этотъ меламедъ вивой... Что мнѣ съ вимъ дѣлать?..

Сауль Ароновичъ устроилъ энергію въ дѣлѣ ныпрашиванія учениковъ: онъ сталъ теперь обращаться не только къ бывшимъ своимъ кліентамъ, но и къ людямъ, совершенно ему незнакомымъ. Однако, дѣла продолжали идти изъ рукъ вонъ скверно, и мѣсяца черезъ два у Саула Ароновича не было уже и картошки, а въ школѣ остались только тѣ ученики, которыхъ онъ подрядился готовить въ прогимназію.

— По крайней мѣрѣ, этихъ меламедъ уже не отобьетъ!—говорилъ себѣ Сауль Ароновичъ.

Но онъ ошибся: отбилъ меламедъ и этихъ.

Въ городкѣ проживалъ кандидатъ правъ, нѣкто Рапопортъ. Овъ былъ еврей и, по разнымъ обстоятельствамъ, употребленія изъ диплома своего не могъ сдѣлать никакого. Уже третій годъ хлопоталъ онъ о мѣстѣ въ хлѣбной конторѣ, а въ ожиданіи кое-какъ перебивался мелкими урочкамъ. Глухой меламедъ задумалъ этого Рапопорта пригласить къ себѣ въ помощники и, пригласивши, отправился къ господину Цыпоркесу добиваться аудіенціи.

— Что вамъ надо?—строго спросилъ Цыпоркесъ.

— Конечно, кто есть знаменитый человѣкъ, у того и дѣла, и мысли знаменитыя,—началъ меламедъ,—а если кто нибудь есть человѣкъ маленький и пустячный..

— На завтра ваше предисловіе. Говорите въ короткомъ видѣ!

— Такъ что теперь,—вы тоже можете вашего мальчнка ко мнѣ въ училище отдать,—заторопился меламедъ, приступая уже прямо къ дѣлу.

— Зачѣмъ такъ?

— Черезъ то, что теперь у меня вовсе не вонючій хедеръ, какъ вы всегда гонорите, а тоже классъ.

— Почему?

— Я нанялъ господина Рапопорта, кандидата правъ кievскаго уиверситета святаго Владимира.

— Онъ у васъ учить?

— Да, у меня... И ариеметику, и грамматику, и математику—все!

— Вотъ какъ! А французскій и нѣмецкій?

— Тоже. Съ однимъ словомъ—все. Кандидатъ правъ же! Изъ кievскаго же уиверситета!

— У-ва! большое дѣло,—строго васупившись, сказалъ г. Цыпоркесъ и рѣшилъ отдать своего сына меламеду.

— Для васъ это важлѣе, чѣмъ вашъ кандидатъ правъ,—заклучилъ онъ:—мой сынъ дастъ вамъ репутацію...

Сауль Ароновичъ былъ сраженъ окончательно.

Почти вся его школа распозалась. А между тѣмъ, домохозяинъ на него уже подалъ въ судъ, топливо вышло, лавочница же Ривка Мудрецеха взяла съ мѣста въ карьеръ и, когда Сауль Ароновичъ проходилъ мимо,—выскакивала изъ лавочки на улицу

и, сколько силъ было, кричала, что онъ—жуликъ и арестантъ, и что она съ него сдеретъ пальто, если онъ къ субботѣ не дастъ ей хоть полтора рубля...

Цѣлую недѣлю педагогъ не зажигалъ лампы, но каждый вечеръ вынималъ изъ сундука свои тетрадки и, не видя ихъ, впотьмахъ, перелистывалъ, расправлялъ, переворачивалъ...

— Подлый, проклятый меламедь! Теперь бы я уже закончилъ трудъ... теперь бы я уже набѣло переписывалъ... я бы уже печаталъ...

И тяжелые, горькіе вздохи раздавались въ сумрѣ сумракъ убогой каморки...

IV.

Скоро на Саула Ароновича свалилась новая бѣда: къ нему на ревизію пріѣхалъ инспекторъ народныхъ училищъ.

Инспекторъ этотъ былъ человѣкъ не злой, и его визиты обыкновенно проходили довольно благополучно. На этотъ, однако, разъ инспектора уже задѣли „вѣянія времени“, и онъ рѣшилъ „пошпенить немножечко просвѣтителя изъ васихъ“. Началъ онъ сравнительно благодушно,—съ легкихъ упрековъ за то, что „нѣтъ нѣшалки“; во потомъ вошелъ во вкусъ и поднялъ крикъ и за немые полы, и за грязныя стѣны, и за дымъ, и за отсутствіе вентиляціи.

Сауль Ароновичъ стоялъ ни живой, ни мертвый, обливался потомъ, и не говорилъ ничего— не защищался, не оправдывался, не давалъ никакихъ объясненій: совсѣмъ у него языкъ отнялся. Инспекторъ же, разъ начавъ, уже не оставался и кричалъ все громче и громче,

— Не школа это, а сарай, хуже сарая всякаго!.. Предупреждаю васъ: если въ двѣ недѣли все не будетъ приведено въ полный порядокъ, закрою вашу школу и конецъ дѣлу!

Онъ сталъ было кричать еще и за то, что Сауль Ароновичъ не придерживается программы, но здѣсь онъ случайно взглянулъ на него, прямо въ лицо—и круто оборвалъ на полусловъ: „Фу ты, какое лицо!... Что я его рѣжу, что-ли?.. У этихъ ханмовъ иногда какія-то совсѣмъ особенныя лица бываютъ“.

И, немного помолчавъ, онъ заговорилъ опять, но совсѣмъ уже другимъ тономъ—примирительно и мягко:

— Ну, ничего, не бойтесь: закрывать васъ я не стану, а только вы... что-нибудь всетаки сдѣлайте. Форточку, напримѣръ. Сами посудите, что это за атмосфера!

Инспекторъ потянулъ носомъ воздухъ.

— Съ вашими еврейчиками, знаете, всегда такъ: и немного ихъ, а пахиваетъ.

Инспекторъ засмѣялся и повеселѣлъ.

„А нѣдь, пожалуй, и онъ влюблялся“!—почему-то пришло ему вдругъ въ голову.

Онъ сдѣлалъ ещё нѣсколько замѣчаній, все въ томъ же миролюбивомъ и мягкомъ тонѣ, и потомъ спросилъ:

— Что это у васъ сегодня ученковъ такъ мало? Больше нѣтъ развѣ?

Судорожно сжатая губы Саула Ароновича не разжимались, и онъ не отвѣтилъ.

— Я спрашиваю: это всё ваши ученики?

— Всё,—съ усиленіемъ прохрипѣлъ Сауль Ароновичъ.

— Гмъ, немного... Вѣдь вы, я полагаю, не для удовольствія одного школу содержите... Чѣмъ же вы живете?

Сауль Ароновичъ поднялъ на инспектора глаза. Что-то странное промелькнуло въ нихъ—удивленіе, вопросъ, благодарность?.. Горестная складка между бровями у него разошлась, и ноздри чуть-чуть затрепетали. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ в заговорилъ.

Чѣмъ онъ живетъ? Да развѣ онъ живетъ! Развѣ это жизнь! Это все—одна сплошная мука и больше ничего. У него нѣтъ ни хлѣба, ни керосина, ни топлива, у него вѣтъ силъ, чтобы работать, его завтра выбросятъ изъ квартиры... Вотъ господинъ инспекторъ требуетъ вѣшалку, чистоту, и, конечно, онъ совершенно правъ. Но развѣ Са-

уль Ароничъ самъ не знаетъ, что школу такъ грязно содержать нельзя? Разнѣ онъ не знаетъ, что подобныя-гигіеническія условія „пагубно вліяютъ на молодыя отправленія дѣтскихъ жизней“? Отлично онъ это знаетъ, и это немало отравляетъ ему жизнь, но что же онъ можетъ сдѣлать?.. И тѣмъ не менѣе, какъ ни плоха его школа, она всетаки лучше и полезнѣе другихъ. У глухого меламеда нѣ землянкѣ, нѣ темнотѣ, нѣ грязи, нѣ вони сорокъ душъ копошится, а чему такой меламедъ можетъ научить? Какія у него познанія? Онъ только знаетъ сѣчь и больше ничего... Сауль Ароничъ былъ бы радъ и счастливъ, если бы можно было школу нести какъ слѣдуетъ, но нѣ Вознесенскѣ это невысказано — „абсолютно невысказано существовать и никакъ невозможно сдѣлать что-нибудь полезное“...

Инспекторъ искоса и съ выраженіемъ любопытства поглядывалъ на Саула Аронича.

„Какъ развернулся!—думалъ онъ:—и несъ трясется... Странный господинъ!“

— А про какого это вы глухого меламеда говорите?—спросилъ онъ.

„Ой, языкъ! Проклятый языкъ!“ — спохватился Сауль Ароничъ. И съ горячностью зачастилъ:

— Нѣтъ, не меламедъ, но только, на примѣръ, когда, на примѣръ, бываютъ мелаеды, то у нихъ все это бываетъ... Можетъ быть и глухой, и даже

слѣпой, какой угодно, и онъ обучаетъ, и у него
бынаетъ по тридцати и по пятидесяти учениковъ...
Только это, вапримѣръ, когда бывають хедера...

— А здѣсь у насъ есть хедера?

— Боже сохрани! Откуда они вовсе возьмутся?
Когда-то, очень давно, такъ былъ одинъ, но те-
перь нѣтъ. Ничего подобнаго нѣтъ! А если бы и
былъ—никто бы туда дѣтей не отдавалъ!.. Теперь
не то время, теперь уже понимаютъ...

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое путаетъ,—
подумалъ инспекторъ.

Онъ простился донольно дружелюбно и ушелъ.
А Сауль Ароновичъ потомъ долго еще повторялъ
себѣ все то, что сказалъ инспектору.

— Да, я хорошо сдѣлалъ, что поговорилъ съ
нимъ. Что, если онъ инспекторъ, такъ онъ не че-
ловѣкъ? Онъ лучше другихъ! Заинтересовался и
весьма сочувственно спросилъ, чѣмъ и живу...
Небось, Цыпоркесъ не спросить! Хоть умри—ни-
кому дѣла нѣтъ. Никто, небось, не знаетъ, что въ
четвергъ, когда я мылъ полы, такъ я упалъ въ
обморокъ и въ лужѣ четверть часа лежалъ.
Очень это имъ интересно! И таки этотъ инспек-
торъ очень хороший и благородный человекъ, и
мнѣ таки очень жалко, что и ему ничего не ска-
залъ о „трудѣ“... И ноть же, значить, что ныхо-
дять: цѣлый городъ жителей, и все какъ будто бы
свои, евреи, а задушенную и очень теплую ноту

я слыхалъ только отъ инспектора... Только ему я могъ разсказать немножко, что у мевя ва сердцѣ... Теперь мнѣ такн гораздо легче, и даже очень пріятно. А то же прямо лопнуть можно — всегда нсе въ себѣ носить!..

IV.

Инспекторъ уѣхалъ. Но прежде, чѣмъ покинуть городъ, онъ нанель веобходимыя справки, сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, и хедерь глухого меламеда закрыли, а самого меламеда, за незаконное содержаніе училища, присудили къ шестидневному аресту

Это событіе нызнало нъ городкѣ огромную сенсацію, и нсѣ сходились на томъ, что ввво-вать но нсемъ Сауль Ароничъ: „донесь“!

Колкости, оскорбленія, ругательства, такъ градомъ на вего и посыпались, а господннъ Цыпоркесь, по указанію котораго акцизвый чивовникъ на прошлой недѣлѣ составвлъ на трехъ енреень протоколы аа тайную продажу нодки, прочель цѣ-лую вотацію.

— Донось,—фе! Это самага паскудваго дѣла и честн намъ ве дѣлаеть нисколько... Штндно! Мнѣ за насъ штвдво, в подло.

Въ семьѣ глухого меламеда обрушнншееся на вее весчастье подняло страшвый переполохъ, в

тамъ долго стоялъ такой плачь, какъ если бы кого-нибудь хоровили.

Не смотря, однако, на это, глухой меламедъ, какъ только вышелъ изъ кутузки, — сейчасъ же снова вступилъ въ свой прежній преступный путь и опять сталъ набирать учениковъ...

— Только что же это будетъ, Хана, если этотъ разбойникъ опятъ на меня донесеть? — спросилъ онъ какъ-то жену.

— А то будетъ, что твоихъ учениковъ опять разговяятъ, а тебя, дурака, опять засадятъ въ острогъ, — злобно отвѣтила она: — только теперь ужъ не въ шесть дней, а на полгода... О, чтобы его десять лѣтъ лихорадка тряствъ не переставала, душегуба, довосчика проклятаго! Чтобы ему, подлему, сегодвя же въ мѣстѣ, гдѣ онъ ходитъ или стоитъ, сквозь землю провалиться!..

Полемическіе приемы Хавы большой утовченостью не отличались никогда, а обстоятельства послѣдняго временн сообщили имъ выразительность совершево уже исключительную. Теперь ова не могла раскрыть ротъ безъ того, чтобы не выпустить цѣлаго заряда самыхъ изысканныхъ ругательствъ. Ругала она всѣхъ и все — и мужа, и дѣтей, и всѣхъ завокомыхъ, и всего больше Саула Ароновича. Себв она, впрочемъ, не забыла тоже и съ большой горячвостью просила Бога, чтобы

„чортъ ее поскорѣй унесъ“, и „чтобы уже окончили-сь, наконецъ, ея страданія на этомъ свѣтѣ“...

А страданія ея на этомъ свѣтѣ были, дѣйствительно, немалыя. Она принадлежала къ числу тѣхъ еврейскихъ женщинъ, которыхъ вся жизнь проходитъ въ трепетной суетѣ, въ страхѣ и никогда не прерывающемся недоѣданіи. Голодать она начала буквально съ первыхъ дней появленія на свѣтѣ, съ той поры, когда со слабымъ пискомъ припадала къ высохшей груди своей чахоточной матери. Съ семи лѣтъ она сидѣла за стойкой въ отцонскомъ шинкѣ, а въ шестнадцать была матерью двойней, недолго, впрочемъ, прожившихъ. Потомъ она рожала каждый годъ и каждый же годъ кого-нибудь хоронила. Мужъ ея былъ „латыжннкъ“, т. е. такой сапожникъ, искусство котораго дальше вкладыванія уродливыхъ заплатъ не пошло. Онъ работалъ на перекресткѣ двухъ переулковъ у снагоги, подъ прикрытіемъ старой, ободранной акаціи. Шестъ лѣтъ пожилъ онъ съ Ханой, наслаждаясь всѣми радостями голодной семейной жизни, и потомъ скоропостижно умеръ, какъ говорится въ некрологахъ, на посту, т. е. подъ старой акаціей у снагоги, съ драгвой и корявымъ сапогомъ въ рукахъ.

Добрые люди собрали Ханѣ нѣсколько рублей, и она завела торговлю щетками и сапожной ваксой. Нагрузить, бывало, себя этимъ това-

ромъ—одинъ узелъ въ груди, другой на спинѣ— да и ковыляеть, охая и покашливая, по городу, разыскивая покупателей.

Дѣти оставались безъ всякаго присмотра, и разъ, вернувшись поздно вечеромъ домой, Хана нашла своего трехлѣтняго Юйну оппаревнымъ. Онъ опрокинулъ на себя чайникъ съ кипяткомъ, да такъ со сведенными ногами на всю жизнь и остался...

Хана вышла замужъ во второй разъ, за мела-меда, но сытности ей и этотъ бракъ не принесъ. Рожать же она опять стала ежегодно... Впрочемъ, семья ея не увеличивалась: одинъ родится, другой умирать... Восемьро дѣтей умерло у Ханы, и не умирали только калѣка Юйна: росъ себѣ на славу, а ходить не ходилъ.

Не прекращавшійся процессъ рожанія, кормленія, похороиъ сушилъ и истощалъ Хану, превращалъ ее въ какую-то ходячую мумію, убивалъ всѣ ея силы, и одного только не могъ убить— способности рожать. Когда въ городѣ произошелъ погромъ, и дикая ватага громилъ ворвалась въ ея конуру,—Хава была на шестомъ мѣсяцѣ... Къ вечеру она родила мертваго ребенка, и этотъ тоже не былъ послѣднимъ...

Въ Вознесенскѣ, къ великому изумленію Ханы и ея мужа, случилось диво дивное, случилось нѣчто такое, чего они никогда и предположить

не могли бы мелемедь стать зарабатывать... По-стинѣ золотая пора наступила для него, такая пора, какой онъ еще и не знавалъ. — „На, ѣшь, Юйна! Берчикъ, ѣшь!—совала Хана дѣтямъ какой-нибудь кусокъ:—ѣшь еще, выпей чаю, сахару возьми, пей!“

Она словно хотѣла наверстать, вознаградить дѣтей за прежніе голодные годы и накормить ихъ и за тѣхъ, которые такъ и въ могилу сошли, не узнавъ, что такое сытость...

Не смотря на эти счастливыя переменны, Хана не выказывала никакой радости. Какъ и въ прежніе годы—улыбка никогда не появлялась на ея узкомъ, костлявомъ лицѣ, и, какъ и раньше, оно выражало одну только безсмѣнную, холодную суровость. Но внутри Ханы происходило что-то странное. Тамъ точно отогрѣвалось что-то и таяло, течно кора какая-то шелушилась и отпадала отъ замученной души. Поостоянный праздникъ, постоянное ликованіе царило въ ней, и она тихо и радостно замрала отъ этого неожиданнаго, великаго отдыха... На Юмъ-Кипуръ, въ душной, темной синагогѣ, при тихомъ потрескиваніи красныхъ восковыхъ свѣчей, она молчилась съ большой горячностью, слезы долго и быстро катилась у ней по лицу, и когда тѣхъ молитвъ, которыя старенкій, сгорбленный канторъ жалостнымъ теноркомъ пѣлъ у алтаря и которыя имѣлись въ ея молит-

венникъ, ей показалось мало,—она въ страстномъ порывѣ, всплеснула руками, прижала молитвенникъ къ груди, обратила лицо къ визкому темному потолку и на разговорномъ еврейскомъ жаргонѣ вскрикнула:

— Господи, не оставь насъ! Сбереги насъ, моего калѣку... дѣтей моихъ, моихъ бѣдныхъ дѣтей!..

Когда послѣдовало закрытіе хедера, Хана, какъ придурковатая, долго повторяла одну и ту-же фразу:

„Богъ меня наказалъ! Богъ меня наказалъ“!..

На другой день только она очнулась и бросилась къ Сауду Ароновичу. Въ присутствіи учениковъ она вцѣпилась ему въ лацканы и заголосяла:

— Хлѣба, доносчикъ! Дѣтямъ моимъ хлѣба!

Саулъ Ароновичъ растерялся, поблѣднѣлъ и, какъ могъ, отбивался отъ разъяренной женщины.

— Я тебя, доносчикъ, задущу! Задущу, разбойникъ-проклятый! — дико вопила она, потрясая его изо всѣхъ силъ.

И Богъ знаетъ, чѣмъ оковчилась бы эта сцена, если бы старуха Сося, свекровь Ханы, вмѣстѣ съ ней отправившаяся чивить расправу, не повисла вдругъ у невѣстки на рукахъ и не закричала:

— Ханеню, дитя мое, что ты дѣлаешь! Уйдемъ. Насъ Богъ не оставитъ... У насъ Богъ крѣпкій... Онъ сильный... Онъ видитъ... Онъ все видитъ...

Онъ насъ защититъ... Уйдемъ, дитя мое, уйдемъ отсюда, идемъ!..

Старуха плакала, ласкала и унимала навзрыдь голосившую Хану, и потомъ, когда обѣ женщины ушли и были уже далеко, и горестныя причитанія ихъ, заглушаемыя тоскливымъ шумомъ осенней непогоды, въ школу доносились уже една только уловнымъ замирающимъ стономъ, — Сауль Ароновичъ пришелъ нѣсколько въ себя, сложилъ на груди ладони и, съ выраженіемъ мольбы и муки на помертвѣломъ лицѣ, растерянно бормоталъ:

— Да я-жь не доносилъ, Господи, Боже ты мой! Что это за несчастье такое, я же не доносилъ!..

V.

Хана отлично поняла и исполнила пранильно оцѣнила свое положеніе. Она поняла, что это горе — не преходящее, не временное, а постоянное. Она видѣла, что семья ея и „доносчикъ“ столкнулись на тѣсной, узенькой площадкѣ, и что нѣмъ имъ на ней умѣститься иельзя. Кто иибудь долженъ уйти.

— Уйти? Значить, чтобы опять мои дѣти съ голоду пухли? Н-н-нѣтъ, этого не будетъ!

И когда мужъ спросилъ ее о томъ, что „будетъ“ — у нея планъ дѣйствій уже соарѣлъ. Но только она знала, что мужъ его не одобритъ, и это нызывало въ ней настоящую ярость.

— Сгниешь въ острогѣ!—свирѣпо вскрикнула ова.

Меламедъ поникъ головою.

— Ну, а всетаки что же дѣлать?

— Не знаешь, что дѣлать? Танцовать.

— Зачѣмъ ты серднишься? Лучше мы обсудимъ...

— „Обсудимъ“! Онъ будетъ обсуждать! Умникъ какой нашелся, министерская голова!.. Что тутъ обсуждать! Выживи этого душегуба отсюда, вотъ и все. Донеси на него, закрой ему школу, и пусть онъ къ чорту уѣдетъ отсюда, куда хочетъ.

Меламедъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ женѣ въ лицо.

— Хава, не говори этого! За это Богъ накажетъ. Доносъ?.. Еврей этого не долженъ дѣлать.

— Ну, такъ татаривъ это сдѣлаетъ! Такъ дѣлай то, что еврей долженъ дѣлать: иди! издыхай въ острогѣ!

Меламедъ, въ тяжеломъ раздумьѣ, молчалъ, а Хана продолжала:

— Развѣ я не звала, что такъ оно и будетъ! Фи-ла-зовъ! „Долженъ, не долженъ! еврей не еврей“... Дѣти босы, голы, голодны, самъ ты чловѣкъ больвой, еле держишься, и тебя въ острогъ посадятъ. Вотъ-то будетъ весело! По крайвей мѣрѣ, несело будетъ. Хлѣба у меня нѣтъ, а веселья— сколько угодно!

И такъ какъ меламедъ все вздыхалъ и не го-

ворилъ ничего, то Хаана вышла изъ себя и, ударивъ кулакомъ объ столъ, истерически закричала:

— Ты мужъ?! Ты отецъ?! Ты ианергъ, ты кать, вотъ кто ты! Развѣ ты заботишься о своихъ дѣтяхъ? Пусть они всѣ вымрутъ—тебѣ все рано... Я, я сама все устрою, если такъ. Я сама инспектору напишу! Я найду такихъ, которые мнѣ напишутъ... Ты болванъ, ты стурпачъ, ты старая кляча, ты...

Недѣлю спустя инспекторъ получилъ доносъ о томъ, что въ школѣ Саула Ароновича древне-еврейскій языкъ преподаетъ учитель, не имѣющій установленнаго ценза. И еще былъ указанъ цѣлый рядъ другихъ, не менѣе ужасныхъ нарушеній закона... Въ это время „вѣянiя“ захватили инспектора съ особенной силой...

— А, надоѣли мнѣ, однако, эти бердичевскiе!— сказалъ онъ съ досадой.—Съ сотней нашихъ школъ меньше возни, чѣмъ съ двумя какими нибудь лапсердаками. Чортъ ихъ всѣхъ поberi! Ябедники!

Разбираться въ этомъ дѣлѣ было долго... „Всѣ они одинаковы!“ И черезъ нѣсколько дней школа Саула Ароновича была закрыта.

VI.

— Что же я теперь буду дѣлать? Куда же мнѣ теперь дѣваться?

Саулъ Ароновичъ стоялъ посреди класса, ту-

пыль, бессмысленнымъ взглядомъ уперся въ стѣну, но и стѣны не видѣлъ. Какая-то темная путаница стояла у него въ головѣ, точно въ вей клубился туманъ или дымъ.

Потомъ онъ вдругъ встрепенулся. — „А вѣдь это Рапопортъ! Это его работа, это онъ донесъ!“

И Сауль Ароновичъ бросился въ свою каморку, трясущимися, не попадавшими нѣ рукава руками напялилъ на себя пальтишко и побѣжалъ вонъ изъ дому.

— Это называется интеллигентный человѣкъ! — заоралъ онъ, врываясь въ комнату Рапопорта: — такъ поступаетъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ! Доносы пишетъ! Изъ-за несчастнаго урока у меламеда кандидатъ правъ на людей доносы пишетъ!

Въ головѣ Рапопорта пробѣжала смутная догадка.

— Я? Доносы?

— Вы! Вы! Кто же донесъ инспектору?.. Ваша работа!..

— Послушайте, убирайтесь вы вонъ!

Но тутъ Рапопортъ пристально посмотрѣлъ на своего неожиданнаго гостя и, перемѣнивъ тонъ, добавилъ:

— Да какой чортъ вамъ сказалъ, что это „моя работа“? Никакихъ доносовъ я не писалъ. Вамъ, можетъ быть, наггали, но я увѣряю васъ, что это неправда...

— Какъ не писали?

— Да такъ вотъ, и не писалъ.

Сауль Ароновичъ смѣшался.

— Вы не писали? Вы не писали?.. А кто же писалъ?

— А я почему знаю. Можетъ быть, меламедъ написалъ... Не знаю.

— Можетъ быть, меламедъ писалъ...—машинально, не слыша себя, повторилъ Сауль Ароновичъ, и вдругъ, пораженный другимъ ходомъ мыслей, схватился обѣими руками за голову и застоналъ:— Боже-жъ мой, Боже-жъ мой. Что же это теперь будетъ!

— Я вамъ искренно сочувствую, Сауль Ароновичъ,—сказалъ Рапопортъ,—и ужасно хотѣлъ бы вамъ помочь, да только что-жъ я могу... вотъ развѣ что: у меламеда отъ урока отказаться? Откажусь! Сегодня же откажусь, хотя и самъ безъ куска хлѣба останусь...

— Кусокъ хлѣба!.. наплевать мнѣ на кусокъ хлѣба!.. Чортъ съ нимъ съ кускомъ хлѣба! Тутъ дѣло не въ хлѣбѣ, тутъ другое... Тутъ мой трудъ, моя книга!.. Я пишу книгу, полезную книгу, я пишу... ключъ къ Марго.

— Вы пишете ключъ къ Марго?—вскричалъ Рапопортъ.

— Да! Я больше года уже работаю, это будетъ очень полезная книга! Я бы скоро кончилъ ее.

Мѣсяца три, четыре... а тутъ мнѣ школу закрываютъ.

„Да что это оавъ съ ума сошелъ, или такъ просто олухъ такой ужъ необыкновенный?“ — думалъ Рапопортъ и съ смущеннымъ видомъ смотрѣлъ на Саула Ароновича.

— Ключъ? Къ Марго ключъ? — переспросилъ онъ.

— Да. И если бы не это несчастье, я бы черезъ два мѣсяца его окончилъ...

— Но нѣдь... послушайте... что вы дѣлаете? Вѣдь ключъ къ Марго уже написанъ.

— Какъ! Что ны сказали?!

Глаза у Саула Ароновича стали соннымъ безумные.

— Я сказалъ... да вы успокойтесь... я ничего... я сказалъ только... мнѣ такъ казалось, что ключъ такой уже существуетъ.

Саулъ Ароновичъ несъ побѣлѣлъ, но въ замутиншемся умѣ его мелькнула догадка: „занидуеть, проклятый! Меламедскій наемникъ“.

— Вы прете!—гаркаулъ онъ не своимъ голосомъ и затоналъ ногамн.—Ключа нѣтъ! Вы мнѣ врагъ! Вы смѣтаете аадо мной! Вы доносъ написали, ны ябедаикъ, доносчикъ! Вы подлець!

Лицо у Рапопорта судорожао задергалось.

— Я доноса не писалъ,—силясь быть спокойнымъ, сказалъ онъ:—вы это потомъ поймете. А

ключъ есть. Зачѣмъ мнѣ васъ обманывать? Вотъ онъ.

Рапортъ взялъ съ окна тоненькую, желтую брошюрку и бросилъ ее на столъ.

— „Ключъ къ учебнику французскаго языка Марго“,—прочелъ Саулъ Ароновичъ, и въ глазахъ, у него потемнѣло.

— „Ключъ къ учебнику французскаго языка Марго“,—прочелъ онъ во второй разъ, и колѣни его стали трястись.

Потомъ трястись стало всё тѣло, и мучительный, ноющий холодъ разошелся по всѣмъ его членамъ.

— „Ключъ къ учебнику французскаго языка Марго. Ключъ къ учебн... ключъ къ уч...“.

Съ минуту Саулъ Ароновичъ стоялъ безъ движенія. Потомъ глаза его широко раскрылись и закрылись снова. Потомъ руки его зачѣмъ-то протянулись впередъ и упали. Потомъ онъ повернулся, взялъ шляпу и, шатаясь, пошелъ къ двери. Но на порогѣ онъ остановился, обернулся, посмотрѣлъ на „Ключъ“ пристальнымъ дикимъ взглядомъ и, протяжно, жалобно, точно больное дитя, пролепетавъ „Рапортъ... Рапортъ“,—какъ подкошенный, повалился на полъ...

VII.

Прошелъ годъ.

Саулъ Ароновичъ переѣхалъ на жительство въ Одессу. Бѣдствовалъ онъ тамъ свачала очень сильно, во потомъ вдругъ обстоятельства круто перемѣнились.

На этотъ разъ помогли ему именно „вѣянiя“: въ Одессѣ тоже пристальнѣе началъ првсматриваться къ дѣятельности еврейскихъ школъ и отъ преподававшихъ въ нихъ меламедовъ стали требовать учительскiя свидѣтельства. Такихъ монстръ-меламедовъ со свидѣтельствами, однако-же, не оказалось совсѣмъ, а Саулъ Ароновичъ, въ качествѣ окончившаго раввинское училище, вполне удовлетворялъ требованiямъ начальства. И вотъ на Саула Ароновича вдругъ появился спросъ... Онъ перемѣнилъ только амплуа: вмѣсто „общихъ предметовъ“ сталъ преподавать древнееврейскiй языкъ, и отъ уроковъ не было отбою...

Зажилъ Саулъ Ароновичъ!

Въ короткое время онъ подкормился, приодѣлся и поправился здоровьемъ. Хребетъ у него не выравнивался, правая лопатка по прежнему своевольно торчала совсѣмъ не въ томъ направленiи, въ какомъ слѣдовало бы, во щеки пополнѣли и цвѣтъ лица оживился. Теперь онъ каждый день

обѣдалъ (дна блюда и чашка кофе) и за обѣдомъ ему подавали газету, чистыя салфетки, а въ сильную жару—даже нѣбрь. Ему не приходилось теперь собственноручно стирать, мыть тарелки, полы и горшки: все это осталось въ прошломъ.

Ношеной одежды онъ не покупалъ тоже. Когда ему хотѣлось обогатить своей гардеробъ, онъ отправлялся на Полицейскую улицу, входилъ въ магазинъ и унѣренно требовалъ то, что въ данную минуту было нужно.

— Когда человѣкъ хорошо одѣтъ,—разсуждалъ Саулъ Ароновичъ,—съ нимъ совсѣмъ иначе обращаются. Вотъ, напр., когда я еще только что было прѣхалъ въ Одессу, подхожу я себѣ къ городовому и вполнѣ вѣжливо, какъ слѣдуетъ, спрашиваю: извините, пожалуйста, господинъ городовой, будьте такъ любезны, потрудитесь мнѣ сказать, гдѣ тутъ Приморскій бульваръ? А городовой посмотрѣлъ на меня и крикнулъ, довольно-таки грубо:—тебѣ на Приморскій бульваръ надо? Тебѣ, пархатому, на толчокъ надо!—А отчего? Тогда скрутокъ на мнѣ такъ былъ старый, засаленный. А теперь—хотите! Вотъ я сейчасъ пойду и спрошу дорогу, куда угодно.

Все это было очень хорошо и приятно, но... Саулъ Ароновичъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ.

„Если эти удобства отложить въ сторону,—говорилъ онъ себѣ,—такъ я долженъ признаться, что

вовсе не испытываю ничего возвышеннаго. Вѣдь я же живу, какъ какое-нибудь прозябающее! Ъмъ, пью, ну а дальше что? Какая отъ меня польза чело-вѣку и что это за дармоѣдская жвзнь!.. Дѣтей учу... Ну, это правда. Но вѣдь первый попавшійся еврей можетъ это дѣло дѣлать—какая тутъ съ моей стороны заслуга?

И Саулъ Ароновичъ чувствовалъ огорченіе.

Онъ становился угрюмъ и молчаливѣе... Схо-дилъ раза два въ театръ, въ думу на засѣданія, ва какія-то публичныя лекціи, но и въ театрѣ, и въ думѣ, и на лекціяхъ—ездѣ ему было нехорошо.

„Вотъ я развлекаюсь, — думалъ онъ. — Важныя дѣла дѣлалъ я сегодня!.. Какое теперь мое суще-ствованіе? И чѣмъ я отличаюсь отъ глухого мела-меда... работаю только для своей утробы... И осо-бенно это красно въ настоящее нехорошее время! Въ настоящее время какъ разъ и можно себѣ до-пустить такой образъ жизни!“

А „настоящее время“, дѣйствительно, было черными днями.

То было время жестокихъ погромовъ, дикой газетной травли, общей къ евреямъ ненависти и повсемѣстнаго глубокаго презрѣнія. Смѣтеніе и страхъ царили въ „чертѣ осѣдлости“, в Саулъ Ароновичъ терзался мыслью, что онъ не можетъ ничего сдѣлать.

„Теперь надо работать, но теперь работать

надо же какъ прежде, не вообще для всѣхъ, для всего общества или для просвѣщенія всѣхъ бѣдныхъ посредствомъ „ключей“, а преимущественно для евреевъ. Надо дѣлать что-нибудь такое, что въ эту тяжелую годову было бы полезно еврею, что облегчало бы его страданія, утѣшало бы... Я, конечно, человекъ маленькій, простой муравейчикъ—ну такъ что? Одивъ муравейчикъ, два муравейчика, три муравейчика—и въ общемъ итогъ вырастаетъ цѣлый подземный дворецъ!.. И, кромѣ того, въ самомъ ли дѣлѣ я такой уже муравейчикъ? Вотъ же я написалъ было трудъ! Къ счастью, онъ вышелъ запоздалымъ, но это уже случайность... Я могъ написать и другой трудъ... Я могу... И напишу, и онъ будетъ полезенъ моему народу...”

Весь вопросъ, вся трудность для Саула Аровича заключалась въ томъ, чтобы ныяснить себѣ, что именно требуется еврею въ данную минуту, и что онъ для него можетъ сдѣлать.

— Чего собственно отъ насъ хотятъ?—раасуждалъ онъ:—за что такъ ненавидятъ? „Жиды мошенники“! Здравствуйте! Только жиды мошенники? А среди русскихъ мошенниковъ нѣтъ? Вездѣ есть мошенники, вездѣ есть и честные люди... Они говорятъ, что наша религія жестока, наша мораль вредна. Наши традиціи, будто бы, безнравственны. И почему говорятъ? Потому, что насъ же звають

Пусть узнают, и мнѣніе о насъ сразу переѣмнит-ся... Чѣмъ наша мораль такъ отличается отъ дру-гихъ? Мораль одна!.. Взять, на примѣръ, пословицы. Что такое пословица? Пословица есть, такъ ска-зать, показатель народной мудрости... Такъ! Но и народной морали тоже... „Хлѣбъ соль ѣшь—правду рѣжь“. „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“. „Лѣ-ность—мать пороковъ“... Теперь посмотрите, что выходитъ: выходитъ, что каждая русская посло-вица имѣетъ себѣ подходящую и на древнееврей-скомъ языкѣ. Ожидали вы этого?.. И что же отсюда слѣдуетъ? Показатели морали равны, значить и самыя морали равны. Это же ясно, ясно матема-тически! И этого никто не зналъ, и никто объ этомъ не думалъ... Теперь предположимъ, что су-ществовалъ бы сборникъ русскихъ пословицъ и параллельно соответствующихъ имъ древнееврей-скихъ? Имѣло бы это значеніе? А если бы еще вдобавокъ — и французскія, и нѣмецкія!.. Боже мой!..

Добравшись до этой мысли, Сауль Ароновичъ весь просвѣтлѣлъ.

— Замѣчательно! Необыкновенно плодотворная идея!!

И съ того же вечера онъ засѣлъ за новый „трудъ“.

Онъ началъ составлять сборникъ подъ назва-ніемъ „Мораль въ пословицахъ іудеевъ и хриси-“

анъ, или параллельный сборникъ поученій, прибаутокъ и поговорокъ съ точки зрѣнія сравнительной нравственности“.

— Такъ, такъ, — въ радостномъ волненіи говорилъ онъ: — это будетъ замѣчательнѣйшая квива! И попадетъ въ самый цевтръ вопроса!.. Если васъ бьютъ, то развѣ оттого, что они злые люди? Разбойники? Душегубы? Совсѣмъ вѣтъ!.. У русскаго человѣка — сердце золотое. Но только русскій человѣкъ насъ ве зваеть. Тутъ одно прискорбное ведоразумѣіе, которое необходимо разсѣять!.. И мой сборникъ поможетъ этому!.. Овѣ разсѣеть предразсудки!.. Овѣ откроеть окна и пустить свѣтъ!.. И все станетъ ясно, и всѣ увидяать!.. Боже мой, какъ это просто!..

VIII.

Отъ другихъ смертыхъ Саулъ Арововичъ въ ту пору отличался тѣмъ, что почти вовсе не спалъ.

Сборникъ написать надо было какъ можно скорѣе: потребвость въ вемъ была жгучая, и онъ просиживалъ вадъ книгой вочи вапролетъ.

А писать эту кннгу было вемвожечко потруднѣе, чѣмъ ключъ къ руководству Марго. Нужно было множество матеріаловъ и источвиковъ, и Саулъ Арововичъ вакупилъ и выписалъ изъ Петербурга и Парижа цѣлый ворохъ какихъ-то диковив-

ныхъ, никому вевѣдомыхъ, виковгда никѣмъ вевиданныхъ сборниковъ и христоматій, и весь съ головой ушелъ въ ихъ штудированіе и комментированіе.

Онъ обшарилъ всѣ имѣвшіяся въ городѣ бібліотеки и проникаль къ частнымъ лицамъ, у которыхъ расчитываль вайти книги или „вообще матеріалы“; вѣдра публичной бібліотеки онъ раскапываль съ такимъ увлеченіемъ, что завѣдующаго ею господина, сорокъ пять лѣтъ сидѣвшаго на своемъ посту и издавнаго всякіе виды, приводилъ и въ изумленіе, и въ уныніе. И потомъ—когда всего этого Саулу Ароновичу показалось мало—онъ оставилъ всѣ свои уроки и ва три мѣсяца уѣхаль въ Варшаву, гдѣ „интересные документы“ мѣжво было вайти въ изобиліи.

— Богъ дастъ, и мѣ таки удастья инести струю умиротворенія и содѣйствовать иаступленію лучшей эры... Вотъ, напрімѣрь, они ругають вашъ талмудъ. А знаютъ-ли они талмудъ? Какія въ вемъ глубокія, замѣчательныя изреченія! И что же таки они скажутъ, когда я докажу, что всѣ до одвого поученія Владиміра Мовомаха совпадаютъ съ повелѣніями талмуда? Это, признаюсь, будетъ любопыти! Мало того! Я докажу, что и безиравственныя пословицы — тоже схожи у насъ и у нихъ. „Своя рубашка ближе къ тѣлу“. „Стыдъ не дымъ, глаза не выѣсть“, „Каждый за себя, Богъ за всѣхъ“.

Пусть они не думаютъ, что это только у нихъ: у насъ это тоже есть... Есть, есть! И въ хорошемъ, и въ дурномъ нроды сходны между собою!.. И, звучитъ, къ чему враждв? Къ чему ожесточеніе? Должевъ быть миръ! Должвв быть любовь! И я послужу съ своей стороны дѣлу этой любви!

Каждая страницъ, каждая строка сборникъ стоилъ Саулу Ароновичу мучительнаго, чисто вторжнаго труда: страницъ въ книгѣ предполаглось триста, да къ нимъ предисловіе, дв вступленіе, да, можетъ быть, и пояснительное слово „къ свисходительному господину читателю“,—но всѣ эти трудности его только радовали.

— „Rien roug rien“!—говорилъ онъ: въ ту пору онъ и говорилъ, и думалъ почти одиѣми пословицами.—Пожнешь то, что посѣешь, а товаръ всегда бываетъ по цѣнѣ...

Въ работѣ этой прошло около пятнадцати мѣсяцевъ и потомъ, когда сборникъ сталъ близиться къ окончвнію, Суулъ Ароновичъ принялся искать издвтелей.

Но здѣсь случилось нѣчто несдыханное и даже совершенно невѣрвтное.

Иадатели воздавали должное трудолюбію и таланту Суулъ Ароновичъ, говорили, что сборникъ его—прекрвсное сочиненіе, которое невѣрное искоренить множество печальныхъ недоразумѣній; признавали и то, что разсѣять эти недорвзумѣнія слѣ-

довало бы давнымъ давно, но печатать книгу, за всёмъ тѣмъ, соглашались не иначе, какъ на его счетъ, и при томъ еще — непременно за наличныя деньги.

— Да гдѣ же я возьму такія деньги?— съ тоской восклицалъ Саулъ Ароновичъ:— вѣдь я бѣднѣкъ! нищій!

И онъ бросился къ богачамъ-евреямъ.

— Вѣдь эта книга — моя книга! Вѣдь она общее достояніе народа! Для себя я ничего не требую, ни копѣйки! Пусть даже не печатаютъ кто авторъ, это неважно. Но издать книгу, такую книгу необходимо! Это же очевидно, не можетъ же быть, чтобы этого не поняли!

Этого, однако, не поняли!..

Не поняли, и „Морали въ пословицахъ“ издавать не хотѣли.

Тогда Саулу Ароновичу пришла въ голову блестящая мысль; онъ вспомнилъ о вознесенскомъ просвѣщенномъ обывателѣ, о господинѣ Цыпоркесѣ...

— Здѣшніе богачи — эгоисты... А господинъ Цыпоркесъ — человекъ простой, безхитростный и великодушный. Онъ мнѣ поможетъ! Ему я и посвящу этотъ трудъ, „издаваемый великодушнымъ иждивеніемъ вознесенскаго второй гильдіи купца Іоакима Бернардовича господина Цыпоркеса“. О, да! Онъ мнѣ поможетъ!

И Сауль Ароновичъ принялся составлять письмо къ Иоакиму Бернадовичу.

Прежде всего онъ воздавалъ обильную хвалу нечеловѣческимъ заслугамъ вознесенскаго второй гильдии купца, изумительнымъ свойствамъ его ума и сердца. Затѣмъ рѣчь пошла о прошломъ и будущемъ еврейства. Затѣмъ о важномъ значеніи „Сборника“. Затѣмъ, распространившись насчетъ лестныхъ отзывовъ о сборникѣ со стороны „самыхъ выдающихся господъ писателей города Одессы, равно какъ и отъ вмени ученыхъ профессоровъ“, Сауль Ароновичъ ясно и съ благородною краткостью изложилъ, чего собственно ему надо отъ господина Цыпоркеса.

„Задачи всеобщаго умиротворенія такъ плодотворно-прекрасны, а интересы еврейства всегда были вамъ такъ дороги, и на дняхъ еще только прочелъ я въ газетахъ, что вы избраны почетнымъ попечителемъ мѣстной больницы, а потому я увѣренъ“... и т. д., и т. д.

Увы! Иоакимъ Бернадовичъ обманулъ лучшія ожиданія Саула Ароновича, и на свое письмо Сауль Ароновичъ не получилъ отвѣта...

IX.

— Что-жъ дѣлать? Это таки въ высшей степени плачевно,—вздыхая, говорилъ Сауль Ароновичъ:— въ этомъ все наше несчастье! Современное еврей-

ство очевь опустилось, и грубо-эгоистическіе интересы теперь для него являются доминирующимъ факторомъ. Но что же, однако, отсюда вытекаетъ? Вытекаетъ то, что работать для его пробужденія надо съ нящимъ стараніемъ...

Дни между тѣмъ шли за днями. Вражда къ евреямъ не ослабѣвала. Ихъ били то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, ввели процентное отношеніе въ гимназіяхъ, въ университетахъ, ихъ выселяли изъ селъ и деревень, ограничивали ихъ права во всѣхъ областяхъ, а „Мораль въ пословицахъ“ все оставалась неизданиой.

— Господи! да что же я за болванъ!—вскричалъ какъ то разъ Сауль Ароновичъ, осѣненный новой идеей:—да на какого мнѣ чорта всѣ эти богачи? Развѣ я не справлюсь безъ ихъ? Не понимаю, гдѣ была моя голова...

И съ этого дня онъ повелъ свою жизнь совсѣмъ на особый ладъ. Онъ пересталъ топить комнату, пересталъ обѣдать, пересталъ пользоваться конкой.

— Цѣлую комнату мнѣ надо?.. Такой я въ самомъ дѣлѣ великій баринъ, что мнѣ надо цѣлую комнату! Видѣлъ я такую роскошь у моего отца?..

Онъ нашелъ себѣ уголь въ подвалѣ и сталъ жить совсѣмъ по-нищенски.

Уроковъ же набралъ столько, что работать

приходилось до полного изнеможенія.. И всё заработанныя деньги онъ относилъ въ сберегательную кассу.

— Издатель?.. На что мнѣ издатель? Я самъ себѣ издатель!—съ побѣднымъ видомъ говорилъ онъ:—зачѣмъ мнѣ кланяться этимъ богачамъ? Независимость—высшее благо на свѣтѣ!

И на душѣ у него было радостно и свѣтло, и онъ весело и съ вѣрой смотрѣлъ будущему въ лицо...

Прошло мѣсяца четыре.

Позвоночникъ у Саула Ароновича еще больше уклонился отъ обычной своей формы, правая лопатка еще выше полѣзала къ темени и кашель сталъ являться чаще, кашель сухой и короткій... За то въ сберегательной кассѣ капиталъ Саула Ароновича росъ да росъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ воображеніи автора зарождались новые планы. Возникалъ проектъ „Назидательныхъ и правдивыхъ разсказовъ изъ еврейской старины“. Но это еще что! Это въ видѣ роздыха. Это легкое чтеніе, вродѣ романа. Гораздо важнѣе „Толковый Указатель“—капитальный трудъ по еврейской библиографіи... О, да! Это самая необходимая книга, даже болѣе необходимая, чѣмъ „Сборникъ пословицъ“!. И именно за нее Саулъ Ароновичъ и взялся, отложивъ другія.

Надъ „Толковымъ Указателемъ“ онъ работалъ

такъ, какъ не работалъ никогда, ни надъ ключомъ, ни надъ сборникомъ: судорожно, съ жадностью, съ упоеніемъ, съ ожесточеніемъ, забывая себя, забывая весь міръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на скривившійся окончательно хребетъ, ни на усилившіяся ночные поты...

И всего черезъ одиннадцать мѣсяцевъ книга была готова.

— Теперь—издавать!—сверкая глазами, носклипалъ Саулъ Ароновичъ.—Издавать! Печатать!

Онъ взялъ изъ сберегательной кассы всѣ свои деньги и отправился по типографіямъ.

X.

— Хорошее питаніе, чистый воздухъ, отдыхъ— все то же!.. И ничего новаго я вамъ не скажу,—говорилъ докторъ:—вотъ весна началась, поѣзжайте куда-нибудь въ деревню, пейте молоко, питайтесь получше, дышите, грѣйтесь на солнцѣ—вотъ все ваше лѣченіе.

— А крѣпко я боленъ? опасно?—спросилъ Саулъ Ароновичъ.

— Опять?... Ну, что ны все спрашиваете? На что это намъ? Ну—„крѣпко“, ну—„опасно“... Дѣлайте, что говорятъ, и выздоровѣете. А я вамъ и въ прошломъ году говорилъ, и шесть мѣсяцевъ тому назадъ повторялъ, и теперь долблю: устройтесь въ

деревнѣ, устройтесь въ деревнѣ! Вы не слушаетесь и все только спрашиваете.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, господинъ докторъ! Теперь уже я васъ слушаюсь,—съ радостной, мягкой улыбкой, весь свѣтясь, сказалъ Сауль Ароновичъ: раньше такъ я такъ не могъ, а теперь уже иначе, теперь я поѣду! Вотъ увидите,—поѣду.

— Отчего мнѣ теперь не поѣхать?—разсуждалъ онъ потомъ:—корректурные листы, слава Богу, уже у меня, денегъ немножечко тоже осталось...—таки поѣду, таки-поправлюсь вемножко. И лучше всего—я поѣду себѣ въ Вознесенскъ и тамъ, въ деревнѣ, найму у мужика хату и буду жить. Тамъ все дешево, молоко, яйца!... есть сады...

Черезъ недѣлю онъ уже былъ въ Вознесенскѣ и, сидя въ заплыванномъ номерѣ „Столичной гостиницы“, говорилъ служителю:

— Принесите мнѣ кипятку и пару яицъ. А паспорта вамъ моего не нужно: я завтра же нанимаю себѣ въ деревнѣ хату. Вы, часомъ, не знаете такого мужика, который сдавалъ бы хату? И чтобъ съ садомъ была?

— Я пошукаю,—отвѣтилъ служитель.

Сауль Ароновичъ чувствовалъ себя утомленнымъ и прилегъ: „мнунточку передохну“.

Кололо его въ груди, жарко было глазамъ и въ головѣ что-то мутилось и жгло...

Прошло съ полчаса, а чаю своего онъ не пилъ.

— Ужь лучше я теперь посплю,—рѣшилъ онъ,—а чай выпью послѣ.

Но уснуть онъ не сумѣлъ. Жаръ усиливался, и все звонче становился шумъ въ ухахъ.

— Который изъ Адессы пріѣхавши, чиновникъ этотъ, что-ли, такъ онъ что-то неадоровъ,—доложилъ служитель хозяйкѣ гостиницы, брюхатой, огромнаго роста женщинѣ, съ выпучеными рыбьими глазами и славными, золотистаго оттѣвка, усами.

Та пошла въ номеръ взглянуть на Саула Арононча и, увидѣвъ его пылающее лицо, сильно заволновалась.

— На что это мнѣ?.. Не надо мнѣ больнаго жильца. Онъ можетъ помереть... Иди скорѣе до пристава, нехай его возьмутъ у больвицу..

На утро Саула Ароновича отвезли въ больницу.

Когда его, поддерживая подъ оба локтя, вводили въ палату, одинъ изъ больвухъ, высокій, сѣдобородный старикъ, пристально сталъ въ него вглядываться. Потомъ старикъ вдругъ сильно заволновался, закашлялъ и, уцѣпившись руками за матрацъ, привсталъ.

— Это... это... это ны?—испугавно прохрипѣлъ онъ.

Саулъ Ароновичъ отвѣчалъ тихимъ, долгимъ стономъ.

— Это ны?.. ны сюда пріѣхали?.. Опять пріѣхали?..—сильнѣе волнуясь, хрипѣлъ старикъ.

Сауль Ароновичъ, по прежнему, тихо стоялъ.

— Вы прѣехали?.. Вы будете открывать классъ?!...
И глухой меламедь—это былъ онъ—залился долгимъ, сильнымъ кашлемъ.

Потомъ онъ слабо всплеснулъ руками и понахилился на подушку.

Съ обѣихъ коекъ въ некоторое время раздавались глубокіе, протяжные стоны.

XI.

На другой день Саулу Ароновичу стало нѣсколько лучше, и онъ сѣлъ на кровать.

— Такъ это совсѣмъ правда, что вы не будете открывать здѣсь школы?—въ десятый разъ спрашивалъ его меламедь.

— Школа!..

Сауль Ароновичъ снисходительно улыбнулся.

— Конечно, не буду! Я-жъ вамъ говорилъ. Я сюда только затѣмъ прѣехалъ, чтобы поправиться. Чуть поправлюсь—сейчасъ опять за работу... На что мнѣ теперь школа, скажите сами! Теперь уже совсѣмъ не то, что было когда-то.

Тутъ мелаведу вспомнились [всѣ подробности того, что было „когда-то“, вспомнился доводъ, и ему стало нехорошо.

— Э, что было, то было... Ну! я-таки тогда... я

намъ пофредилъ... но—это не я... Ну, что дѣлать...
когда семейстно... когда дѣти...

— Ай, да все это пустяки! Зачѣмъ вспоминать!..
Да и кромѣ того, намъ тогда изъ-за меня тоже не
мало горя было.

— Когда ны не знаете, что такое нужда, что та-
кое дѣти...

— Да, ей-Богу-же, бросьте ны это. Было, не
было—что тутъ вспоминать?.. Хотите, можетъ быть,
апельсинъ?

Меламеда не переставая мучила тошнота. Гуя-
кій кашель рвалъ его ннутренности, и въ пере-
сохшемъ рту стоялъ отвратительный терпкій вкусъ...
На апельсинъ овъ смотрѣлъ съ жадностью, во взять
его не рѣшался. Онъ моячалъ и слабо улыбался
жалоствой, дѣтской улыбкой.

— Возьмите же!

Сауль Ароничъ сползъ съ койки и, цѣ-
пляясь за стѣну, повесъ старику апельсинъ.

Потомъ онъ опять съ ногамн взобрался на по-
стель, нытащилъ изъ подъ подушки корректурные
листы „Указателя“, разложилъ ихъ на колѣняхъ н,
задумавшись, сталъ смотрѣть въ раскрытое окно.

День стоялъ чудесный—теплый, свѣтлый. Ши-
рокій больничный дворъ, обнесенный ветхимъ, по-
валившимся нъ темные кусты колючекъ забори-
комъ, весь покрытъ былъ молодой транкой и жел-
тыми одуванчиками, и только нъ одвомъ углу тя-

нулась длинная, раскопанная подь огородь, полоса. Лопата была брошена на ен черный бархатъ и, какъ стекло, горѣло на солнцѣ отполированное о землю желѣзо. Нѣсколько старыхъ деревень, съ узловатыми мшистыми стволами стояли нъ разныхъ мѣстахъ. У самой стѣны больницы, посылая длинная, обсыпанная бѣлымъ цвѣтомъ вѣтви въ растворенное окно, почти лежала разбитая молніей, но еще живая яблоня. Въ голубой лужѣ, подлѣ нея, дѣловито крикая, присѣдала пара жирныхъ, бѣлыхъ утонь, и куры съ красными, какъ пламя, гребнями ходили по травѣ, надавая то особенное клохтаніе — изволнованное и пѣвучее, — которое можно слышать только весной, въ пору нѣги и любви...

— Все это природа, — подумаль Саулъ Ароновичъ. — Отчего это и никогда не интересонался природой? Между тѣмъ, она такъ прекрасна. Когда, напримѣръ, наработаться, утомиться и потомъ обратиться къ божественному лону природы, то таки получаешь огромное наслажаеніе... неопнсуемое... Вотъ этотъ, напримѣръ, воздухъ... куры... травка...

И его идругъ охватило желаніе нйти на эту транку, лечь на нее, нарвать ее полными пригоршнями и положить къ себѣ за пазуху, на грудь... Но внйти ему нельзя было — да онъ бы и не могъ — и онъ только приподнялся повыше и оперся руками на подоконникъ.

Такъ онъ сидѣлъ въ солнечномъ пятнѣ, молча, неподвижно, съ „Указателемъ“ въ рукахъ, весь въ бѣломъ, весь облитый и обласканный теплымъ сіяніемъ весенняго утра... Съ выраженіемъ нививнаго изумленія, онъ широко, по дѣтски, рвсверль глаза и, притаивъ дыханіе, смотрѣлъ въ распахнутое окно, на старый заборикъ, на деревья, на небо.

Двѣ ласточки, съ шумомъ и крикомъ, швращались вдругъ на яблоню, гибкія вѣтви ея сильно качнулись, бѣлые лепестки цвѣта беззвучно заколыхались въ неподвижномъ воздухѣ и тихо осѣли на койкѣ Саула Ароновича и въ его бородѣ. Онъ слегка вздрогнулъ, и ему вдругъ сдѣлалось какъ-то необыкновенно хорошо и тепло. Ему было тепло отъ солнца, которое стояло тмъ, въ далекой глубинѣ небесной лазури, и еще теплѣе отъ другого солнца — отъ большихъ корректурныхъ листовъ, которые все крѣпче сжималъ онъ своей костлявой рукой... Эти два солнца согрѣвали его и извѣ, и изнутри, согрѣвали, нѣжили, ласкали и переполняли его сердце могучимъ, походившимъ на какое-то странное удушье чувствомъ умпленія и счастья...

Онъ вздрогнулъ опять, головв у него тихо зв-кружилась, слабая улыбка заигрѣла на губахъ, и въ глазахъ, обращенныхъ къ небу и отрвжввшихъ небо, заискрились слезы...

ХП.

— Божественная вещь — природа, — обратился онъ, нѣсколько погодя, къ меламенту: — какой сегодня день! Свѣтъ, тепло...

— Да, слава Богу... больше уже не надо будетъ топить.

— Это помимо, а такъ, просто — какъ великолѣпно!.. Транка, воздухъ... Въ большихъ городахъ всего этого новсе не видишь. Тамъ все мостовая, дома... Природу наблюдать можно только въ маленькомъ городкѣ. Ужасно какъ я люблю природу.

— А... а... вы все-жъ таки не останетесь здѣсь? — съ жиностью спросилъ меламентъ, и опять въ глазахъ его появилось безпокойство.

— Здѣсь? Да что же я здѣсь буду дѣлать, скажите сами! Какъ вы этого не понимаете! Что я тутъ буду дѣлать? Дѣтей „буки азъ ба“ обучать? Для этого развѣ я живу на свѣтѣ?

— Но вамъ же вадю кушать, — сказалъ старнкъ, поворачивая въ рукахъ апельсинъ и любуясь имъ.

— Ну, такъ что? Такъ я и буду жнть для того, чтобы кушать? Для этого таки и жинеть человекъ на свѣтѣ?

Саулъ Ароновичъ проворно понернулся.

— Ну, скажите вы мнѣ, мнѣ таки это чрезвычайно интересно знать, какъ по вашему, — для чего жинеть человекъ на свѣтѣ?

Меламедъ отложилъ апельсинъ въ сторону и задумчиво посмотрѣлъ на Саула Ароновича.

— Вотъ тебѣ новсе новости!.. Когда человекъ родился, такъ онъ долженъ жить. А что ему дѣлать? Пока Богъ даетъ дни—надо жить...

— „Надо жить, надо жить“! И разбойникъ живетъ, который людей рѣжетъ, и Спиноза тоже живетъ... А *какъ* жить? Вотъ что я спрашиваю.

— Какъ жить? Жить, какъ Богъ велѣлъ. Надо жить честно.

Саулъ Ароновичъ махнулъ рукой и нахмурился.

— Ахъ, нѣтъ! Это еще не то! Я спрашиваю— для чего надо жить? То есть для чего неизменно человеку дана жизнь?

Онъ оперся рукой о койку, корпусомъ подаваясь впередъ и со строгимъ видомъ уставился на меламеда. Меламедъ уставился на него.

— Я не понимаю, что это такое вы спрашиваете? Человеку жизнь дана отъ Бога, а для чего— это не наше дѣло. Этого мы знать не можемъ.

— Какъ „не можемъ“! Что такое „не можемъ“! Нѣтъ, мы можемъ! Мы можемъ и знаемъ!

И вдругъ, придавъ своему голосу особенную торжественность, Саулъ Ароновичъ не сказалъ, а пропѣлъ:

— Человеку жизнь дана для того, чтобы быть полезнымъ. Человеку жизнь дана для того, чтобы помогать жить другимъ! Вотъ!

Старн къ посмотри́ль на Саула Ароновича, по томъ посмотри́ль на аельсинъ и, не сказавъ ничего, молча сталъ снимать съ него кожу.

— А иначе-же, — съ возраставшей горячностью продолжалъ Саулъ Ароновичъ: — а иначе же зачѣмъ вовсе жить? Зачѣмъ человѣкъ? Иначе же человѣкъ бесполезенъ. А когда онъ бесполезенъ, значить, онъ пятое колесо! Значить — хотъ снимн его, хотъ брось въ оговъ — все равно! Что, это неправда? Можеть быть, это неправда?

Онъ смотре́ль на меламеда вызывающе, почти дерако. А меламедъ такъ туго набилъ ротъ апельсинномъ, что отрѣзалъ себѣ всякую возможность отвѣта. Онъ только промычалъ что-то сдавленнымъ голосомъ.

— Что, это лестное положеніе — пятого колеса? Весьма благородное?.. Вотъ, напримѣръ, теперь — евреевъ бьютъ, преслѣдуютъ, а мы, значить, такъ себѣ, будемъ себѣ жвть каждый для себя и безъ всякй общественной пользы?.. Отлично! Чтобъ мы, значить, не имѣли чувства общей солидарности, ве имѣли бы сногого самосознавія, не отдавали себѣ отчета въ томъ, чтѣ мы, и какъ мы, ве писали бы полезныхъ сочивеній, ничего! Чтобъ, однимъ словомъ, вездѣ были потемки, шкурный эгоизмъ и только своя утроба? Такъ вовсе?.. Вонсе мы не можемъ знать, для чего намъ дана жизнь? О-о-отличное дѣло! За-амѣчательное дѣло!.. Только мвѣ, — пов-

вольте вамъ сказать,—это отличное дѣло всегда казалось неподходящимъ. И таки оттого я всегда стремился получить соответственное образование, чтобы потомъ учить другихъ... А составлять полезныя книги—это высшая степень учительства.

Меламедъ къ этому времени успѣлъ освободить свой ротъ отъ апельсина и сказалъ:

— Если хорошая книга, такъ она много стоитъ.

— И вы думаете, что когда „Сборникъ“ и „Толковый Указатель“ уже написаны, такъ это уже все, такъ уже ничего не осталось дѣлать? Ну нѣтъ, найдется еще и еще!.. Я же, слава Богу, не такой старый... вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?.. Мнѣ всего сорокъ четыре года—и я же не калѣвка тоже! я еще могу поработать... Конечно, когда я былъ заброшенъ въ эту дыру, въ этотъ Вознесенскъ, у меня не было ни пособій, ни матеріаловъ... А въ Одессѣ! Въ Одессѣ, слава Богу, все есть, рѣшительно все, что мнѣ надо:

— Адессѣ! Что это—игрушка Адессѣ?—почти-точно согласился старикъ.

— И теперь у меня есть совершенно оригинальный планъ одного несъма замѣчательнаго и важнаго сочиненія. Оно имѣетъ самый обширный и всезахватывающій интересъ, и главное— оно касается всѣхъ: какъ евреевъ, такъ равно и русскихъ.

И онъ сталъ объяснять планъ этого понаго со-

чиненія,—но съ такими умячаніями и хитрыми упущеніями, что меламедь, ви въ какомъ случаѣ, не сумѣлъ бы предвосхитить его идеи.

— Что-жъ вы думаете?—задумчиво проговорилъ старикъ:—когда кто нибудь можетъ дѣлать добро, такъ это таки большое счастье. Это таки благословеніе отъ Бога... Только что, какъ вы теперь больной, то вамъ трудно.

— Э, больной, больной!.. Такъ что съ того, что больной? Сегодня боленъ—завтра здоровъ... А если кто сегодня здоровъ, такъ онъ у Бога квитанцію получилъ, что всегда будетъ здоровъ?.. Нечего къ себѣ прислушиваться!.. Надо себя отложить немножечко въ сторону—вотъ и все.

— А все же таки, вамъ же трудно..

— Трудно? А что, скажите, пожалуйста, легко?! Когда я вачалъ учиться читать по русски и, какъ болванъ, въ словарѣ искалъ „красиваго“—мнѣ было легко? Въ словарѣ нѣтъ „красиваго“ Въ словарѣ есть „красвый, красильщикъ, краски“, а „красиваго“ нѣтъ. Я чуть объ стѣну головой отъ горъ не бился, а спросить не у кого было—это легко?.. Потомъ, конечно, я уже узналъ, что читать надо вовсе не красиваго, а красиваго, и что искать въ словарѣ надо „красивый“. И это все, позвольте вамъ сказать, вовсе ве легко.. А съ жевой развестись легко!.. Мевя жевили, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и хотѣли, чтобъ я былъ рѣзникомъ. А я

убѣжалъ въ Житомиръ учиться и женѣ послалъ разводъ. Я жену любилъ и уже имѣлъ отъ нея ребенка... Такъ вы полагаете, разводиться мнѣ легко было?... Отнюдь нѣтъ! Трудно, даже очень трудно... Только вѣчего на это смотрѣть!.. „Трудно, мнѣ трудно“... А другому еще труднѣе... Нечего себя выдвигать впередъ! Надо себя отклонить немножечко въ сторону, такъ и не будетъ никакого трудно...

Бесѣда, прерываясь стономъ, кашлемъ и кряхтѣніемъ, тянулась довольно долго.

Потомъ въ больницѣ поднялась суматоха: пріѣхалъ почетный попечитель — господинъ Цыпоркесть.

Онъ, за эти годы, разросся до размѣровъ небольшого буйвола, отростилъ восхитительныя баки, сталъ носить бѣлыя жилеты, — вообще, видъ принялъ необыкновенно джентльмэнскій. Потомъ, однако-же, разило отъ него еще сильнѣе, чѣмъ въ прежнія времена.

— Ого! вы вовсе издѣсь! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ Саула Ароновича: — а вы же, кажется, въ Адессѣ что-то въ очень высокія окна попали? Пасатель стали! Что-то вы мене просили тогда, голова дурили, какія-то присловици чѣ што?

— „Сборникъ пословицъ“, — торжествующе сказалъ Сауль Ароновичъ. — Кромѣ того, я еще „Указатель“ составилъ.

— Совсѣмъ „Аказатель“ уже? Какой „Аказатель“?

— Вотъ, посмотрите.

Сауль Ароновичъ протянулъ ему оттискъ.

„Толковый, справочно-библіографическій и статистическій указатель еврейскихъ и касающихся еврейства книгъ за послѣднее десятилѣтіе, съ приложеніемъ объяснительныхъ характеристикъ главнѣйшихъ изъ нихъ“,—прочелъ господинъ Цыпоркесъ.

И почтительное изумленіе изобразилось на его толстомъ лицѣ.

Онъ перевернулъ листы, посмотрѣлъ на нихъ съ другой стороны, пощупалъ бумагу, перевернулъ опять...

— Это вы написали эта книга?

— А то кто же? Читайте дальше.

Сауль Ароновичъ всталъ. На немъ была полотняная рубаха, слишкомъ просторная, съ длинными рукавами и разрѣзомъ до середины жинота, коротенькіе подштанники и чулки, сшитые изъ полотна. Онъ вставлялъ ноги въ огромные башмаки безъ задковъ, набросилъ на плечи полосатый халатъ и съ счастливой, довѣрчивой улыбкой ласково смотрѣлъ господину Цыпоркесу прямо въ глаза.

„Составилъ преподаватель казеннаго еврейскаго училища Сауль Ароновичъ Перець“,—дочиталъ Цыпоркесъ.

И выраженіе лица его сразу измѣнилось.

— Пхе! Важное дѣло!—онъ бросилъ отгискъ на койку.—Слышали вы сторію... — пасатель! А штаны, господинъ пасатель,—ежели васъ спросить по совѣсти,—у васъ есть?

Сауль Ароновичъ не понялъ вопроса и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Цыпоркеса.

— Прежде всего, братника мой, надо имѣть штановъ.—Цыпоркесъ потрепалъ Саула Ароновича по плечу,—а когда штаны уже имѣешь, такъ тогда уже можно себѣ быть и пасатель.

И, сопровождаемый пріятно кихикавшимъ фельдшеромъ и служителями, онъ направился къ дверямъ.

Сауль Ароновичъ вдругъ замигалъ глазами, покачнулся и грузно опустился на койку.

— Вввв... началъ было онъ, но въ груди его встала какая-то перегородка и дыханіе сперло. Онъ вцѣпился пальцами въ одѣяло и крѣпко сжалъ его. Глаза его раскрылись широко и налились влагой.

— То есть насчетъ пасатели ми уже немножечко видалъ,—громко объяснялъ въ сѣняхъ своей свитѣ господинъ Цыпоркесъ:—ми уже хорошо знаемъ, каково это товаръ. Этой пасатели, такъ они, какъ собаки, десять за одинъ...

— Сауль Ароновичъ!—закричалъ вдругъ мела-медъ:—не обращайтесь вниманія!.. Не слушайте!.. Онъ

же хамъ!.. Онъ же скотъ! Развѣ онъ понимаетъ, что твое ннига!.. Мурло твое, мазепа! Кровь пить, людей мучить—это его дѣло... Не смотрите на него, даже въ его сторону не смотрите, Саулъ Ароновичъ, я васъ прошу!...

Зубы у Саулъ Ароновичъ разжались, и онъ тихо, съ какой-то странный икотой, пробормоталъ:

— Онъ всегда меня унижалъ... Онъ всегда надо мною низко глумился.

— Твкъ же онъ нивче не можетъ!.. Это-жъ твоей подлый характеръ! Не обращайтесь на него внимнѣя, я васъ прошу, я васъ очень прошу!.. Что онъ передъ вами? Хамъ, мурло. Только что у него деньги есть, но онъ же грубиянъ. Что это,—господинъ Тейтельбумъ? Докторъ Лившицъ? Образованный, порядочный человекъ?... Хамъ, кровопийца! Что онъ говорить, что собака брешетъ—все равно.

Не подымвъ ногъ отъ пола, старикъ добрался кое-какъ до Саулъ Ароновича, укрылъ его, прибралъ на его столкѣ, сѣлъ къ нему въ койку и съ удвоеннымъ жаромъ продолжалъ свои увѣщанія.

Онъ былъ такъ краснорѣчивъ, вргументы употреблялъ такіе неотразимые, что Суулъ Ароновичъ мало-по-малу сталъ остывать и успокаиваться.

— Что жъ,—задумчиво сквзаль онъ:—вы таки правы, отъ господина Цыпоркеса таки нельзя иного требовать.

— Чи я правъ? Ну, конечно! Это же грубиянъ это же неучъ. Такую же синиью воисе трудно найти...

Успокоился Саулъ Арониичъ, успокоился и старикъ и поползъ обратво къ себѣ. Дыхавіе у него сдѣлалось частое и прерывистое, и въ боку колоть стало вестерпиво: пламенная рѣчи ве про-извоются безнаказавно...

XIII.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, пришелъ служи-тель и зажегъ спускавшуюся съ середины потолка лампу. Потомъ овъ сталъ поправлять постель сосѣду Саула Арониича,—однорукому, недавво опериро-ваввому мальчику. Служитель былъ ве въ духѣ и не переставалъ ворчать и ругаться. Онъ драз-вилъ мальчика и злобно тормозилъ его, толкая то на одну, то на другой ковецъ койки. Покончивъ съ постелью, овъ собралъ со столиковъ пустня склявки, кого-то, мимоходомъ, похвалилъ за „справ-вность“, Саула Ароневича спросилъ, почемъ въ вочлежныхъ домахъ берутъ съ писателей, и ушелъ.

Стнхло. Въ палатѣ было холодно, и стояла уду-щливая новь—смѣсь запаховъ іодоформа, ретирада и горькаго дыма, который безпреставно нибивался изъ эмфевидвыхъ, кваякомъ обмазанныхъ трещинъ печки и мутнымъ облакомъ медленво ползъ надъ

кроватямъ. Не говорилъ Викто. Только сдавленное оханіе да унылыя обрывки вечерней молитвы слышались то изъ одного, то изъ другого угла, а въ чернѣвшія стекла, перелетая черезъ широкій больничный дворъ, съ гулкимъ звономъ ударялись, время отъ времени, взрывы трескучаго, дикаго хохота и гнусавыя завывавія сумасшедшаго столяра, котораго премево, впредь до отправленія въ психіатрическую больницу въ Херсонъ, помѣстили въ свободной пока мертвецкой.

Саулъ Ароничъ, до самаго подбородка въкрытый желтымъ войлочнымъ одѣяломъ, долго лежалъ, ве днигаясь, задумчивый и сосредоточенный. Потомъ онъ поднялся на локтѣ и, обратившись къ мелаамеду, спросилъ:

— Вы ве спите?

Тотъ сперва засопѣлъ, заохалъ, потомъ отвѣтилъ:

— Сплю? Ну-ну! Хорошо сплю!.. Я уже три ведѣли ве сплю.

— Зваете, о чемъ я теперь думаю?

— Ну?

— Господниъ Цыпоркесь, вапримѣръ, такъ вѣдь овъ вавѣрвое считаеть, что онъ счастливый человекъ...— вѣтъ?

— Болячки ему ве достаетъ.

— И спросите-ка его, такъ овъ же вавѣрно со

мною помѣняться не захочетъ. А?.. Какъ вы думаете?

— Конечно.

Хитрая улыбка появилась на лицѣ Саула Ароновича.

— Вотъ болванъ!

Онъ легъ опять и задумался.

Сумасшедшій столяръ въ мертвецкой завылъ протяжнымъ, однообразнымъ воемъ, потомъ вдругъ снирѣпо гаркнулъ и залился долгимъ, мучительно-горькимъ рыданьемъ.

— Мама, ой, мама! — нѣ ужасъ застоналъ безрукій мальчикъ и тихо захныкалъ.

— Не бойся, мальчикъ, это ничего, не бойся. Это больной человекъ, — успокоилъ его Саулъ Ароновичъ.

И, высунувшись изъ-подъ одеяла, онъ снова повернулся къ меламенту:

— Я-жъ вамъ скажу, что такое этотъ Цыпоркесъ это называется прискорбная аномалія въ природѣ нравственной сферы человека, ноть что это!

Онъ легъ опять, и по лицу его, горѣвшему лихорадкой, улыбка расплылась еще шире.

XIV.

Утромъ у Саула Ароновича пошла горломъ кровь, и онъ лежалъ синій, холодный, съ закрытыми глазами, когда пришло изъ Одессы, отъ ти-

пографа, письмо съ просьбой присылать скорѣй корректуру.

— А, ну я завтра, завтра,—слабо улыбаясь, забормоталъ онъ.

Но къ вечеру кровь показалаась у него опять, и онъ впалъ въ безпамятство.

Черезъ два дня сумасшедшаго столяра изъ мертвецкой пришлось переселить на погребницу: мертвецкая понадобилась для Саула Ароновича.

Авторъ „Толковаго, справочно-библиографическаго указателя“ лежалъ на цинковой доскѣ, и служитель, налаживая саванъ, негодовалъ на искривленность его позвоночника, затрудняющую работу.

— И откуда кто сорнется,—а ты тутъ хлопочи, ей-Богу! Вотъ теперь господинъ писатель на мою голову. Вишь какой господинъ писатель! Самъ, какъ дуля, а горбъ... ну-ну!

Онъ потянулся, зѣвнулъ, крѣпче зятянулъ ремешекъ на штанахъ, првмѣрилъ холстъ и опять взялся за работу.

Онъ ворочалъ то сюда, то туда маленькое, иссохшее, съ огромными ступнями тѣло, а на окостенѣвшемъ лицѣ Саула Ароновича играло подобіе мирной улыбки, и она точно говорила:

„Ну что-жь, не надо къ себѣ прислушиваться! Таки надо себя немножечко въ сторону, такъ и будетъ все хорошо“...

Когда, къ вечеру, выносили тѣло, — за узкими, черными носилами шелъ только одинъ человѣкъ: жена глухого меламеда, Хана.

— Ты пойди, проводи, на самое кладбище проводи, — волнуясь, приказывалъ ей мужъ, и крупная мутная слеза выкатилась изъ его желтыхъ глазъ. — Ты не знаешь, Ханеню, что это былъ за человѣкъ! Золотой человѣкъ... Вотъ, возьми, спрячь эти листы, это его книга. Это знаменитое сочиненіе. Когда, Богъ дастъ, я выпишусь, я тебѣ объясню, что это за сочиненіе.

Но знаменитое сочиненіе Саула Ароновича для Ханы навсегда осталось необъясненнымъ: она, черезъ двѣ недѣли, опять шла за тѣмъ же черными носилками, и лежалъ на нихъ ея мужъ, глухой меламедъ.

Его похоронили неподалеку отъ Саула Ароновича, почти рядомъ.

И теперь, когда, въ годовщину разрушенія Соломонова храма, Хана съ дочерью и калѣжкой Юйной приходитъ на кладбище, — Юйна молится, а женщины припадаютъ къ землѣ и плачутъ. И прежде, чѣмъ вернуться домой, Хана обыкновенно подходитъ и къ могилѣ Саула Ароновича и говоритъ:

— Господи, прими его въ свой свѣтлый рай! Господи, прости мнѣ то, что я сдѣлала этому человѣку.

САВАНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Отецъ маляра Мотьки, рябой и косоглазый флейтистъ Менахемъ, хворавшій лѣтъ двѣнадцать, не переставая, слегъ и былъ отправленъ въ больницу. Тамъ его продержали недѣлю и выписали: палаты были переполнены, а помочъ больному оказалось невозможнымъ.

И теперь Менахемъ, весь скрюченный, желтый и страшный, лежалъ дома и медленно умиралъ.

Разбухшія легкія его дышали быстро и тяжело, плоскіе хлопья зеленоютою смрадной мокроты отрывались отъ нихъ съ хриплымъ гуломъ, потъ обильно струился по надутымъ щекамъ, а выпуклыя, косые глаза затянута были тѣмъ синеватымъ, холоднымъ туманомъ, который свойственъ взору только тяжелоумирающихъ.

Порою туманъ этотъ сбѣгалъ, и тогда во взглядѣ музыканта, остававшемся то на одномъ, то на другомъ изъ копошившихся въ комнатѣ дѣтей, появлялось выраженіе муки и дикаго ужаса.

— Шестеро... я все на Мотьку... Господи милосердый!..

Грудь Меявхемв подымалась еще выше, дыханіе становилось еще болѣе тяжелымъ, и обрывки непонятной и, можетъ быть, совсѣмъ неподходящей къ случаю молитвы безпорядочно путались въ темномъ мовгу умирввшаго...

Единственнымъ кормильцемъ семьи былъ теперь шестнадцатилѣтній Мотька. Съ утра до вечера онъ слонялся по городу и разыскивалъ, не удастся ли гдѣ „схватить двугривенный“. О томъ, чтобы въ глухую осень тяжелаго, неурожайнаго года вайти работу по малярному дѣлу, нечего было я думать, и Мотька брался теперь за все. Разъ ему посчвствливилось нв нѣсколько дней првстроиться при „оздоровленіи“ боевъ, которыя, по случаю свирѣпствовавшихъ въ городѣ тифа и скарлатины, санитарный надзоръ приказалъ поочистить. Потомъ онъ съ недѣлю рвботалъ у перещлетчика,—клеилъ въ картова рамки. Потомъ въ торговыхъ баняхъ починалъ заборъ, который повалило вѣтромъ... Но все это было случайно, доставляло гроши, и семья, вмѣстѣ съ умирающимъ, голодала...

„Уѣду въ Николвевъ,—мечталъ Мотька:—нѣ Одессу уѣду.. Города большіе, твмъ всегда работу явидешь...“

Но пляювъ этихъ онъ въ исполненіе не приводилъ: не было для поѣадка денегъ и нельзя было

покинуть умиравшего отца. Кромѣ того, Мотыкъ было хорошо извѣстно, что и въ большихъ родахъ тоже дѣлать нечего, что рабочій народъ и нѣ Николаевѣ тоже пухнетъ съ голоду... И онъ продолжалъ искать заработка на мѣстѣ, а мать его, Хася, тѣмъ временемъ таскала изъ дому всякую рухлядь и продавала ее полуголоднымъ старьенщикамъ...

Съ каждымъ днемъ Менахему становилось хуже,—понемногу, но замѣтно. Однажды съ нимъ случился припадокъ удушья, такой продолжительный и тяжкій, что, казалось, наступилъ уже конецъ. Избавительница-смерть, однако, не пришла, и послѣ трехчасового судорожнаго метанія больной стать постепенно успокаиваться и затихать...

Хася вышла изъ комнаты во дворъ и глазами позвала за собой Мотыку. Дворъ былъ большой, не огороженный и примыкалъ къ огромному пустырю, по которому проходила городская канавка. На краю канавы, прикинувшись къ землѣ, стояла хилая хатенка. Въ ней топили, и дымъ бойко вырывался изъ кривой, увѣчанной опрокинутымъ горшкомъ трубы, но сильнымъ вѣтромъ дымъ тотчасъ пригибало къ низу и, побѣжденный, онъ тяжело ползалъ по грязному снѣгу и разливалъ въ сырость воздухъ горькій запахъ горѣлаго княка...

— Боже мой, Боже мой! — простонала Хася,

всплеснувъ руками.—Что мы съ тобой сдѣлали, Мотька?

Лицо у Мотьки выражало какую-то стрвнную подавленность; глаза его не смстрѣли на мать, в безпредметно блуждали по сторонамъ, по темному бурьяну пустыря.

— Развѣ мы люди?.. Развѣ мы стоимъ того, чтобы насъ называли людьми?—продолжала Хася.—Мы звѣри... палачи-душегубы!..

Мотька молчалъ и по прежнему тупо смотрѣлъ въ сторону. Слова матери квокъ бы совсѣмъ не доходили до его сознанія, усталого и измученнаго.

— Мы ведостойны того, что васъ земля носить!—страство вскричалъ Хася.—Мы убійцы, оканяныя души...

— Ну, чего ты тамъ хочешь?—нетерпѣливо ввхмурился Мотька.—Что такое?

— Что такое?.. Ты еще спрашиваешь?.. А самъ, значить, ты не знаешь?..

Въ голосѣ Хаси, въ томъ выражевіи, которое ввезпно появилось вв ея костлявомъ лицѣ, было столько сильнаго, грознаго и злого, что Мотька, наконецъ, встрепелся.

— Да я ве понимаю!..

— Не понимаешь?.. Ты, звичить, вины ав собой не чувствуешь?..

— Сквжи, въ чемъ дѣло? О чемъ ты говоришь?

— О чемъ я говорю?

Хася, стиснувъ зубы, впиалась глазами въ сына. Съ минуту она стояла, не проронивъ ни одвого звука. Хотѣлось ли ей помучить Мотьку, отомстить ему за преступную недогадливость, или же, напротивъ, ей больно и страшно было нанести новую рану этому почти еще дѣтскому, но уже такъ сильно истерзанному сердцу...

— Такъ скажи уже... ну!.. — съ тревожной мольбой произнесъ Мотька.

Хася обернулась, медленно обвела глазами дворъ и потомъ, склонившись къ сыну, къ самому его лицу, злобѣще прошептала:

— А саванъ?.. Саванъ у отца есть?..

Мотька вадрогнулъ... Для чего-то оцъ тоже окинулъ взглядомъ домъ и дворъ, и пустырь и потомъ перевелъ глаза на мать. Нѣсколько мгновений они смотрѣли другъ на друга, и у обоихъ было выраженіе испуга и муки.

— Вѣдь отецъ твой всетаки не подзаборный какой-нибудь... — съ силой вскрикнула Хася: — какъ же мы могли допустить, чтобы у него не было своего савана?!

— Господи, Боже мой! — простоналъ Мотька. — Я совсѣмъ не думалъ...

— Вотъ то-то, что не думалъ! — съ ненавистью перебила Хася. — Ты не думалъ, я не думала, никто не думалъ, и отца придется хоронить въ чужомъ саванѣ... Послѣдній нищій не допустилъ бы

до этого, а мы вѣдь всетаки приличными хозяевами были до сихъ поръ... И мало на насъ отецъ работаль, мало страдалъ за насъ?..

Она громко плакала. Мотька стоялъ съ низко опущенною головой, и видъ у него былъ совершенно убитый. Каждое слово матери расплавленнымъ свинцомъ падало на его сердце. Вѣдь совершенная правда, что и послѣдній нищій не допустить того, чтобы быть похороненнымъ въ чужомъ саванѣ. Чужой саванъ—это страшное несчастье, позоръ. Самый бѣдный человѣкъ дѣлаетъ прямо невозможное, чтобы уберечься отъ него. Не ѣсть, не пьеть, собираетъ по копѣйкѣ и обезпечиваетъ себя послѣднимъ уборомъ. Даже у безногаго Менделя, вищаго в одивокаго, саванъ девять лѣтъ лежалъ въ сундукѣ, пока въ немъ явилась надобность... Всѣ бѣдные люди поступаютъ такъ и запасаются сававомъ во-время... Только онъ вотъ этого не сдѣлали... И теперь ихъ покойника похороняютъ въ чужомъ, даренномъ одѣяніи...

До сихъ поръ Мотьку мучилъ голодъ, мучило сознание, что голодаеть семья, мучилъ ввѣдъ умирающаго отца. Теперь ко всѣмъ этимъ мукамъ прибавилось новое страданіе: угрызеніе совѣсти...

Отецъ болѣеть съ каквхъ поръ, и давно уже извѣстно, что овъ умираеть. За это время случалась работа, за это время распродали все, что было въ квартирѣ, перепадали, значить, кое-какія деньги,

а о покупкѣ савана никто не подумалъ... Человѣкъ—подлый эгоистъ! Человѣкъ—лѣсной звѣрь! Когда овъ голоденъ, овъ думаетъ только о томъ, чтобы нажратъся, а долгъ, даже самый святой, для него не существуетъ...

— Несчастные мы, несчастные!—взвыла Хася.

И, ударивъ себя кулакомъ въ голову, она медленво, уже не плача, побрела домой...

Наступившая ночь была для Мотьки ужасною.

Съ какой стороны онъ въ подходилъ къ вопросу, онъ не могъ найти себѣ ве только оправданія, во в смягчающихъ вину обстоятельствъ. За эту зину они опустились. Они привимали подачки, подавая. Но это ничего не значить. Живой можетъ протягивать руку, во покойника отъ этого срама надо уберечь. Усопшій человѣкъ—снять, оттого и кладбище вазывается „святымъ мѣстомъ“. Святого человѣка вельзя допустить до позора.

Мотька лежалъ на полу, ва ридвѣ, и мысль о чужомъ саванѣ веустанво сверлила его сердце. Какъ могъ онъ забыть о своемъ долгѣ! И какая ужасная, гнусная веблагодарность по отношевию къ отцу!.. Отецъ всю жизнь трудился, какъ каторжникъ. Больвой, съ распухшими легкими, игралъ на снадьбахъ до разсвѣта, днемъ бѣгалъ по городу по макерству, терпѣлъ всякя униженія, издѣвательства,

и все это для семьи, чтобы добыть дѣтямъ хлѣбъ, чтобы ихъ учить. Изъ него, Мотьки, онъ хотѣлъ даже сдѣлать доктора, нанималъ ему учителей и готовилъ въ прогимназію. Но Мотька былъ лѣнивъ и неспособенъ: учеиье рѣшительно не шло ему въ голову. Бились съ нимъ, бились, а толку не вышло. Пришлось его отдать въ науку къ маляру, в Меиахемъ до послѣдняго времени сокрушался, глядя на сына: „Не хотѣлъ меня Господь благословить,—со скорбью говорилъ онъ,—не далъ мнѣ удачнаго первенца“.

— Удачный первенецъ!—язнительно шепталъ Мотька:—каты, а не первенецъ!..

И ему казалось теперь, что отецъ оттого, что будетъ погребенъ не въ своемъ саванѣ, будетъ опозоренъ на вѣчныя времена—и здѣсь, передъ живущими, и въ загробномъ мірѣ. Душа усоншаго, лишенная покоя, станетъ блуждать по землѣ и разыскивать собственный саванъ... Обыкновенно блуждаютъ только души грѣшниковъ, души людей, которые при жизни дѣлали много зла. Но, въ концѣ концовъ, какъ знать это нѣ точноности? Какъ знать такія тонкости ему, темному малому, ничему не учившемуся, неотесанному, невѣжественному маляру?..

Мотька сѣлъ, прислонился худой щекой къ темной и сырой стѣнѣ и началъ прислушиваться къ дыханію отца. Оно было страшное и страшное—

гулкое, хрипящее, рокочущее. Казалось, что внутри у больного что-то жесткое и твердое разрывается отъ начала до конца, потомъ склеивается опять и опять разрывается. И еще казалось, что въ горлѣ и груди у него все занесено тяжелой мокротой, что онъ силится извергнуть ее вонъ, и не можетъ...

А на дворѣ въ это время отжившая, но не хотѣвшая уступать свое мѣсто осень на смерть боролась съ зарождавшейся зимой. Буйнымъ дождемъ и гнилымъ морскимъ вѣтромъ она разѣдала грязно-бѣлую пелену выпавшаго наканунѣ снѣга и обламывала на деревьяхъ и вездѣ, гдѣ находила, послѣдніе остатки едва появившейся ледявой коры. И деревья, не желавшія оковъ, помогали осени и тяжело раскачивались, свирѣпо бушуя, черными вѣтвями... Сердито метался встревоженный камышь на разореной крышѣ; вдрагивая, скрипѣли обнаженные стропила, и гулко хлюпала въ полъ просачивавшаяся черезъ вогнутый и готовый обрушиться потолокъ вода... Тревожные, жуткіе, угрожающіе звуки, ни на минуту не стихая, трепетали въ холодномъ сумракѣ и наполняли Мотькину душу мучительнымъ страхомъ и непобѣдимой тоской... Ему казалось, что въ этотъ часъ на кладбищѣ, среди мирныхъ, неподвижныхъ памятниковъ, нѣкоторыя могилы вскрываются, и давнымъ давно погребенные люди выходятъ изъ нихъ наверхъ. Съ горестнымъ вздохомъ, стуча костями, блуждаютъ они во

тьмѣ и ищутъ собственные саваны... Вотъ вдали что-то бѣлѣетъ... покойники устремляются впередъ... Но то не саваны, а полосы полуразмытаго снѣга... Съ глухими стопами покойники отходятъ прочь и снова начинаютъ скитаться, и скитаются безъ конца...

Раннимъ утромъ, когда было еще темно, Мотька вышелъ изъ дому съ твердымъ рѣшеніемъ не возвращаться безъ савана.

Какъ его добыть? Работы Мотька не найдетъ,— это онъ зналъ. Взаимы ему не дадутъ,—это тоже было ему извѣстно. Оставалось одно: украсть что-нибудь и продать...

Объ этомъ Мотька думалъ долго и напряженно, и у него, наконецъ, сложился опредѣленный и стройный планъ...

На краю города, за лѣсными складами, стояло большое, новое зданіе пивовареннаго завода. Строили его полтора года тому назадъ, и Мотька отдѣлывалъ здѣсь квартиру для пладѣльца завода, чека Кубаша. Было тогда лѣто, зеленѣла трава, пѣли жаворонки, разливала нѣжный аромат бѣлав акація, и Мотька чувствовалъ себя молодымъ, счастливымъ и добрымъ... Онъ стоялъ тогда на подоконникѣ, проворно водилъ по станню жирной кнстью и во несъ голосъ распѣвалъ веселыя пѣсни, енрейскія и русскія.

— Спѣвака, спѣвака,—заворчалъ, неожиданно появляясь, Кубашъ, огромнаго роста мрачный человекъ съ бритыми усами и коротенькими желтыми бачками.—Спѣвать ты можешь, а какъ работаешь?

— Посмотрите.

Мотька спрыгнулъ съ подоконника, воткнулъ кисть въ ведро съ красками и сталъ подлѣ Кубаша. Мрачный чехъ внимательно оглядѣлъ только что выкрашенный ставень, потомъ въ другой комнатѣ обон—хорошо ли пришелся узоръ на швъ, потомъ для чего-то помѣшалъ въ ведрѣ краски и, вичего не сказавъ, вышелъ въ переднюю. Здѣсь, на широкой стѣнѣ, противъ входа, Мотька, внѣ уговора, изобразилъ клеевыми красками вулканъ. Изъ верхушки совершенно правильной сней пирамиды вавивались вверхъ широкія полосы охры и сурику—огненные языки; какіе-то плотные чернокрасные блины въ большомъ количествѣ носились въ сѣрыхъ клубахъ дыма, а внизу, у основанія пирамиды, опять было царство сурика и охры,—это изображало уже море.

— Угу!—вскричалъ Кубашъ, пораженный такимъ великолѣпьемъ.—Ты настоящій молодець... Ей-Богу... Знаешь? Будешь мимо завода проходить—пожалуйста, входи: всегда будешь пиво получать. Пей, сколько угодно...

И вотъ въ это холодное, вѣтряное и дождливое утро Мотька отправился на знакомую пивоварню.

Мѣсто здѣсь было глухое, безлюдное; заводскіе сараи заполнены были разнымъ добромъ, всѣ входы и выходы въ нихъ Мотька зналъ отлично и рассчитывалъ на вѣрную удачу..

Но когда онъ сталъ приближаться къ высокому сѣрому зданію, имъ начало овладѣвать сомнѣніе...

— Не сумѣю,—уныло бормоталъ онъ:—ничего не выйдетъ... все равно ничего не выйдетъ... Вернуться бы...

Но въ немъ жило жестокое сознаніе, что выйти „должно“, что отговорокъ никакихъ не можетъ быть,—и онъ продолжалъ идти...

— Ну, что же я тутъ возьму?—съ сердечнымъ замираніемъ спрашивалъ онъ себя черезъ нѣскольکو минутъ, прильнувъ лицомъ къ намокшимъ темнымъ доскамъ забора и оглядывая черенъ щелку широкой дворъ.—Ну, куда тутъ?..

На пинонарѣ было пусто и тихо, какъ въ покинутой усадьбѣ, и казалось, что здѣсь и не работаютъ, и не живутъ, что все здѣсь вымерло давнымъ-давно и новою жизнью не замѣнилось...

— Вотъ сарай открыть... санн тамъ... упряжь... инструментъ разный... А какъ унести?.. Поймають нѣдь, непременно поймають...

Мотька тоскливо оглядѣлся.

Надѣво, сквозь густую сѣтку дождя, смутно виднѣлась городская окраина: жалкія лачужки, повалившіеся плетни, темныя массы лѣсныхъ скла-

донъ и подлѣ нихъ, въ низменныхъ мѣстахъ, образованшіяся за ночь большія сѣрыя лужи. Направо тянулось обширное кладбище,—то самое, куда на дняхъ отнесутъ завернутаго нѣ чужой санаяъ Менихема... Прямо впереди разстилалось поле, унылое и иутное, и ндали, по черной дорогѣ, медленно плелась одинокая, затушеванная дождемъ телѣга. Тащившимъ ее воламъ было трудно, они часто останниливались, и невидимый возница проклиналъ ихъ и оглашалъ тусклую мглу протяжными и плачущимъ крикомъ...

Мотька стоялъ, сжнвшисъ и подоигувъ колѣни. Руки его были вложены нѣ карманы парусиной куртки, а куртка эта была вся мокрая, какъ тряпка, которою скульпторъ покрываетъ сноу глину. Она прилипла къ спинѣ, и худыя, острия лопатки Мотьки обрисовывались отчетливо и ясно.

— За велосипедъ много бы дали, — думалъ Мотька, снова припадая къ щелкѣ.—Возьму велосипедъ и отведу въ городъ.

Было дико и совершенно безразсудно предполагать, что это можетъ удаться. Но Мотька такъ былъ измученъ горемъ и голодомъ, что утратилъ способность извѣшинать обстоятельства... Онъ напряженно смотрѣлъ нѣ щель и, стараясь прорѣзать глазами утренній сумракъ, разыскивалъ велосипедъ...

— Эге, ты?!—раздался вдругъ чей-то громкій голосъ.—Пришелъ?..

Мотька вздрогнулъ и быстро отквнулся отъ забора.

На деревянномъ, занесенномъ глиной и грязью крыльцѣ, которое еще такъ недавно Мотька тщательно раскрашивалъ подъ черный мраморъ, въ высокихъ ботфортахъ и непромокаемомъ плащѣ стоялъ Кубашъ.

— Что, маляръ? Жарко стало? Пива захотѣлось?

Мотька растерянно оглянулся. Потомъ, точно внезапно сообразивъ что-то, быстро подошелъ къ крыльцу.

— Господинъ Кубашъ,—взмолился онъ:—дайте мнѣ какой ввбудь работы!

— Работы?—удивился Кубашъ.—Какая же теперь работа? Теперь работы нѣтъ... Лѣтомъ буду строить флигель, тогда приходи, будетъ тебѣ работа.

— Мнѣ теперь нужно... сейчасъ... мнѣ вужно сегодня... мнѣ нужно ва саванъ...

Внезанный порывъ вѣтра пригнулъ верхушки темныхъ акацій, толкнулъ въ спину Кубаша, а Мотьку ударилъ въ узкую грудь и въ лицо, по раскрытому рту.

— Я все буду дѣлать... что хотите...

Кубашъ вахмурился.

— „Все буду дѣлать“, — угрюмо проворчалъ

овъ.—А гдѣ я возьму? Я—министръ?.. Дѣль нѣтъ, пива никому не вадо. Почти всѣхъ рабочихъ разсчиталь... Вотъ лѣтомъ, когда будутъ строить флигель...

По лицу Мотыкъ пробѣжало что-то холодное, недоброе и перекосило его губы.

— „Лѣтомъ“... А теперь... Господынь Кубашъ, что же мнѣ теперь дѣлать: воровать, что ли?..

Свова вѣтеръ ударилъ его въ грудь и свова послалъ въ его раскрытый ротъ цѣлую пригоршню крупныхъ и холодныхъ дождевыхъ капель.

— Воровать?.. Ахъ, подлая погода!..—Кубашъ повернулся къ Мотыкъ бокомъ и ваялся за дверную ручку.—Теперь многіе воровать пошли; полый городъ воровъ... Ну, а ты маляръ хороший,—дружелюбно улыбаясь, добавилъ овъ.—Ты воровать не будешь.

— Буду! Честное слово буду!—съ силой вскричалъ Мотыкъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь.—Буду... Я вотъ и сейчасъ велосипедъ хотѣлъ у всѣхъ украсть... Я затѣмъ и прѣшель сюда... вотъ уже высматривалъ въ щелку...

Кубашъ оторвалъ руку отъ двери, проворво обернулся и уставился на Мотыку тревожнымъ взглядомъ.

— Велосипедъ?.. Ты!!..

— Да, я... Я пришелъ красть... Велосипедъ или упряжь, или другое что... все равно, что попадется...

Мотыка трясся всѣмъ оловомъ худенькимъ, маленькимъ тѣломъ и возбужденными, горящими глазами смотрѣлъ на Кубаша. Кубашъ сурово хмурился и молчалъ. Но въ сердцѣ этого человѣка было суровость. Напротивъ, въ немъ шевелилось что-то похожее на смущеніе и жалость...

„Двугривенный ему дать?“ подумалъ онъ.

И онъ было просунулъ руку въ карманъ... Но дѣлный рядъ соображеній сталъ возвѣщать въ его головѣ... Двугривенный отдашь, а толку не будетъ... Ему двугривеннаго мало... Завтра же онъ придетъ за новой подачкой... А деньги теперь и безъ того со всѣхъ сторонъ дерутъ. На прошлой недѣлѣ былъ ковдеръ „въ пользу“, теперь елку стали готовить тоже „въ пользу“... Сборы не кончаются, давай да давай, и ввѣщихъ развелось тьма тьмущая... Дай вотъ ему теперь, а онъ возьметъ, да въ видѣ благодарности, и въ самомъ дѣлѣ велосипедъ стащить...

Кубашъ стдернулъ назадъ наѣхавшій на глаза капюшонъ и исподлобья взглянулъ на Мотыку. Тотъ стоялъ по прежнему, согнувъ колѣва и обтягивая спину мокрой курткой; лицо его выражало рѣшимость въ вражду.

„Опасно“, думалъ пивоварь: „только приучишь его сюда шататься: повадится самъ и другихъ приведетъ... цѣлую шайку воровъ приведетъ... имъ здѣсь удобно, мѣсто глухое“.

И то чувство, похожее на жалость, которое до сихъ поръ тихо шевелилось въ его сердцѣ, вдругъ исчезло и замѣнилось холодной злобой.

— Воровать ты здѣсь не сможешь,—рѣво и винуительно отчеканилъ онъ.—У меня, братъ, двустволка чудесная... Я церемовиться не стану: прямо въ голову буду цѣлвать... Да! И потомъ, вотъ еще что,—сильнѣе закиная, добавилъ онъ:—сегодня же я заявлю пристау, и если малѣйшее что у меня случится—ты первый отвѣтчикъ!.. Понялъ?.. Понялъ ты это?

Мотка молчалъ. Странное чувство смутнаго недоумѣнія стало охватывать его.

„Но какъ же это... вѣдь нуженъ саванъ“... мысленно шепталъ онъ: „вѣдь необходимъ... Вѣдь нельзя же безъ савана“...

— Ну, и ступай, откуда пришелъ!—заклучилъ Кубашъ.—Ступай, ступай... велосипедистъ!.. Проваливай!..

Мотка опустилъ голову и тихо побрелъ вдоль канавы... Вода въ сапогахъ его чавкала мѣрно и громко. Вдали злобно и горестно крвчали невидимый возница, и обезсиленные волю уже ве плелись, а стояли неподвижно...

— Эй, послушай-ка, маляръ!—опять раздался голосъ Кубаша.—Поди-ка, братъ, сюда.

Мотка остановился.

— Поди сюда,—повторилъ пивоварь:—дѣло есть.

Въ скорбныхъ глазахъ Мотьки вдругъ мелькнуло что-то похожее на надежду, и онъ поспѣшво подошелъ къ крыльцу.

— Ты аоть что мнѣ скажи,—началь Кубашъ, спускаясь со ступенекъ и подходя къ Мотькѣ вплотную.—Ты вотъ, я вижу, на всѣ руки мастеръ... такъ ты ужъ тово... говори лучше прямо: послѣ Покроаа тутъ у развозчика Анисма кнсетъ съ тремя рублями украли,—твое это дѣло?

Мотька шелъ на кражу, и самъ же объ этомъ Кубашу заяаилъ, но теперь, когда его обаннили въ воровствѣ, а въ аороствѣ, не предполагавшемся только, а уже совершениомъ, онъ анезапно почувствовалъ горькую обиду и тяжелый, развѣдающій стыдъ. И такъ же ввеванно мелькнула у него мысль, что еслв большой позоръ—быть погребеннымъ въ чужомъ саванѣ, то еще болѣе позоровое дѣло—саанъ, прибрѣтенный посредстаомъ кражи...

— Признавайся,—загремѣлъ Кубашъ,—твоя работа?

Мотька поднялъ на обидчика полные грустнаго укора глаза.

— Моя? — удивленно и жалобно проговорилъ онъ:—я?.. моя работа?..

— Твоя!.. Ужъ, конечно, твоя!.. А то чья же?..

Лицо у Кубаша сдѣлалось злымъ и жестокимъ; нижняя губа вакрыла аерхнюю, глаза округлились,

а отъ раздувшихся ноздрей протянулись вннзъ днѣ длинныя, рѣвкія складки...

— Какъ правда то, что есть Богъ на свѣтѣ...— всхлипнувъ, началъ Мотька.

— Ты про Бога молчи, снолочи!—гаркнулъ Кубашъ, свирѣпѣя и схватывая Мотьку за плечо. — Тогда кнсетъ, теперь велосипедъ, упряжь... норюга!..

— Я не воръ... клянусь вамъ... Богомъ клянусь... отцомъ и матерью клянусь... Господинъ Кубашъ, я адѣсь не былъ уже полгода...

— Врешь, сукинъ сынъ, былъ! Кралъ!.. И мѣшки нзъ сарая укралъ... Я тебя отучу сюда таскаться, прохвость!..

Кубашъ схватилъ Мотьку за шиноротъ и приподнялъ.

Онъ былъ человѣкъ рослый и плотный и нъ своемъ длинномъ и широкомъ непромокаемомъ плацѣ походилъ на святую съ пьедестала огромную бронзную статую... Въ его длинныхъ, могучихъ рукахъ дѣтская фигура Мотьки ватрепыхалась и заблалась, какъ бьется подъ ножомъ мясника двухнедѣльный ягненокъ... Кубашъ поднялъ ногу, обутью въ тяжелый ботфортъ, согнулъ ее и съ размаху ударилъ Мотьку въ спину...

Мотька отлетѣлъ шаговъ на десять въ сторону и, тяжело ухнувъ, шлепнулся грудью и животомъ на размытую землю. На немъ были дареныя, череа-

чурь большіе штилеты, и теперь одинъ изъ нихъ сорвался съ ногъ и плюхнулъ въ канаву.

— Будешь звать, подлюга,—говорилъ Кубашъ, подымаясь обратно на крыльцо.—Теперь больше ве явнисья!..

Но словъ его Мотька ве слышалъ. Онъ былъ оглушенъ и лежалъ, какъ мертвый.

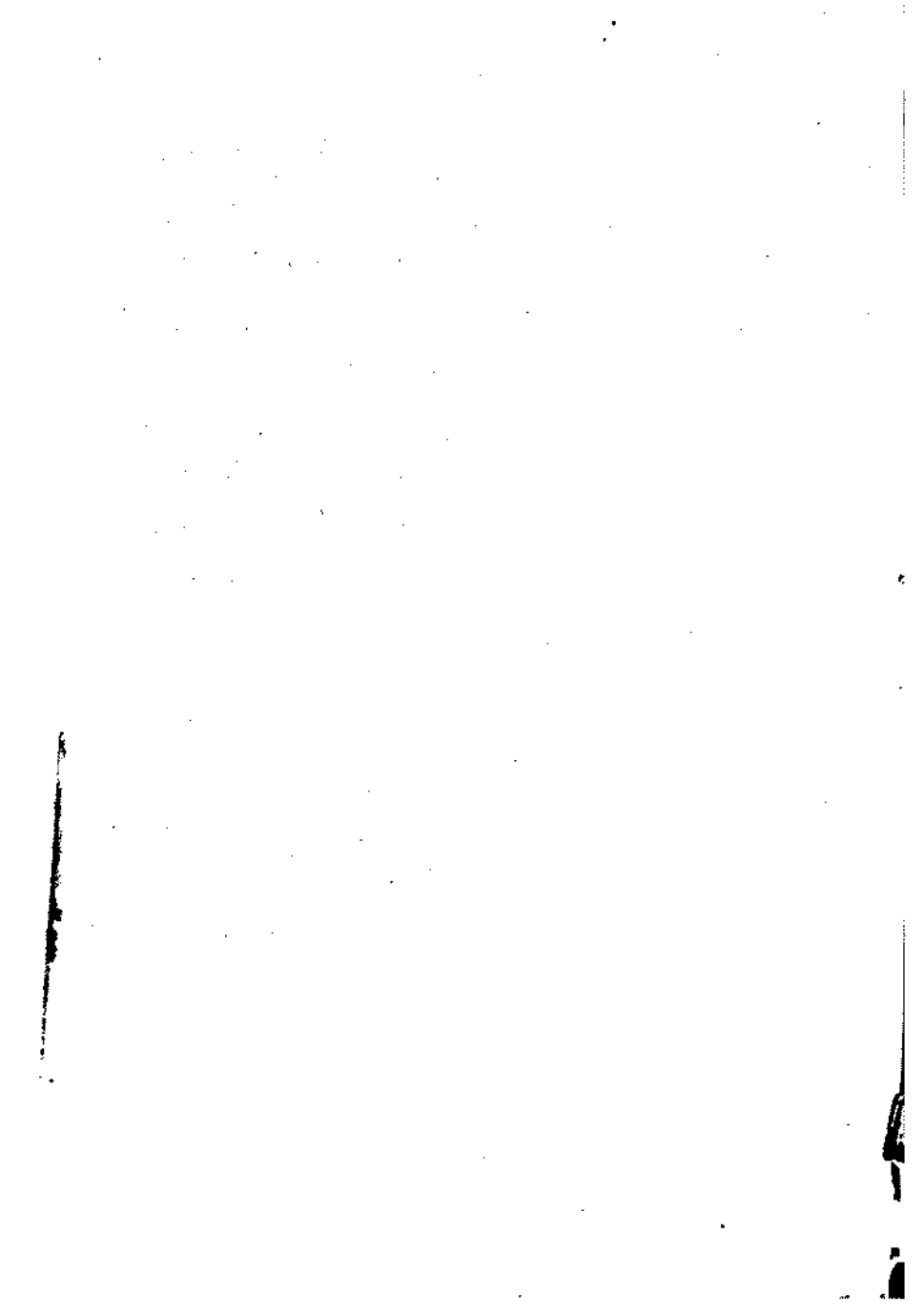
Когда же черезъ нѣкоторое время къ нему пернулось созваніе и онъ поднялся,—лѣвый глазъ его не могъ раскрыться, а изо рта у него струилась перемѣшанная съ жидкой грязью кровь.

Медленно, держась обѣими руками за бока, сильво хромая лѣвой босой ногой, онъ потащился къ городу...

— Господи, отчего онъ не убилъ меня?..—судорожно простоналъ онъ.

Но тутъ онъ вспомнилъ, что умирать ему вельзя, что ему еще нужно добыть для отца саванъ и спасти его душу отъ вѣчнаго скитанія...

Дождь лилъ, было холодно в темво; казалось, что возмущенное солнце отвернулось отъ этого несчастнаго, насыщеннаго василіемъ и злобою края и больше уже ве взглянетъ на него никогда...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1) На чужбинѣ	3
2) Рабъ	62
3) Земляки	108
4) Объ одномъ влодѣяніи	151
5) «Немножечко въ сторону»	176
6) Саванъ	242
